Гришин Н.В.

Динамика электоральных предпочтений населения Юга России: Сравнительное исследование

Москва
Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ»
2008

УДК 324
ББК 66.3
Г85

Рецензенты:
доктор политических наук, профессор *Э.А. Зелетдинова*
доктор философских наук, профессор *Л.В. Сморгунов*

Гришин Н.В.
Г85 **Динамика электоральных предпочтений населения Юга России: Сравнительное исследование**. — М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2008. — 182 с.

ISBN 978–5–91579–013–0

В монографии на основе методологии сравнительных исследований рассматриваются теоретические и прикладные аспекты электоральных ориентаций населения Южного федерального округа. Рассмотрены материалы федеральных выборов в период 1995–2007 гг.

Для студентов, аспирантов, специалистов в области политологии.

© Гришин Н.В., 2008.
© Воробьев А.В., оформление, 2008.

ISBN 978–5–91579–013–0

Научное издание

Сдано в набор 10.03.2008. Подписано в печать 14.03.2008. Формат 60x88/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,375.
Уч.-изд. л. 10,84. Тираж 1 000 экз. (1-й завод — 500 экз.). Заказ № 43.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым.*

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ». **7720376@mail.ru**
141200, Московская область, г. Пушкино, Московский проспект, дом 55. Тел. **772–03–76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

1. Теоретические основы изучения электоральных ориентаций населения Юга России 13

1.1. Теории электорального поведения: основные подходы и ключевые проблемы 13

1.2. Методологические основы изучения электоральных ориентаций на Юге России 39

2. Факторы территориальных различий электоральных ориентаций на Юге России 62

2.1. Объективные факторы электоральных предпочтений 65

2.2. Субъективные факторы электоральных предпочтений 90

3. Дифференциация поддержки политических сил на Юге России 102

3.1. Электоральное участие на Юге России 102

3.2. Электоральная поддержка КПРФ на Юге России 105

3.3. Электоральная поддержка ЛДПР на Юге России 115

3.4. Поддержка партии власти на Юге России 126

3.5. Поддержка либералов на Юге России 139

3.6. Активно-протестное голосование («против всех») на Юге России 152

3.7. Геоэлекторальная модель Юга России 164

Заключение 168

Приложение 172

Введение

Современная российская государственность имеет пока совершенно небольшой опыт проведения конкурентных демократических выборов, продолжительность которого не достигла и двух десятилетий. Первые «свободные» выборы народных депутатов состоялись в 1989 г., имели специфический характер из-за отсутствия конкуренции партий и политических организаций. В систематическом порядке парламентские выборы, в том числе голосование по партийным спискам, проходят с 1993 г. и в 2007 г. состоялись всего пятые по счету федеральные парламентские выборы. Закономерно, что в настоящее время политическая наука только накапливает эмпирический материал по электоральному процессу в России. Многие феномены электорального процесса пока только раскрывают свою отечественную специфику; их изучение осуществляется зачастую по аналогии с феноменами западного политического процесса (в силу более развитой теоретической базы и более богатого эмпирического материала). Как обнаруживает практика, российский электоральный процесс имеет ряд характерных особенностей. Их выявление и осмысление предстает самостоятельной научной проблемой. К числу таких сложных специфических феноменов относится система электоральных ориентаций россиян.

Сравнительное изучение электоральных ориентаций является перспективным направлением политической регионалистики, привлекающим большое внимание современных исследователей, отраженное в возрастающем количестве научных работ.

Данная работа посвящена сравнительному изучению электоральных ориентаций населения Южного федерального округа.

Тема обладает определенной актуальностью и применительно по отношению к изучению культур электорального поведения России в целом. Южный федеральный округ является тем макрорегионом, в котором отражена сложность политической культур всей станы, который можно рассматривать в качестве модельного примера рассмотрения России в целом. Сложная социальная, этническая, экономическая, культурна структура макрорегиона в основных чертах воспроизводит общероссийскую картину.

Электоральные ориентации населения в контексте данного исследования будут рассматриваться как проявляющиеся в ходе голосования на выборах в органы власти политические действия, заключающиеся в предусмотренных избирательным законодательством формах отношения к политическим субъектам.

Существует традиция отождествления электорального поведения и политического поведения. Понятие политического поведения является более широким по объему по отношению к понятию электорального поведения.

Так же электоральные ориентации нет оснований рассматривать как простое и адекватное выражение политических предпочтений населения. Поскольку голосование (электоральный выбор) происходит между заданной совокупностью претендентов (кандидатов и партий), необходимо учитывать эту относительную составляющую электорального выбора. Следовательно, электоральные предпочтения населения в рамках конкретных выборов нельзя рассматривать как точное выражение политических предпочтений населения. В связи с этим требуется использование иной методологии, нежели чем для изучения политических ориентаций и установок.

Степень научной разработанности проблемы. Первые серьезные научные исследования, посвященные изучению закономерностей электорального поведения и электоральных ориентаций населения, появляются только в XX в. Как за рубежом, так и в России в зарождении и развитии исследований электорального поведения решающую роль сыграли представители географической науки. В связи с этим инструментарий политико-географических исследований является основным для исследований этих вопросов до их пор.

Западная политология лидирует в развитии теорий, посвященных территориальным особенностям политических ориентаций населения. Теоретические вопросы электорального поведения рассмотрены в трудах П. Лазерсфельда, Б. Берельсона, С.М. Липсета, Э. Кэмпбелла, Д. Батлера, Д. Стокса, Э. Даунса, Й. Шумпетера, М. Фиорины, Х. Химмельвейта, Х. Тингстена и др.

Богатый теоретический багаж накоплен в исследованиях западных представителей электоральной географии — А. Зигфрида, С. Роккана, П. Тэйлора, Дж.Эгнью, Р. Моррилла, географических трудах П. Хёгерстранда.

В зарубежной политической науке детально рассмотрены проблемы применения количественных методов в изучении электорального поведения (О. Дэвис, К. Куинн, А. Мартин, С. Мэррилл, М. Хинич)[1].

В российском изучении политических ориентаций населения и политической географии доминируют западные теории. Это является достаточно уязвимой особенностью — механическое перенесение разработанных на основе зарубежного эмпирического материала концептов невозможно. Наиболее явные сложности возникли, например, при использовании на российском материале теории «расколов» С.М. Липсета-С. Роккана. Как следствие, западные теории уже с конца 1980-х гг. корректируются отечественными учеными. В результате такого процесса у нас в России выросло немало сильных исследователей, изучающих теоретиче-

ские вопросы политических предпочтений населения в России и по отдельным регионам (В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Н.В. Петров, А.С. Титков, Р.Ф. Туровский и др.). Кроме этого, в российской политологии достаточно поздно началось серьезное изучение современных западных теорий электорального поведения. В.Я. Гельман отмечает, что в российских научных работах опыт применения сравнительных политологических моделей электорального поведения (Э. Даунс, М. Фиорина, С. Липсет и С. Роккан, Э. Кэмпбелл) появился только в 1997 г[2].

Политические предпочтения избирателей Юга изучались в качестве региональных проявлений общероссийских процессов в работах В.А. Колосова, Г.В. Марченко, Р.Ф. Туровского, Н.В. Петрова, А.С. Титкова и др.

Политические предпочтения населения по отдельным территориям ЮФО исследовали местные ученые — С.В. Юсов, Е. Нагайчук, В. Коновалов, Д. Абросимов, В. Харченко, А.К. Агапонов, Н.П. Кутырев в Ростовской области[3], А.В. Баранов в Краснодарском крае[4], Э.А. Зелетдинова, Р.Х. Усманов, Н.В. Гришин в Астраханской области. На материалах Волгоградской области электоральное поведение исследовали В.Я. Гельман, Н.В. Дулина, В.В. Токарев, А. Рогожин[5]. Ставропольский край стал объектом анализа в статьях М.А. Аствацатуровой и В.В. Мышьякова[6]. Почти все эти работы выполнены в жанре эмпирического ситуационного анализа, в том числе монография автора этой работы (2006 г.)[7].

Концептуальные исследования политических ориентаций и политических предпочтений населения Юга России отсутствуют. Исключение составляют несколько небольших работ.

В отечественной политической науке существует значительное количество исследований, касающихся теоретических вопросов изучения электоральных ориентаций населения российских регионов. В рамках данного исследования наибольшее значение имели работы таких авторов, как А.С. Ахременко, Н.В. Анохина, М.Н. Афанасьев, В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, А.В. Заварзин, В.А. Колосов, О.В. Кочеткова, А.Е. Любарев, Г.В. Марченко, А.Г. Манаков, Е. Ю. Мелешкина, Д.Д. Орешкина, Р.Ф. Туровский, Н.В. Петров, Л.В. Сморгунов, А.П. Страхов, С.И. Сысоева, А.С. Титков, Ю. Д. Шевченко.

Методологические вопросы применения географических методов в исследовании электорального поведения отражены в исследованиях отечественных ученых Г.В. Голосова, Д.В. Доленко, В.А. Колосова, А.Г. Манакова, Н.В. Петрова, Р.Ф. Туровского, А.С. Титкова[8].

Вопросы применения компаративных методов в изучении политического и электорального поведения в России обстоятельным образом изучены Л.В. Сморгуновым. В частности, им были рассмотрены возможности применения для исследования российских политических отношений таких зарубежных методик, как булева алгебра, индексный анализ, типологический анализ[9].

В 1990-е гг. Г.В. Голосов, В.Я. Гельман, А. Ю. Мельвиль, Е. Ю. Мелешкина[10] исследовали динамику электоральных процессов в России при помощи количественных индикаторов. Вопросам применения количественных методов в исследовании политического поведения посвящено несколько работ О.Ф. Шаброва[11].

Значительный опыт в применении количественных методов в изучении электоральных предпочтений населения принадлежит исследовательской группе «Циркон» (руководитель — И.В. Задорин). В 2003 г. группа осуществляла проект «Межрегиональный электоральный мониторинг», в работе над которым применялась компаративная, политико-географическая и количественная методология[12].

По вопросам использования количественных методов в изучении политического поведения подготовили и защитили диссертации С.В. Володенков[13] и Ю.М. Баскакова[14].

Некоторые аспекты применения математических методов в сравнительном исследовании политических отношений рассмотрены Ю.М. Баскаковой, в частности, метод количественного моделирования, построение модели детерминации электоральных предпочтений и результатов на выборах федерального уровня в российских регионах.

Проблемы воздействия детерминант на электоральное поведение в России изучались в работах Н.В. Анохиной, М.Н. Афанасьева, А.В. Баранова, А.Ю. Бузина, В.А. Ванькова, А.Б. Воронцовой, А.С. Диамбекова, К.Ф. Завершинского, В. Б. Звоновского, О.В. Кочетковой, Е.В. Лузиной, В.А. Мау, Е.Ю. Мелешкиной, Е.В. Морозовой, Д.Б. Орешкина, О.В. Поповой, Г. В. Пушкаревой, В. Л. Римского, У. Сересовой, А. И. Соловьева, А.П. Страхова, С.И. Сысоевой[15], других авторов.

Значительное количество диссертаций в России посвящено изучению электорального поведения населения. В 1997 г. одни из первых диссертаций на соискание ученой степени доктора политических наук по вопросам электорального поведения была защищена В.Г. Зарубиным[16].

Среди других диссертационных работ по электоральному поведению можно отметить следующие:

На соискание ученой степени доктора политических наук — С.Г. Зырянов («Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов», Ростов-на-Дону, 2007)[17].

На соискание ученой степени кандидата политических наук — И.Б. Байханов («Современные электоральные пространства в ракурсе мировой политики», Москва, 2007)[18], Р.З. Близняк («Региональный электоральный процесс (на примере Краснодарского края)», Краснодар, 2003)[19], М.И. Богданова («Российская электоральная политика: институциональные ресурсы и технологии реализации», Ростов-на-Дону, 2006)[20], О.А. Дроздецкая («Региональная пресса как инструмент электорального процесса (На примере выборов в г. Краснодаре 1998–2004 гг.)», Красно-

дар, 2004)[21], В.З. Измайлов («Электоральное поведение (мотивационно-технологический аспект)», Краснодар, 2002)[22], Е.Б. Коняхин («Динамика электорального поведения в постсоветской России», Ростов-на-Дону, 2005)[23], Ю.М. Королькова («Электоральное поведение граждан в современной России», Тула, 2007)[24], М.Э. Матханов («Выборы как политико-правовой институт избирательного поведения населения», Улан-Удэ. 2007)[25], О.В. Парфенова («Электоральное поведение в условиях трансформации российского общества», Москва, 2006)[26], К.В. Пискун («Особенности электорального поведения в условиях изменяющейся политической системы», Ярославль, 2004)[27].

На соискание ученой степени кандидата социологических наук — Ю.Н. Савинков («Социальные факторы управления электоральным поведением в регионе», Орел, 2004)[28], Н.А. Сысоева («Управление электоральным поведением: возможности и ограничения», Новосибирск, 2002»)[29].

На соискание ученой степени кандидата экономических наук — Д.И. Васильев («Статистическое исследование электоральных установок», Воронеж, 2005)[30], О.В. Кочеткова («Экономические факторы электорального поведения», Москва, 2004)[31].

На соискание ученой степени кандидата географических наук — А.А. Белов («Факторы территориальной дифференциации электорального поведения населения России», Москва, 2005)[32], А.С. Титков («Социально-политическая структура пространства Европейской России начала XX века», Москва, 2008)[33].

На соискание ученой степени кандидата исторических наук — И.С. Кучанов («Региональные выборы в России. На материалах Псковской области. 1996 — 2004 гг.», Москва, 2005)[34].

На соискание ученой степени кандидата психологических наук — Е.В. Гришин («Социально-психологические детерминанты предвыборных кампаний в России», Ярославль, 2004)[35], А.В. Маренков («Социально-психологические факторы электорального поведения», Ярославль, 2004)[36].

Социально-психологические аспекты электорального поведения россиян изучаются в Ярославле рядом ученых, объединившихся вокруг доктора психологических наук, профессора В.В. Новикова[37].

Теоретическая база для проведения данного исследования разработана достаточно богато, но ее спорной особенностью является доминирование географического аспекта над политологическим. Учитывая, что нами запланировано именно политологическая работа, эту особенность придется учитывать.

Малоизученными остаются вопросы о детерминирующих факторах устойчивости территориальных различий электоральных предпочтений населения. Наибольшие сложности вызывает проблема множества таких факторов и определение приоритета между ними.

Прикладные исследования политических предпочтений населения Юга России, в основном, фрагментарны и маломасштабны. Работ, со-

вмещающих теоретико-методологическую и эмпирическую базу, чрезвычайно мало.

Изучение электоральных ориентаций населения Юга России необходимо базируется на масштабном фактическом материале (для чего потребуется решить проблему корректного выбора необходимых количественных методов его обработки). На основании эмпирического материала должны решаться теоретические вопросы и делаться теоретические выводы об особенностях и закономерностях политических ориентаций населения. Таким образом, конечная эвристическая цель работы — получение теоретических знаний о закономерностях электоральных ориентаций населения. Но база получения таких выводов должна быть по возможности экспериментальной. Для сравнения следует отметить, что большинство отечественных работ, посвященных политическим предпочтениям населения территорий, имеют либо сугубо теоретический и абстрактный характер, либо же, напротив, характер частного эмпирического анализа.

В основании настоящего исследования лежит следующая *гипотеза*: электоральные ориентации населения, будучи зависимыми от ряда объективных и субъективных факторов, являются устойчивой самостоятельной характеристикой социальной общности, которая не может быть редуцирована к каким-либо детерминантам.

Богатый эмпирический материал электорального поведения населения Южного федерального округа может рассматриваться как достаточная основа для выявления закономерностей и теоретических выводов.

Научная новизна исследования заключена в ряде аспектов.

Во-первых, новизна связана с вопросами, впервые получившими освещение в исследовании:

1) впервые предпринимается попытка изучения системы электоральных предпочтений населении значительной части России — макрорегиона, включающего 13 субъектов Российской Федерации. До настоящего времени электоральные исследования были направлены либо общероссийский уровень, либо уровень субъекта российской Федерации. В первом случае это приводило к невозможности подробного анализа на микроуровне (в силу очень большого масштаба исследования), во втором случае от внимания ускользали межрегиональные тенденции электорального поведения. Таким образом, избранный уровень изучения позволяет уделить достаточное внимание как микро-, так и макро-уровню.

2) впервые предпринимается попытка изучения системы электоральных предпочтений населения Южного федерального округа. До настоящего времени существовали только немногочисленные исследования электорального поведения и электоральной культуры населении отдельно взятых регионов Юга России.

Во-вторых, новизна связана с методологией исследования:

1) Приоритет отдан количественным методам сравнительного анализа электорального поведении населения территорий Юга России. Впервые использованы для изучения электоральных предпочтений ряд статистических методов, в том числе исчисление корреляции рангов.

2) По-новому используется метод линейной корреляции (Пирсона), чье применение нами значительно расширено по сравнению с предыдущими исследованиями (В. Голосова и др.). В дальнейшем эти разработки могут быть использованы для интерпретации территориальной дифференциации политических предпочтений и в других регионах России.

Методологической базой работы являются методы сравнительных исследований. В качестве сравнительных референтов выступили территориальные едины разных уровней — Южный федеральный округ в целом (в сравнении с Россией), субъекты федерации ЮФО, более локальные территориальные единицы — районы. Так же сравнение осуществлялось между разными хронологическими точками и истории развития электоральных предпочтений.

Не забывая о том, что «на стыке наук» можно ожидать особо плодотворные результаты, в реализации данного проекта должна быть широко использована методология смежной научной дисциплины — политической географии. Как в нашей стране, так и в мировой науке вопросы политической географии являются предметом изучения преимущественно географов. Такое положение, на наш взгляд, не должно превращаться в догму. Географические особенности территориальных различий политической жизни способны дать интереснейший материал для понимания собственно политических процессов. Поэтому активное использование методологии политической географии, по нашему убеждению, очень перспективно и для политологического исследования.

В частности, в работе использованы следующие политико-географические методы: метод районирования, теория социокультурных «расколов» (С.М. Липсета-С. Роккана)[38], теория диффузии инноваций (П. Хёгерстранда)[39], «концепция места» (Дж.Эгнью)[40]. Существует богатый опыт применения этих методов в политологических исследованиях.

Главным источником эмпирических данных о политических предпочтениях населения является электоральная статистика — уникальный источник знания, единственный источник информации, охватывающий не выборочную, а всю генеральную совокупность населения.

Статистические и математические методы необходимы для выявления и измерения устойчивых закономерностей проявления этнополитического сознания, должны стать прочной базой определения фактов, необходимых для последующего применения качественных методов.

Качественная интерпретация материала должна помочь выявлению и корректировке теорий и подходов, наиболее подходящих для отражения закономерностей политических ориентаций населения Юга России.

Часть источников изучалась в их интернет-версиях, а не в текстовой форме. Особую ценность представляли сайты избирательных комиссий.

В настоящем исследовании значительную роль сыграл индуктивный метод. Все закономерности электорального поведения населения выявляются на основе обобщения эмпирического материала (прежде всего, электоральной статистики). Гипотезы не играли существенной роли. Исключение составляет только апробация известных теорий электоральной географии отечественных и западных авторов, которую мы проверяли на фактическом материале.

Для количественного определения сравнительных особенностей электоральных ориентаций в нашем исследовании применяется несколько статистических методов: вычисление коэффициента линейной корреляции (Пирсона), вычисление дисперсии, вычисление коэффициента корреляции рангов, вычисление статистического коэффициента вариации, вычисление амплитуды колебаний электоральной поддержки, вычисление линейного отклонения, вычисление индекса электоральной подвижности (Index of electoral volatility), вычисление переменных в рядах динамики (темп прироста электоральной поддержки),

Настоящее исследование является лонгитюдным: объектом изучения стал 13-летний период новейшей электоральной истории. Лонгитюдные исследования не очень распространены в электоральных исследованиях — превалируют ограниченные во временном интервале ситуационные исследования в рамках не более одного-двух электоральных циклов[41].

Хронологические рамки исследования: с 1995 по 2007 гг. Начальная дата определяется первым электоральным циклом в России (1995–1996 гг.), который включал в себя высшие федеральные выборы, а так же региональные и муниципальные выборы. Первые выборы в современный российский парламент — Государственную Думу ФС РФ — прошли в 1993 г. в условиях, близких к чрезвычайным, при бойкоте этих выборов со стороны ряда политических субъектов и беспрецедентно низкой явке избирателей.

Выявление динамики электорального поведения предполагает установление исходной базы, своего рода точки отсчета. В качестве такой базы лучше всего подходят парламентские (думские) выборы 1995 г. К этому времени — в отличие от выборов 1993 г., состоявшихся непосредственно после отмены прежней конституции и насильственного разгона Верховного Совета — в обществе, частично оправившемся от потрясения, начали складываться относительно устойчивые типы политических предпочтений, а следовательно и общая структура электорального поведения[42].

По нашему мнению, продолжительность рассматриваемого периода достаточна для получения выводов сравнительных исследований; так же немаловажно, что рассматриваемый период охватывает два отдельных периода развития современной политической системы — «эпоху Б.Н. Ельцина»

(1990-е гг.) и «эпоху В.В. Путина» (2000-е гг.). При смене этих периодов произошла трансформация и российского электорального пространства, что является интересным для сравнительного исследования.

Географические рамки исследования включают в себя территорию Южного федерального округа. Мы стремились провести исследование на нескольких уровнях — макроуровне — на уровне федерального округа (Юга России) в целом, региональном уровне (в субъектах федерации), субрегиональном (в муниципальных образованиях). Акцент сделан не на изучении отдельных территориальных сообществ, а на межрегиональных сравнениях.

1. Теоретические основы изучения электоральных ориентаций населения Юга России

1.1. Теории электорального поведения: основные подходы и ключевые проблемы

Объективный характер электоральных ориентаций

В современной политической науке присутствуют представления о том, что электоральный выбор имеет не столько устойчивый и закономерный, сколько случайный, стохастический характер. Е.Г. Морозова отмечает в связи с этим, что в России зачастую специалисты либо отрицают всякую предсказуемость итогов голосования, либо утверждают, что результаты выборов абсолютно прогнозируемы, ибо прямо зависят от сумм, вложенных в кандидатов, степени искушенности нанятых ими команд профессионалов, доступа к средствам массовой информации и административным рычагам власти[43]. О проблеме мистификации электорального поведения россиян говорил так же В.Л. Римский[44]

В основании настоящего исследования лежит гипотеза об объективном, устойчивом характере электорального поведения населения. По нашему мнению, электоральные предпочтения населения испытывают воздействие со стороны групп факторов, тем не менее, существуют объективно и сами по себе составляют одну из устойчивых характеристик социума.

Характеристика «объективности» электоральных предпочтений связана с терминологией социологического «холизма» и «номинализма». Объективность в данном контексте выражается в невозможности сведения электоральных ориентаций общности к случайной совокупности индивидуальных действий и мнений, в существовании характеристик, свойственных для общности в целом.

М.Н. Афанасьев определял первичный и более устойчивый характер электоральных предпочтений населения по сравнению с «политическим предложением» со стороны политических субъектов: «Учитывая неустойчивость большинства наличных партий, целесообразнее рассматривать не столько структуру политического предложения, сколько структуру политического спроса, т.е. размежевание среди политически определившихся избирателей»[45].

Понятие «электоральное пространство» является одним из ключевых в исследовании структуры ориентаций избирателей.

Ведущие исследователи отмечают необходимость уточнения понятия «электорального пространства» региональных электоральных процессов.

В определении М.Н. Арбатской[46] электоральное пространство есть:

а) отображение политического процесса, которое характеризует локализованные в социальном и географическом пространстве взаимоотношения элитарных и неэлитарных групп в период легального формирования органов власти;

б) населенная территория, имеющая устойчиво выражаемые региональные (местные) отличия и особенности во взаимоотношениях участников политического процесса по поводу формирования легальных органов власти.

По мнению Р.Ф. Туровского, «целесообразно использовать понятие «электоральное пространство» именно в географическом смысле, но при этом ни в коем случае не отрывая его от политической ситуации. Иными словами, изучая электоральное пространство именно как пространство, важно «погружать» в это пространство реально существующую и притом меняющуюся политическую ситуацию»[47].

По мнению Р.Ф. Туровского, электоральное пространство в первом приближении имеет два измерения — социокультурное и региональное. Мы не можем рассматривать региональные особенности электорального процесса как таковые, без одновременного и параллельного рассмотрения социокультурных закономерностей голосований. В рамках социокультурного измерения целесообразно рассматривать две его составляющих — социальную и этнокультурную.

М.В. Малютин говорил об автономности электорального пространства России: «Электоральное поле страны остается весьма автономной сферой реальности, и, раз сложившись в «большом политическом взрыве» 1989–1993 годов, в дальнейшем «живет» и изменяется в соответствии со своими собственными закономерностями, реагируя на внешние воздействия лишь в незначительной степени. Эта своеобразная «самодостаточность» электорального «поля» России имеет… преимущественно социально- психологическую природу»[48].

Так же распространенной категорией в электоральной регионалистике является «электоральный ландшафт». Электоральный ландшафт ведущими исследователями определяется как «целостная, устойчивая во времени и в пространстве система закономерно взаимосвязанных элементов электорального поведения»[49]. Исследованию региональных особенностей электорального ландшафта посвящены работы Н. Петрова, А. Титкова, а так же С. Белановского[50]

Основные концептуальные подходы

В исследованиях электорального поведения в России на сегодняшний день ощущается решающее методологическое значение западных теорий. Данная ситуация имеет объективные причины, поскольку западная

политическая наука накопила (главным образом, во второй половине XX в.) богатый теоретический багаж и практический опыт электоральных исследований, в то время как свободные выборы в нашей стране имеют недолгую историю. Как отмечал В.Я. Гельман, некоторые отечественные исследователи выборов в России создавали свои теории электорального поведения, не зная о существовавших западных аналогах[51].

Ю.Д. Шевченко отмечает, что не только западные, но и некоторые отечественные исследователи скептически относятся к возможности использования западных теорий для изучения поставторитарных обществ[52]. При этом не всегда учитывается, что, становясь отправным пунктом анализа, «классические» теории в дальнейшем могут быть переосмыслены в соответствии с задачами исследования.

Перспективы применения западных теорий электорального поведения к изучению новых демократий оцениваются неоднозначно[53]. Различия в политико-культурных, экономических и социальных контекстах зачастую рассматриваются как препятствие к проведению сравнительных исследований. Вызывает опасения и то, что при изучении трансформационных обществ использование «классических» теорий чревато значительными упрощениями. По мнению Ю.Д. Шевченко, «перед исследователями стоит актуальная задача пересмотра существующих аналитических подходов с целью их адаптации к сложным политическим реалиям новых демократий. Пересмотр и уточнение существующих теорий помогут преодолеть их национально-специфическую ограниченность, а тем самым — способствовать расширению их познавательных возможностей»[54].

В настоящее время существуют несколько концептуальных подходов (моделей) электорального поведения, объясняющих природу электорального выбора влиянием долгосрочных факторов Е.Ю. Мелешкина отмечает, что в рамках изучения электоральных ориентаций населения современной России применяются три концептуальных подхода[55]:

1.Социологическая модель электорального поведения — одна из «классических» моделей электорального поведения, долгое время во многом определявшая содержание работ по этой теме. Ее авторы исследовали партийно-политическое соревнование и поведения избирателей, учитывая фактор социальной дифференциации. Представители данного направления подчеркивали групповую основу голосования, фактически игнорируя индивидуалистическую трактовку формирования электорального выбора. Они объясняли групповые особенности голосования положением групп в обществе и влиянием этого положения на связи групп с политическими партиями. Таким образом, представители данного направления пытались ответить не на вопрос, как избиратель голосует, а пытались выяснить, почему он голосует за ту или иную политическую силу.

Формирование социологического подхода относится к 40-м гг. XX века. В 1940 г. Бюро прикладных социальных исследований Колумбийско-

го университета под руководством П. Лазерсфельда впервые начало проводить мониторинговые исследования мотивации и установок, влияющих на формирование электорального поведения. Выводы, сделанные П. Лазерсфельдом, показывают, что политические предпочтения и собственно электоральный выбор социально детерминированы через статус индивида, уровень его образования, доход, профессию, место жительства и т.д.

В исследованиях П. Лазерсфельда и Б. Берельсона основными детерминантами электорального выбора являлись социально-демографические характеристики избирателей. По итогам проведенных эмпирических исследований был сделан вывод о том, что в зависимости от трех социально-демографических переменных, таких как религиозная принадлежность, социальный статус и место жительства, избиратели склонны голосовать за ту или иную партию[56].

«Классическая» работа, раскрывающая положения этого направления, — статья С. Липсета и С. Роккана, посвященная обоснованию влияния социально-групповых конфликтов на идеологическую и партийную дифференциацию[57]. По мнению авторов, различия между социальными группами обеспечивают потенциальную основу для политических конфликтов, создавая одновременно проблемное пространство политики и социальную базу партий.

В рамках социологической модели голосования существуют различные точки зрения относительно субъективных факторов голосования, таких как политические установки (attitudes). Ряд ученых считает, что установки необходимо учитывать в процессе анализа влияния социальных факторов, поскольку они являются своеобразным механизмом, связывающим социальные позиции и электоральный выбор. Эта точка зрения во многом сближается с позицией представителей социально-психологической модели голосования.

Другие авторы отрицают существенное влияние политических установок избирателей, а также интерактивного взаимодействия между индивидами в первичных группах на электоральное поведение[58]. Вместе с тем, даже эти исследователи признают некоторое влияние субъективного фактора.

Хотя социологический подход нашел широкое применение в электоральных исследованиях на Западе, М. Франклин указывал на его ограниченные возможности в прогнозировании результатов выборов[59]. Затруднения, в частности, вызваны тем, что в индустриально развитых обществах характер социальных конфликтов меняется.

По мнению Ю.Д. Шевченко, «использование социологической теории голосования осложняется тем, что данная модель была разработана при изучении стабильных обществ с устоявшейся социальной структурой. Однако нельзя отрицать важнейшую роль структурных факторов в политической жизни поставторитарных обществ. Социокультурное и эконо-

мическое наследие авторитарного режима может оказывать существенное влияние на характер трансформационных процессов»[60].

Разумеется, замечание Ю.Д. Шевченко справедливо в том, что в современной России социум переживает стремительную трансформацию, в связи с чем сложно выделить устойчивый социальные факторы, которые оказывали бы постоянное влияние на электоральное поведение.

2. Социально-психологическая модель электорального поведения. Взаимовлияние институтов политического представительства и политических ориентаций послужило одной из посылок другой классической модели электорального поведения — социально-психологической, представители которой считали голосование инструментом демонстрации избирателями своей политической идентификации, длительного чувства преданности, которые избиратели испытывают к отдельным политическим партиям. Первоначально данный подход, пришедший в политическую науку из социальной психологии, получил свое развитие среди ученых Мичиганского университета (с 1950-х гг.), поэтому его часто называют «Мичиганской школой». «Классической» работой, выполненной в этом русле, является монография «Американский избиратель», в которой дается анализ президентских выборов в США 1952 и 1956 гг.[61]

Представители данного направления исходили из следующих посылок:

- для большинства избирателей характерно ощущение близости к какой-либо партии (партийная идентификация);
- главным агентом формирования партийной идентификации является семья, где формируется партийная лояльность;
- функция партийной идентификации — помочь избирателю справиться с политической информацией и выяснить, за какую партию голосовать;
- исключая некоторые периоды, изменения в партийной идентификации являются сугубо индивидуальными; чаще всего они отражают изменение принадлежности к группе, возникающее вследствие географической или социальной мобильности.

В соответствии с социально-психологической моделью электоральный выбор формируется под влиянием установок (attitudes) избирателей к трем аспектам политического процесса: кандидатам, политическим курсам и связям между партиями и социальными группами. Каждая из этих установок имеет относительно независимое влияние на электоральной выбор, особенно в краткосрочной перспективе.

Влияние социальных параметров на политические предпочтения не отрицается, однако, оно опосредуется главным фактором: партийной идентификацией. Партийная идентификация играет роль своеобразного фильтра, через который пропускается информация, относящаяся к трем названным аспектам (кандидатам, политическим курсам, связям между партиями и социальными группами). В долгосрочной перспективе эти

установки являются своеобразными каналами, через которые осуществляется влияние партийной идентификации на электоральный выбор[62]. Таким образом, ощущая себя условно коммунистом, избиратель склонен верить, что коммунистическая партия (кандидат, курс) наилучшим образом защищает интересы его социальной группы по сравнению с другими партиями. В данном случае срабатывает партийная идентификация, в то время как рационализации на уровне конкретных проблем или кандидатов не происходит.

Голосование рассматривалось в рамках данного подхода как отдельный акт — индивидуальное решение каждого избирателя, определяемое внутренними мотивами, а политические позиции и установки избирателей — как главные переменные для изучения процесса принятия электоральных решений.

Представители социально-психологического подхода признавали, что на исход выборов могут оказать влияние «краткосрочные эффекты», например, новые кандидаты, актуальные проблемы и темы, поднимаемые в ходе кампании.

По мнению Е.Ю. Мелешкиной, Мичиганская школа недооценивала осведомленность избирателя о политической конъюнктуре, связь между политическим контекстом и политическими установками, позициями и поведением избирателей[63]. Данный недостаток Мичиганской школы был подвергнут критике в более поздних исследованиях, авторы которых на основе архивных данных избирательных кампаний показали, что политические позиции и ориентации избирателей являлись непосредственным отражением и во многом следствием изменяющейся политической ситуации.

Многие выводы, предложенные представителями социально-психологического подхода, использовались в дальнейшем специалистами в области изучения электорального поведения. Однако уже в 1970-х гг. предложенная Кэмпбеллом модель анализа электората подверглась критике. В частности, вопросы о низкой политической осведомленности рядового американского избирателя и высокой степени влияния на позицию избирателя политических событий, в сравнении с партийной идентификацией.

Таким образом, релятивистские бихевиористские теории политических ориентаций уступили свое влияние.

Проведенные в разные периоды эмпирические исследования свидетельствовали о том, что социально-психологический подход в целом работает. Эта модель успешно использовалась при изучении поведения избирателей Западной Европы и США, а термин «партийная идентификация» стал одним из самых распространенных в исследованиях электорального поведения. Вместе с тем постепенно выявились ограничения и недостатки данного подхода.

В частности, основным вопросом, на который пытались ответить представители Мичиганской школы, был вопрос, «как» избиратель голо-

сует (как воздействует на его голосование партийная идентификация и различные установки). При этом вопрос, почему избиратель делает тот или иной выбор, остается недостаточно проработанным в рамках данного направления. Неизученным оставался вопрос о влиянии социальных факторов на голосование, так как, говоря о групповой принадлежности, представители социально-психологической модели большее внимание уделяли ее психологическому значению, нежели позиции группы в социальной структуре.

Данная модель продемонстрировала свою относительную пригодность для изучения электорального поведения в условиях бинарного политического раскола. Однако простой бинарный политический раскол отсутствует не только в политиях с мультипартийной системой, но и в странах с двухпартийной системой, например, США. Как показали исследования, значительная часть американских избирателей относит себя к независимым даже в том случае, если респондентам в ходе опроса предлагается отнести себя к демократам или республиканцам с помощью бинарной шкалы.

Гораздо сложнее обстоит дело в странах с мультипартийными системами, где существует несколько значимых расколов (левый — правый, религиозный — светский, либеральный — авторитарный и т.п.). В этом случае влияние партийной идентификации на электоральный выбор становится еще более неоднозначным. Если в такой стране избиратель идентифицирует себя с партией A, то это вовсе не означает, что на этом основании можно судить о том, что он думает о партиях B, C, D. Таким образом, следует признать, что данная модель имеет свои ограничения, потому что не учитывает в достаточной мере сложность политической системы координат.

По мнению Ю.Д. Шевченко, «социально-психологическая теория голосования, истолкованная таким образом, может применяться для изучения электоральных процессов в поставторитарных странах»[64].

3. Модель рационального выбора (рационально-инструментальная теория). Представители этой теории при анализе политического поведения людей исходят из двух основных постулатов. Во-первых, индивид эгоистичен, то есть стремится к достижению собственных целей. Во-вторых, индивид рационален, то есть он сопоставляет получаемый им результат и затраты, стараясь максимизировать свою выгоду при минимизации результатов. Фундаментальное положение для рационально-инструментальной модели, выдвинутое Э. Даунсом в работе «Экономическая теория демократии», состоит в том, что каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем любая другая.

По словам Д. Истона, «излишнее увлечение бихевиорализма «классическим» позитивизмом стало причиной ревизионистских предложений в области методов и предмета политической науки — от систематической

методологии в пользу «толковательного понимания», отказа от исторического анализа в пользу формального моделирования и «дедуктивизма» с помощью категории рационального актора. Цель этих предложений состояла в том, чтобы вернуть политическому актору место в исследованиях, компенсировать недостатки бихевиоральных методов для решения современных социальных проблем»[65].

Одним из основных критических замечаний в адрес бихевиорализма было исчезновение из поля исследования реального действующего индивида. В результате применения научных методов субъект становился объектом пересечения множества различных факторов, на воздействие которых он отвечал тем или иным образом. Основное внимание было сосредоточено на действии социальных факторов[66].

Основы инструментального подхода были заложены Й. Шумпетером в работе «Капитализм, социализм и демократия». По мнению Шумпетера, сфера электоральной политики подобна рынку товаров и услуг, на котором политические партии предлагают, а рационально мыслящие избиратели выбирают политические программы[67].

Данный подход был развит в теории «ретроспективного голосования» М. Фиорины. Несколько упрощая, основные идеи данного подхода можно свести к следующим: обычным гражданам не надо знать в деталях внутреннюю и внешнюю политику действующей администрации, чтобы судить об этой политике, реально они располагают лишь одним видом данных — они знают, как им жилось при данной администрации. Иными словами, существует прямая связь между положением в экономике и результатами выборов, и при голосовании избиратель исходит из того, что именно правительство несет ответственность за экономическое состояние страны. Если жилось хорошо — голосуй за действующее правительство (действующего президента, представителей партии власти), если плохо — за оппозицию.

Сторонники теории рационального выбора исходят из следующих методологических предпосылок:

- во-первых, методологического индивидуализма, то есть признания того, что социальные и политически структуры, политика и общество в целом вторичны по отношению к индивиду;

- во-вторых, эгоизма индивида, то есть его стремления максимизировать собственную выгоду. Это не означает, что человек обязательно будет вести себя как эгоист, но если даже он будет вести себя как альтруист, то этот способ, скорее всего, является для него более выгодным, чем другие;

- в-третьих, рациональности индивидов, то есть их способности располагать свои предпочтения в соответствии со своей максимальной выгодой. При этом индивид соотносит ожидаемые результаты и затраты и, стремясь максимизировать результат, пытается одновременно минимизировать затраты;

- в-четвертых, обмена деятельностью. Индивиды в обществе действуют не одни, существует взаимозависимость: поведение каждого индивида осуществляется в определенных институциональных условиях, то есть под влиянием действия институтов. При этом индивиды не приспосабливаются к институтам, а пытаются их изменить в соответствии со своими интересами. Институты же, в свою очередь, могут изменить порядок предпочтений, но это означает лишь то, что измененный порядок оказался выгодным при данных условиях[68].

Другая теория, в которой нашли свое развитие положения модели рационального выбора — теория «избирателя как потребителя» Х. Химмельвейта, делающего акцент на процессе индивидуального и инструментального выбора избирателя в зависимости от набора конкретных существующих проблем и предложений политических сил (по сути теория Химмельвейта является теорией «перспективного голосования»)[69].

Исследователями было выявлено «эгоцентрическое» и «социотропное» голосование. В первом случае избиратели голосуют, исходя из их собственного экономического положения, а во втором — на основе оценки положения общества в целом. Также обсуждался вопрос о том, что важнее для избирателя: ретроспективная оценка результатов деятельности правительства или ожидание достижений в будущем. Первый тип голосования назван ретроспективным, а второй — перспективным[70]

Теория рационального выбора стала своеобразным «синтезом» в конфликте «социологического» и «психологического» подходов объяснения политических предпочтений.

Относительно изучения электорального поведения в южном федеральном округе в 2003 г. Батаев А.Х. и Бекоев М.В. провели изучение электорального поведения в Республике Северная Осетия-Алания с точки зрения модели рационального выбора. По мнению ученых, эта «модель отличается тем, что превращает человека из «пленника» структурных факторов и политических установок в актора, осознанно принимающего решения: Индивид играет активную роль в коммуникационных процессах — он сам, в соответствии со своими политическими предпочтениями, создает сети, по которым получает политическую информацию»[71]. По мнению авторов, «некоторые улучшения экономического положения населения, которые ассоциируется с достижениями действующего Президента во внутренней политике, как следствие, повлияли на результаты «партии власти».

Наряду с этим, Батаев А.Х. и Бекоев М.В. определяют и ограниченность данного фактора в детерминации электорального выбора россиян, поскольку существует «неспособность большей части населения страны совершить отрефлексированный политический выбор, основывающийся на учете своих реальных интересов».

В современной отечественной политологии Ю.Д. Шевченко и С.И. Сысоева проводили анализ распространенных в западной науке трех основных

концептуальных подходов на предмет перспективности применения их в изучении российской политики.

В работе «Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России» Ю. Д. Шевченко анализирует степень применимости западной исследовательской методологии изучения электорального поведения к российским условиям. Так, для «социологической» и «социально-психологической» теорий ключевой является категория «солидарность», которая выступает основной мотивацией электорального выбора. В первом случае — солидарность с социальной группой, во втором — с партией или ее лидером. Автор настаивает на объединении «социологической» и «социально-психологической» концепций в единую — экспрессивную теорию изучения электорального поведения, аргументируя это тем, что в посткоммунистических условиях познавательные возможности социологического подхода весьма ограничены, ввиду переходного этапа развития общества и трансформирующейся социальной структуры[72]. Разумеется, социально-экономические характеристики влияют на процесс формирования партийной идентификации. Поэтому электоральный выбор, мотивированный социальным статусом и основанный на партийной идентификации, можно отнести к экспрессивным типам поведения.

Опираясь на результаты эмпирических исследований Г. В. Голосова, Ю.Д. Шевченко делает вывод о том, что выбор российского избирателя почти в равной степени определяется экспрессией и рациональностью. Таким образом, необходим теоретический синтез на основе таких интерпретационных компонентов как: социологические характеристики, идеология и рациональность. Ю.Д. Шевченко считает, что в основу этого синтеза следует положить рационально-инструментальный подход, аргументируя свой вывод тем, что современный российский электорат находится на той стадии, когда идентификация возможна только на основе идеологии. Для избирателя важна не сама партия, а идеология, которой она придерживается. Это связано с тем обстоятельством, что ключевая категория экспрессивной теории — «партийная идентификация» вряд ли применима к современным российским реалиям ввиду незначительного количества альтернативных выборов. Таким образом, эмоциональное притяжение к партиям или ее лидерам у российского электората еще не успело сформироваться. Сам термин «партийная идентификация» разработан для устоявшихся партийных систем. Соответственно экспрессивная теория может применяться к анализу электорального поведения в России при использовании концепции идеологической, а не партийной идентификации.

Так же задаче «анализа теорий поведения избирателей с точки зрения специфики электоральных процессов в посткоммунистических обществах» посвящена статья Ю.Д. Шевченко «Поведение избирателей в Рос-

сии: основные подходы»: «все «классические» теории электорального поведения могут применяться для изучения поведения избирателей новых демократий» [73].

С.И. Сысоева проанализировала попытку Ю. Д. Шевченко определиться с перспективностью применения западных подходов объяснения электорального поведения в российских условиях[74].

В целом нужно признать, что вопрос о предпочтительности того или иного из данных трех концептуальных подходов остается открытым. В современной российской политологии при изучении электорального поведения россиян фактически большее распространение получает социологический подход. Но серьезного обоснования преимущества на этого подхода в России сделано не было. Можно выразиться, что его широкое распространение имеет в нашей науке «стихийный» характер.

Теория расколов

Особое распространение в изучении электорального поведения и электоральных ориентаций населения получила «теория расколов» (cleavages) С. Роккана.

Многофакторная модель электорального поведения, учитывающая в качестве электоральных факторов социальные расколы (размежевания) берет свое начало с работы С. Липсета и С. Роккана «Партийные системы и размежевание избирателей». Данная теория «построена на поиске противостоящих друг другу территориальных групп с противоположенными типами электорального поведения»[75].

Придерживающиеся данной методологии авторы изучают социокультурные и территориальные расколы, которые проявляются в процессе голосования и имеют непосредственное географическое выражение.

Раскол не обязательно имеют территориальное выражение; это не географический феномен. Расколы — это существующие в обществе противоречия, которые приводят к противоположному отношению представителей различных групп к определенным ценностям, в том числе, к политическим ценностям. Тем не менее, данные социальные расколы имеют и территориальное выражение. Если социальные группы, имеющие противоположное мнение по поводу политических ценностей, локализуются территориально (что часто происходит на практике), это естественном образом отражается на территориальных различиях электорального поведения. При этом данная территориальная локализация может быть на нескольких уровнях — от межрегионального до микроуровня. Локализация так же должна пониматься не обязательно в абсолютном значении: речь может идти о преобладании (в большей или меньшей степени) на определенной территории представителей социальной группы.

С. Роккан связывал наличие расколов с четырьмя базовыми конфликтами: субъекта модернизации с доминирующей традиционной культурой, церкви с государством, промышленности с сельским хозяйством, капитала с рабочей силой. Поэтому расколов на территории одной страны несколько — они наслаиваются друг на друга. В Норвегии основатель этого подхода выделял восемь расколов.

Эти расколы могут быть идеологическими (либералы против коммунистов, националисты против либералов и коммунистов), социально-экономическими (богатые против бедных), национальными и демографическими (представители пожилых возрастов против молодежи). Такие расколы можно назвать вертикальными, они создают особую электоральную структуру в каждом региональном сообществе.

В электоральной географии исследуются горизонтальные расколы. Р.Ф. Туровский[76] предложил следующие горизонтальные расколы, характерные для российского электорального пространства:

1) Раскол «город-село». Это фундаментальный фактор различий в электоральном поведении избирателей, и в России он выражен еще сильнее, чем в зарубежных странах.

2) Раскол «центр-периферия». Этот раскол связывает степень голосования за правые партии со степенью развитости инфраструктуры и диверсифицированностью города.

3) Раскол «Север-Юг». Левотрадиционалистская культура Юга объясняется влиянием сельских культурных традиций на местные города, выросшие из сельского окружения. В северных городах, оторванных от сельской культуры, электоральное поведение иное.

По мнению У. Сересовой, «с течением времени эта модель (теория расколов) показала свою несостоятельность в целостном понимании электорального процесса, однако ее идеи используются в качестве одного из компонентов новых объяснительных моделей электорального поведения, например, многофакторной модели, а также применяются в эмпирических исследованиях в качестве теоретической рамки анализа»[77].

Относительно применения теории расколов в транзитивных обществах Ш. Ривера высказала гипотезу о том, что социальные расколы трансформационных обществ несут на себе отпечаток структуры социальных конфликтов, существовавших еще до утверждения авторитарных режимов[78]. Применительно к России этот тезис имеет спорное значение. Советский период настолько глубоко изменил российскую цивилизацию, что современные расколы, вероятно, имеют мало связи с расколами, характерными для политической сферы царской России. Тем не менее, определенную правоту можно найти и в этой идее. В частности, специфическое политическое поведение населения «казачьих» районов.

Г. Китчелт еще в 1992 г. сформулировал гипотезу о том, что посткоммунистические партийные системы формируют два социальных раскола:

лево-правый (социально-экономический) и авторитарно-либертарный[79]. В результате их сочетания формируется оппозиция между теми, кто поддерживает идеи государственного вмешательства в экономику при сохранении авторитарных форм правления, и теми, кто совмещает приверженность рыночной экономике с «либертарной» позицией по вопросам гражданских прав и свобод. Китчелт связывает возникновение социально-экономического раскола между «левыми» и «правыми» с успехами рыночных реформ. Если реформы не проводились или не имели успеха, данный раскол не возникает, а определяющую роль в электоральной политике играют вопросы, варьирующие от одной избирательной кампании к другой. По мнению Ю.Д. Шевченко, подобный «экономический детерминизм» можно подвергнуть критике: «экономическая модернизация, проводившаяся во многих авторитарных странах, значительно повлияла на либерализацию политической культуры этих обществ. В результате сформировалась значительная социальная категория, приверженная ценностям либерализма. Унаследованные от прошлого модернизированные ценности формируют базу поддержки экономического либерализма даже среди тех, кто не является «выигравшим» от реформ». Тем не менее, в целом можно согласиться с тем, что электоральный раскол. Определенный в теории Китчелта, прослеживается в современной России.

Политический процесс в 2000-е гг. обратил внимание отечественной политологии на существенные изменения в характере электоральных расколов в России.

В 2007 г. Р.Ф. Туровский высказал предположение, что под влиянием административного фактора большинство из существовавших ранее расколов оказались сглажены[80]. Тем не менее, по мнению эксперта, расколы есть, но они теперь не в масштабах всей страны, а в каждом регионе. Это, прежде всего раскол между центром и периферией. Так, село под давлением административного ресурса стало голосовать исключительно за партию власти, фактически лишив коммунистов их «красного пояса».

В настоящее время теория расколов сохраняет свою перспективность. Можно предположить целесообразность ее использования в изучении российского эмпирического материала и в дальнейшем. В современной России социальные противоречия, к сожалению, сохраняют свою остроту. Следовательно, это создает предпосылки для интерпретации социально-политических процессов в контексте расколов.

Модель «центр-периферия»

Очень распространенной в электоральных исследования (и наиболее спорной) является модель «центр-периферия».

Эта модель рассматривает любой социальный процесс в его территориальной динамике, отслеживая возникновение и распространение новых явлений — инноваций. На этой основе создается представление о поляризации пространства, которая предполагает выделение генерирующих инновационных центров и периферий, осваивающих или отторгающих инновации.[81]

Модель «центр-периферия» связана с концепцией диффузии инноваций скандинавского географа Т. Хегерстранда. В рамках данного подхода традиционно выделяется несколько типов диффузий:

1) Сплошная диффузия (contagious diffusion);

2) Иерархическая или каскадная. В этом случае распространение явления идет от центра к центру, постепенно, и явление, таким образом, занимает далеко не всю территорию. Как правило, на начальном этапе появляются центры первого порядка, которые становятся источниками инноваций. От них явление распространяется к более многочисленным центрам второго порядка, затем — к центрам третьего порядка.

3) Диффузия через перемещение (relocation diffusion). Она происходит в том случае, если политическая характеристика перемещается, полностью мигрирует из одного региона в другой.

С. Роккан предлагает для понятия «центр» в рамках данного подхода следующее краткое определение: «это привилегированный пункт территории, в котором наиболее часто встречаются друг с другом обладатели ключевых военных/административных, экономических и культурных ресурсов; в котором имеются специально установленные места для обсуждений, переговоров и принятия решений; где люди собираются для ритуальных церемоний подтверждения своей идентичности; где имеются памятники, символизирующие эту идентичность; где присутствует самая большая доля экономически активного населения, занятого обработкой и передачей на дальние расстояния сообщений и инструкций»[82]. Центр может быть первого порядка (столица), второго и третьего порядка (центр региона). Отнесение города к центру условно, поскольку в науке нет «математически выверенных, четких критериев отнесения к периферии или центру». Поэтому это относительно.

Моноцефальное территориальное образование — где есть один центр (одновременно политический, экономический и культурный — по всем трем измерениям дифференциации), полицефальное — несколько.

В России пространство, как известно, структурировано как «моноцефальное», отсюда и превосходство центров над периферией выражено резче, выражается во многих аспектах. В России, и регионы здесь не исключение, обычно центр является центром административным, политическим, экономическим, культурным, образовательным и т.д.

По Р.Ф. Туровскому, критериями синтетической оценки «центральности» и «периферийности» мест могут быть следующие параметры:

1) административный статус, позиционирование в политико-административной иерархии (например, столица государства, региональный административный центр и далее вниз по ступенькам административно-территориального деления);

2) уровень социально-экономического развития («прогрессивность» экономики, ее соответствие индустриальным и постиндустриальным параметрам);

3) интенсивность и уровень коммуникационных связей (узловое или периферийное положение в транспортных и информационных системах разного иерархического уровня).

Синтетическая оценка мест по всем этим параметрам позволяет определить их позиционирование в общей системе «центр — периферия»[83].

Изначально смысл модели «центр — периферия» был связан с определенными территориальными закономерностями распространения инноваций. Центр рассматривается как область возникновения или раннего распространения инноваций (в том числе поддержки соответствующих политических сил). Периферия рассматривалась не только как отстающая область, но и как область сохранения консервативных тенденций. В связи с этим в рамках данной теоретической модели используется понятие «периферийный консерватизм».

По мере распространения данного подхода и его эмпирической апробации (с 1970-х гг.) произошла его существенная коррекция: были выделены более сложные и специфичные варианты распределения политических ролей между центром и периферией. Р.Ф. Туровский отмечает наличие следующих основных геоэлекторальных моделей типа «центр-периферия»:

1) Американская модель — консервативная периферия предпочитает голосование за правую Республиканскую партию, в то время как инновационные центры голосуют за Демократическую партию;

2) Бельгийская — практически везде повышенные показатели (и иногда относительное доминирование) либеральных партий в инновационных центрах;

3) Австрийская — доминирование в инновационных центрах левых партий (обычно адаптированных к столичной культуре и в отсутствие сильной либеральной партии) и, как и в США, выбор периферии в пользу консервативной партии;

4) Парижская — более распространена для столичной политической культуры. В соответствии с нею столичная агломерация отличается смешанной электоральной культурой, сочетанием левого и радикально-левого, либерального и правого типов голосований с добавлением зеленых. При этом внутри агломерации происходит сегрегация районов в зависимости от их социальной структуры;

5) Скандинавская — крайний случай парижской, почти противоположность австрийской. Центры голосуют за правых при смещении под-

держки левых на периферию (Швеция и Норвегия, отчасти Финляндия и Исландия);

6) Британская — преимущественная поддержка левых в старопромышленных и портовых районах (примеры в Германии, Бельгии, Люксембурге, Испании, отчасти Франции);

7) Иберийская — раздвоение периферии на более стабильную и религиозную правую и бедную и социально менее устойчивую левую[84].

Модель «центр-периферия», на самом деле, имеет особое распространение, что вызывает у ряда авторов критическое отношение. Авторы коллективной монографии «Эволюция электорального ландшафта» (2005 г.) отмечают, что выявление дифференциации электоральных предпочтений по линии «центр-периферия» для многих исследователей оказывается иллюзией объяснения собственно причин такой дифференциации: «чтобы с успехом обходить этих сладкоголосых сирен центра и периферии надо четко осознавать отсутствие самодостаточности в построения каких бы то ни было бинарных моделей»[85]. Соглашаясь с этим высказыванием в том, то само по себе выделение «центр-периферия» не может объяснять причин территориальной дифференциации электорального поведения, мы не можем присоединиться и к такому негативному отношению к этому методу в целом. Вероятно, модель «Центр-периферия» и получила такое широкое распространение именно потому, что большинство важнейших причин, объясняющих различия электорального поведения населения, встраиваются в эту «примитивную» бинарную схему. Например, это экономический фактор, фактор образованности населения, урбанистический фактор и т.д.

Таким образом, выявление бинарных схем «центр-периферия» позволяет провести связь с основными факторами электорального поведения.

Помимо этого, есть еще одно соображение по поводу «чрезмерного» использования данного подхода в нашей стране. На самом деле, в исследовании политических процессов в России модель «центр-периферия» получила особенно широкое применение, более широкое, чем в исследованиях политических процессов в странах Запада. И этот факт может вызвать ощущение того, что отечественные исследователи «перегибают палку», проявляют к этому методу необоснованно большой интерес. По нашему мнению, увлечение бинарными схемами в России объективно оправдано именно в силу того, что, в отличие от западных стран, бинарные расколы в нашей стране проявляются более остро. В западной политологии наблюдается снижение различий в электоральном поведении городского и сельского населения, но и вызвано это и более равномерными различиями между «центром» и «периферией» в социально-экономической сфере. Для стран, не относящимся в числу ведущих высокоразвитых стран западной цивилизации, свойственны более острые различия по бинарным линиям «центр — периферия». Очень сильно эти различия выявляется и в электоральном поведении населения.

Н. Петров и Н. Титков применяли модель «центр-периферия» в исследованиях электорального поведения населения Южного федерального округа. По их наблюдению, «как близкую к чистой модели «центр — периферия» можно рассматривать Ростовскую область, где политические предпочтения постепенно меняются от центра к окраинным округам»[86]. В. Гельман признает, что «раскол между центром и периферией оказался наиболее значимой детерминантой электорального поведения на выборах 1989–2000 годов».[87]

Модель «центр-периферия» непосредственным образом проявляется в результатах электоральной поддержки практически всех политических сил современной России.

По отношению к партии власти значение фактора «центр-периферия» за последнее десятилетие изменилось на противоположное. При Б.Н. Ельцине партия власти имела лучшую поддержку в больших городах, меньшую — в малых городах, низшую — в сельской местности. При В.В. Путине этот урбанистический фактор перевернулся с точностью до наоборот. В Ростовской области большинство оппозиционных в 1990-е гг. сельских районов стали при В.В. Путине образцом лояльности. По результатам выборов 2003 г. меньшую поддержку имеет партия власти в малых городах (Пролетарск), еще меньше — в средних городах (Азов, Волгодонск, Батайск, Новочеркасск), еще меньше во втором городе области Таганроге и самую плохую поддержку — в Ростове-на-Дону.

По отношению к «новым левым» (блок «Родина» в 2003 г., партия «Справедливая Россия» в 2007 г.) фактор «центр-периферия» имеет неоднозначное выражение. С одной стороны, его значение в данном случае бесспорно. В административных центрах, средних и крупных городах поддержка этих партий выше. Тем не менее, лидерами по уровню поддержки «новых левых» выступают не самые крупные центры. Например, на уровне России это не Москва, а Санкт-Петербург. В ЮФО картина идентичная.

В 2003 г. в Ростовской области наибольшая поддержка блока «Родина» была не в областном центре, а в городах Азов, Волгодонск и Таганрог, в Волгоградской области — в г. Урюпинск.

В 2007 г. в Ростовской области наиболее высокой поддержка «Справедливой России» была в Донецке, Волгодонске, Зверево, Новочеркасске, Каменск-Шахтинском, Таганроге. В Волгоградской области так же среди всех городов по поддержке «Справедливой России» лидирует не областной центр, а г. Камышин.

В Астраханской области фактор «центр-периферия» проявляется даже в рамках областного центра. Наиболее явный территориальный раскол проходит между двумя располагающимися по разным берегам Волги частям города. Левобережная Астрахань (центральная часть) отличается более высоким уровнем поддержки либералов, «Родины», правобережная Астрахань превосходит по уровню поддержки коммунистов, ЛДПР.

Таким образом, эмпирически доказано, что более центральные территории отличаются повышенным уровнем поддержки либералов, «новых левых» (партии «Родина», «Справедливая Россия»), уровнем голосования «против всех», меньшим уровнем поддержки партии власти в 2000-е гг.

Существует консервативность периферии, которая, отставая от центра в плане освоения инноваций, находит идентичность в старом.

Устойчивость электоральных ориентаций населения

В изучении электоральных предпочтений населения особое внимание привлекает и решающее теоретическое значение имеет толкование феномена «устойчивости» или «стабильности» электорального поведения.

А.Г. Манаков и И.В. Капкина отмечают, что «политико-географическая картина сама по себе очень стабильна и на протяжении длительного периода времени изменяется очень медленно. В целом политическая ориентация конкретного избирателя изменяется медленнее, чем экономическая и социальная обстановка в обществе». Именно в устойчивости политических предпочтений отдельных избирателей они видят причину того, что «картина расстановки политических сил на определенной территории остается неизменной довольно долгое время».[88]

Данный феномен, которому в решающей степени и посвящено настоящее исследование, пока не имеет устоявшегося термина.

Визгалов Д.В. определяет понятие территориально-политической устойчивости как «неизменность во времени однородных (сходных) партийно-политических предпочтений населения, которые являются отражением многих и разнообразных социально-экономических, политических, географических и психологических факторов, определяющих поведение избирателей на выборах»[89].

М.В. Малютин использует выражение «стабильность электоральных предпочтений»[90], так же говоря о сохранении доли сторонников определенных политических сил в структуре электората.

Н. Петров и А. Титков используют термин «устойчивость электоральных предпочтений»[91] и применяют его к устойчивым симпатиям регионов к определенным политическим силам.

М. Мягков и А. Ситников используют термин «Стабильность идеологических предпочтений избирателей»[92]

Е.А. Бондарчук предлагает понятие «инертности» электорального поведения.

Среди других терминов — «коэффициент попятности» (то есть смены политических настроений от выборов к выборам). Термин введен Л. Смирнягиным[93].

Главная проблема заключена не в выборе термина, а в трактовке содержания понятия. Что следует понимать под «стабильностью» электорального поведения (согласимся пока с таким звучанием)? А.Г. Манаков определяет ее как «повторяющуюся из года в год (от выборов к выборам) долю проголосовавших за партии, блоки и кандидатов определённой политической направленности»[94].

Но, если согласиться с таким пониманием, ни о какой стабильности электората, тем более в России, и речи быть не может. Ведь «от выборов к выборам» доля проголосовавших за партии и кандидатов определенной направленности в России отнюдь не повторяется. За полтора десятилетия мы наблюдали такие масштабные изменения рейтинга политических сил, что доля их электоральной поддержки зачастую изменялась в разы. И ни одно из «политических направлений» (либералы, коммунисты и т.д.) не сохраняли стабильной долю проголосовавших за них.

Как мы уже сказали, стабильного электората в строгом смысле этого слова в современной России нет, так как ни одно из политических направлений не сохраняло одинаковой долю голосов поддержки. Поэтому выражение «стабильный электорат» относительно. Можно сказать, что в городских районах либеральный электорат стабильный, но это значит лишь то, что здесь он более устойчив, чем в сельской местности, где его разрушение произошло в большей степени. Таким образом, стабильный электорат значит — более устойчивый.

На самом деле, в городских районах показатели прироста электората политических сил меньше, чем в сельских., то есть городской электорат менее подвижен, он «инертен». Это проявляется отнюдь не только в отношении тех политических сил, которые более популярны у городских жителей. В частности, города в современной России никогда не были оплотом для КПРФ, но в интервале 1999–2007 гг. коммунистический электорат в городах оказался более устойчивым, чем на селе, и сократился в меньшей пропорции.

Существует прямая связь между устойчивостью электората и его диверсифицированностью. Например, территории, где левый электорат проявлялся только в поддержке КПРФ, а другие левые партии имели непропорционально меньшую поддержку, в итоге и электорат КПРФ оказался менее устойчивым, чем на территориях с поддержкой разнообразных левых партий.

Устойчивость электоральных ориентаций значительно различается по типу территорий. Наиболее ярко она выражена в городских районах, наименее — в сельской местности и на территориях с преобладанием восточного населения (тюркских и кавказских этносов).

Опять-таки необходимо подчеркнуть, что стабильность нужно рассматривать именно в контексте конкретных политических сил. Например, те же территории с тюркским населением при любом раскладе очень стабильны в своем неприятии ЛДПР и иных державно-патриотических сил.

Устойчивость различий электоральных предпочтений

По нашему мнению, более правильным будет говорить не просто об «устойчивости электоральных предпочтений населения», но именно об «устойчивости различий электоральных предпочтений отдельных групп населения». Данный аспект позволяет более точно оперировать понятием «устойчивости электоральных предпочтений» и использовать больше количественных методов для верификации гипотез.

Об устойчивости таких различий в территориальном аспекте писали Н. Петров и А. Титков: «Предсказуемость расклада голосований по регионам не надо абсолютизировать и тем более смешивать с предсказуемостью результатов голосований — речь идет лишь об основных пропорциях между регионами. Однако факт остается фактом — основная масса регионов страны из года в год демонстрирует завидную устойчивость генерализованных политических предпочтений избирателей относительно других регионов и страны в целом»[95] Речь идет лишь об основных пропорциях между регионами… основная масса регионов страны из года в год демонстрирует завидную устойчивость генерализованных политических предпочтений избирателей относительно других регионов и страны в целом

Индекс стабильности идеологических предпочтений складывается их показателей изменения электоральной поддержки трех политических партий (КПРФ, ЛДПР и «Яблоко») на выборах 1995, 1999 и 2003 годов. Причина, по которой именно эти политические партии были выбраны для создания индекса, состоит в том, что только они участвовали во всех выборах депутатов Государственной Думы.

В 1999 г. составлял 0,42, в 2003 г. — 0,34. Это значит что, в среднем, на выборах 2003 года, партиям удалось сохранить чуть более 34% голосов своего традиционного электората, в то время как на выборах 1999 года более 40% избирателей проголосовали за тс же партии, что и на выборах 1995 года.

Феномен «перехода» избирателей

В 1990-х в изучении электоральных ориентаций населения россиян были весьма распространены представления об устойчивости основных партийно-идеологических секторов электората. В 2000-е гг. обнаружилось, что устойчивость масштабов этих секторов гораздо меньшая, чем представлялось некоторым экспертам.

В связи с этим возникла гипотеза о смене «периода устойчивости» 1990-х гг. современным «периодом непредсказуемости» электоральных ориентаций россиян.

В аналитическом докладе «Электоральный ландшафт России» Института открытой экономики (2004 г.) говорится, что российский электорат на отрезке с 1995 по 2004 гг. прошел путь от стабильности к непредсказуемости. «По результатам сравнения результатов голосования на выборах в Государственную Думу 4-го созыва можно сделать вывод о том, что период стабильности в электоральных предпочтениях граждан России, наблюдаемый на протяжении 1995–2000 годов закончился»[96].

В российской политологии существует опыт изучения процессов «перехода» электората от поддержки одних политиков к другим в рамках одного партийно-идеологического сектора. По мнению А. Манакова, «стабильность электоральной структуры в ряде регионов объясняется тем, что избиратели достаточно редко меняют свои политические воззрения, голосуя на разных выборах за партии или отдельных кандидатов определённой политической ориентации. Более значимые «переходы» избирателей наблюдаются обычно только между близкими политическими структурами, например, между левыми и национал-патриотами, демократами и «партией власти», «партией власти» и центром[97]. А. Манаков исследовал феномен перетекания («переливания») патриотического электората от ЛДПР к Лебедю в середине 1990-х гг[98], а так же — «переливание» электората внутри лагеря радикальной оппозиции (включая ЛДПР и КПРФ).

Н. Петров и А. Титков так же отмечали феномен «блуждающих голосов» протестного электората — они доставались в 1993 г. ЛДПР, далее — КПРФ и Лебедю.

Одним из сложнейших в методологическом плане является вопрос об изменчивости электоральных ориентаций. Собственно, сложность заключается в измерении этой изменчивости, в определении направлений изменений электоральных ориентаций.

Феномен «блуждающих избирателей», вероятно, является наиболее «неуловимым» для эмпирического анализа. В большинстве случаев это явление рассматривают в контексте изменения количества и доли сторонников определенных политических сил. Тем не менее, существуют попытки вычислить, в каком конкретно направлении «дрейфуют избиратели» (выражение Ю. Левады[99]), какие группы избирателей переходят от поддержки одной партии к другой.

Электоральное поведение на разных выборах

Несомненно, нельзя электоральные ориентации населения рассматривать вне контекста с уровнем и видом выборов. Политическая наука давно и убедительно установила наличие такой зависимости.

Отдельной проблемой электоральных исследований является динамика избирательских предпочтений, которая нередко принимает форму

«раздельного голосования». Раздельное голосование зачастую приводит к так называемому «раздельному правлению»[100]. Раздельное правление возникает тогда, когда при выборе, например, исполнительного органа избиратели отдают предпочтение одной политической силе, а на выборах законодательного института побеждает другая политическая сила, нередко оппозиционная исполнительной власти. Проблеме раздельного голосования в западной науке посвящены работы Э. Кемпбелла[101], Э. Тафта[102], Дж.Крамера[103] и др. Для объяснения раздельного голосования исследователями выделено несколько факторов, а именно: численность избираемого института, социокультурные и демографические характеристики электората, особенности избирательных систем, время проведения выборов представительных институтов[104]. По мнению некоторых исследователей, изучавших электоральную динамику в американской политической системе, поддержка президентской партии на выборах в конгресс является отражением оценки деятельности президента и правительства в экономической сфере[105]. Проблема электоральной динамики привлекала внимание и ряда европейских исследователей. Так, Р. Динкелем в 1970-е гг. было отмечено, что партии, побеждающие на общенациональных выборах в ФРГ, зачастую проигрывают на выборах в местные представительные органы[106].

К. Рейф и Г. Шмитт изучали динамику электоральных предпочтений с точки зрения концепции первостепенных и второстепенных выборов[107]. Ими обнаружено, что поведение избирателей на первостепенных выборах (т.е. выборах наиболее сильного политического института) отличается по целому ряду показателей от электорального поведения на второстепенных выборах маловлиятельного института. Исследователями выделено несколько особенностей, отличающих первостепенные выборы от второстепенных. Во-первых, это более низкая явка на второстепенные выборы. Во-вторых, исход второстепенных выборов в большей степени определяется идеологическим конфликтом между политическими партиями, чем их проблемными позициями или персоналиями лидеров. Третья особенность второстепенных выборов состоит в том, что на них массовую поддержку получают оппозиционные партии, в то время как проправительственные зачастую проигрывают. Голосуя за оппозиционные партии, граждане выражают свое недовольство политикой правящих сил. Тем не менее, в сравнительном плане проблема раздельного голосования изучена недостаточно[108].

По мнению Ю.Д. Шевченко, «подход к изучению раздельного голосования может быть назван институциональным. Центральная идея институционального подхода состоит в том, что неравномерное распределение властных полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти порождает раздельное голосование. При выборе политического института, чьи полномочия ограничены, ведущей мотивацией оказы-

вается инструментальная, тогда как на выборах политически более сильного института доминирует идеологическая идентификация. Она проявляется в выборе того из кандидатов, чья идеология наиболее адекватна представлениям избирателя о «наилучшем устройстве общества». Ведь именно сильный институт располагает достаточным объемом полномочий, чтобы формировать общеполитический курс»[109]. На выборах более слабого института доминирует инструментальное голосование, отражающее текущее отношение граждан к экономической политике сильного института. Показателем в этом случае становится электоральная поддержка правящих партий: граждане отказывают ей в поддержке, если недовольны действиями правительства, представляющего ту же политическую силу. Оппозиционность слабого института служит зримым знаком недовольства избирателей деятельностью сильного института, однако не оказывает решающего влияния на характер политических процессов. Например, если в политической системе превосходящими властными полномочиями наделен президент, то на его выборах доминирующей мотивацией будет идеологическая идентификация, мало связанная с текущим экономическим положением избирателей. Но при выборе парламента оценки экономической политики правительства могут оказаться главным фактором электорального поведения[110]. Институциональная трактовка раздельного голосования вполне согласуется с логикой ряда других исследовательских традиций, в частности, концепции первостепенных и второстепенных выборов[111].

Теория «раздельного голосования» применяется в изучении электоральных ориентаций Юга России.

Применительно к Ростовской области Е. Нагайчук называет этот феномен «двойным стандартом» электорального поведения — радикализм на федеральных выборах (то есть сравнительно высокая поддержка оппозиции) и прагматизм на региональных и местных[112].

Электоральное поведение населения ЮФО подтверждает выявленные западными исследователями закономерности «раздельного голосования»:

Во-первых, явка зависит от степени важности выборов и важности избираемых должностей. Наибольшая явка на выборах президента РФ, значительно меньше — на выборах депутатов Государственной думы ФС РФ, наименьшая на муниципальных выборах. При этом прослеживалась интересная тенденция снижения явки на федеральные парламентские выборы с середины 1990-х гг. (за исключением 2007 г.), что можно толковать как снижение важности этих выборов (и самой легислатуры) в глазах избирателей.

Во-вторых, подтверждается теория Е. Нагайчука о «двойном стандарте» электорального поведения. В ЮФО, как и по всей России, поддержка действующей власти выше на первостепенных, президентских выборах, и ниже — на парламентских. Это проявлялось не только в эпоху В.В. Путина

(различие между рейтингов В.В. Путина и «Единой России»), но и при Б.Н. Ельцине. Вероятно, это можно рассматривать как стабильную тенденцию электорального поведения.

В настоящем исследовании особое внимание сконцентрировано на федеральных выборах, поскольку только материалы таких выборов позволяют проводить сравнительные исследования электоральных ориентаций населения разных регионов.

Среди федеральных выборов, по нашему мнению, наиболее перспективными для сравнительного являются результаты парламентских выборов. При выборах такого рода в большей степени проявляются идеологические ориентации населения.

Партийно-идеологические сектора электорального пространства

При рассмотрении электоральных ориентаций населения ключевым методологическим вопросом является вопрос об определении структуры идеологических ориентаций электората.

Вопрос о выделении основных партийно-идеологических секторов электорального пространства остается неоднозначным.

В российской политологии 1990-х гг. было распространено следующее идеологическое деление политических сил и групп электората: 1) правые (категория, включающая в себя проправительственные партии и «демократическую оппозицию»); 2) центр (умеренная оппозиция и квазиполитические группы); 3) националисты; 4) левые (Г.В. Голосов[113]).

В 1990-е гг. было популярно упрощенное деление электората на лояльно-демократический и радикально-традиционалистский (к последнему относили сторонников В. Жириновского, а А. Лебедя — к первому). По оценке В.Я. Гельмана, в середине 1990-х гг. в российской политической науке преобладало деление электората на дихотомию «либералов» и «государственников-националистов»[114] (Афанасьев М., Дилигенский Г., Михайловская И., Кузьминский Е., Салмин А., Бунин И., Капелюшников Р., Урнов М., Петров Н.). Следование такой биполярной схеме, заимствованной у западных авторов и отражающей отношение к процессу модернизации, имело не только научные, но и практические негативные последствия, став, по мнению Г. Голосова, «одной из причин неудач либералов на парламентских выборах в 1993 г.»[115]

В статье «Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция» (1996 г.) В.А. Колосов и Р.Ф. Туровский представили свою биполярную модель деления российского электората на две основные части — радикально-традиционалистский электорат (к нему относились как левые, так и сторонники В.В. Жириновского) и многослойный

лояльно-демократический электорат (его слои — это реформаторский электорат, центристский электорат).

Это деление, на наш взгляд, не соответствует не только системе политических субъектов, но и поведению основных страт российского электората.

Помимо биполярной схемы, В.Я. Гельман выделяет еще четыре схемы деления электората России по идеологическим предпочтениям: 1) трехсекторная схема либералы-коммунисты-националисты; 2) четырехсекторная схема коммунисты — некоммунистические националисты — либералы — «партия власти»; 3) пятисекторная схема «традиционалисты» (коммунисты) — центристы (или социалисты) — государственники (или националисты) — либералы — «партия власти»; 4) альтернативная дихотомическая схема, базирующаяся на оппозиции между «партиями статус-кво» и «партиями перемен».

По мнению А.Г. Манакова, в российских условиях «существует относительно устоявшаяся терминология, которая используется одновременно и для фиксации населения, проголосовавшего за эти политические организации. Наиболее часто применяется разделение политических партий, блоков и движений на: 1) левых (или прокоммунистические блоки); 2) демократов (прореформаторские блоки); 3) патриотов (или «национал-патриотов»); 4) центристов (к которым иногда добавляются «партии власти», т. е. проправительственные блоки)»[116] К четырём основным группам избирателей иногда добавляют пятую — абсентеистов (от англ. absent — отсутствовать), то есть избирателей, не пришедших на выборы.

В 2002 г. А.В. Баранов предложил классификацию акторов в системе координат: «национал-консерваторы» (ЛДПР, КРО), «либералы», «центристская партия власти» (ПРЕС, НДР, «Единство», ОВР), «левоцентристы» (АПР), «коммунисты» (КПРФ и радикально-коммунистические блоки)[117]. При этом некоторые акторы не поддаются четкой классификации.

Понятие «идеологические ниши» используют М. Мягков и А. Ситников для обозначения партийно-идеологических секторов электорального пространства[118]. Они сообщают, что масштабы идеологических ниш остаются неизменными. Выделяют «идеологические ниши» коммунистов, ЛДПР.

Ю.Д. Шевченко отмечает, что помимо партийной идентификации, существует идеологическая идентификация. Высокий уровень фрагментации российской партийной системы поощряет идентификацию избирателя с идеологическими основаниями партийных программ»[119]. О том, что экспрессия может выражаться в форме идеологической идентификации, свидетельствует своеобразие электоральной неустойчивости, отмеченное российскими исследователями при анализе парламентских выборов 1993 и 1995 гг. Выявлено, что субэлектораты идеологических блоков довольно стабильны, тогда как электоральная неустойчивость в их рамках чрезвычайно высока[120]. Следовательно, выбор партий может меняться, а идеологические предпочтения остаются более стабильными.

А.П. Страхов в 2002 г. отмечал, что «в структуре российского общества можно выделить несколько субкультурных «ядер», которые являются центром притяжения политических симпатий больших социальных групп. Наиболее часто выделяют лево-традиционалистское мировоззрение и противостоящую ему модернистскую субкультуру. Это два социокультурных полюса, которые до последнего времени задавали координаты всего политического поля России»[121]. Традиционалисты опираются на мощный пласт консервативной морали в ее российском варианте. Базовыми ценностями для этой социокультурной группы выступают такие понятия, как справедливость, равенство, честность, Родина, коллективизм. Социальную базу традиционалистов составляют преимущественно жители села, а также малых и средних городов, работники производственного сектора. Модернистское мировоззрение отличается от традиционного, прежде всего, большей долей индивидуализма, повышенной ценностью свободы, независимости. Носителей этой субкультуры часто называют «западниками», так как они в качестве политического идеала выдвигают общественное устройство западных демократий. Голосуют «западники» за партии либерального спектра. Социальную основу данной субкультуры составляют горожане, прежде всего жители мегаполисов. Среди «модернистов» более высокий процент лиц, занятых в непроизводственной сфере. У них более высокий уровень образования, чем у традиционалистов, и более высокие доходы.

Политическая практика 2000-х гг. внесла коррективы в распространенные в предыдущем десятилетии идеи о возможном объединении центристов и демократов в одну электоральную группу. Наряду с этим, и электорат, ориентирующийся на политические силы патриотической направленности доказал свою устойчивость (хотя и представлен, в основном, в последние годы одной партией).

В связи с этим, упрощенное деление электорального пространства России, на наш взгляд, должно необходимо включать следующие четыре основные сектора: 1) левые, 2) державно-патриотические силы, 2) либералы, 4) партия власти и центристы.

Данное деление совершенно не связано с масштабом данных «идеологических ниш» электорального пространства. Четыре выделенных идеологических сектора могут быть больше или меньше друг друга по масштабу. Известно, например, что электорат либералов даже в лучшие для них 1990-е гг. был на Юге России меньше, чем электорат леворадикальных политиков — «суб-сектора» левых. Либеральный электорат на выборах 2007–2008 г. сократился до пренебрежимо малых размеров.

Выделение данных четырех секторов электорального пространства обосновывается их устойчивостью на протяжении нескольких избирательных циклов, а так же наличием политических идеологий и программ, которые остаются в центре событий общероссийского политического процесса.

Избранная нами схема деления электората по типологии В.Я. Гельмана соответствует второму варианту (четырехсекторная схема). Так же это деление близко подходу М.В. Малютина, выделявшему в 1998 г. такие группы электората, как «приверженцев либерализма, коммунизма и национализма, и особый электорат «партии власти»[122].

Таким образом, по уровню электоральной поддержки данных четырех политических сил в нашей работе проводится сравнительное исследование электоральных ориентаций групп населения.

1.2. Методологические основы изучения электоральных ориентаций на Юге России

Междисциплинарная методология в изучении электоральных ориентаций населения

Изучение электоральных ориентаций населения традиционно находится на стыке политологии и географии. Часто трудно (а порой и невозможно) разграничить — где кончается география, а где начинается регионалистика в широком понимании этого направления исследований (региональной экономики, социологии, политологии и др.)[123].

Ситуация сложилась так, что как в отечественной науке, так и в зарубежной в изучении электоральных ориентаций населения ведущую роль играют политико-географические исследования.

Р.Ф. Туровский в 2006 г. следующим образом определил ситуацию с интеграцией политологического знания с электоральной географией: «В настоящее время существует огромная потребность в междисциплинарной интеграции региональных исследований электорального процесса, которыми в отрыве друг от друга занимаются политологи, социологи и географы. Также требуется интеграция подходов, существующих в культурологии, поскольку электоральное поведение в значительной мере зависит от культурных особенностей территориальных сообществ. Если пытаться идентифицировать научное направление, занимающееся региональным измерением электорального процесса, то здесь возможны два пути, каждый имеющий свое право на существование. Первый — это создание существенно обновленной электоральной географии в прямой связи с перечисленными выше гуманитарными дисциплинами. Второй — это усиление регионального направления в политологии с обязательным использованием методов и подходов, заимствованных из географии, политической социологии

и культурологи (аналог политической регионалистики, который можно назвать электоральной регионалистикой)»[124].

Таким образом, представленное исследование относится не к электорально-географическим, а к политическим исследованиям, основанным на использовании методологии смежной научной дисциплины.

Количественные методы

Методологической основой исследования является использование статистических и математических методов.

В настоящей работе использованы показатель амплитуды вариации поддержки и показатель отношения максимального и минимального результатов поддержки партии на отдельных территориях.

Оба названных выше показателя имеют ограниченную сферу применения, прежде всего, в связи с тем, что касаются лишь максимального и минимального электоральных результатов, и не характеризуют всю совокупность данных.

Для определения неравенства распределения поддержки среди всего множества данных используется статистический коэффициент вариации (V), исчисляемый по формуле

$$V = \frac{\delta}{\bar{\chi}} * 100\%,$$

где δ — корень из дисперсии, $\bar{\chi}$ — среднее арифметическое.

Если статистический коэффициент вариации менее 33%, то распределение считается относительно однородным. При превышении критического порога 33% множество утрачивает однородность.

Таким образом, неравенство распределения электоральной поддержки между территориальными общностями определяется нами через три статистических коэффициента — показатель амплитуды вариации, отношения максимального и минимального значения и коэффициент вариации.

По-новому использован метод линейной корреляции (Пирсона), чье применение было нами значительно расширено по сравнению с предыдущими исследованиями (В. Голосова и др.). Корреляционный анализ различия голосования по территориям использовался многими исследователями; однако, в нашем исследовании планируется проведение корреляции между результатами голосования на различных выборах.

Использование метода линейной корреляции (Пирсона) позволяет получить большой объем количественных показателей, характеризующих электоральные ориентации населения и их динамику.

Коэффициент корреляции между двумя рядами данных исчисляется по формуле

$$r = \frac{\sum (y_{i1} - y_{cp})(y_{i2} - y_{cp})}{\sqrt{\sum (y_{i1} - y_{cp})^2 \sum (y_{i2} - y_{cp})^2}}$$

Значение коэффициента линейной корреляции (r) варьируется от -1 до 1. Принято считать, что если (r) < 0,3, то связь слабая; при (r) = (0,3÷0,7) — средняя; при (r) > 0,70 — сильная, или тесная. Когда (r) = 1 — связь функциональная, то есть полная, в общественных явлениях практически не встречается. Для общественных явлений связь с корреляцией свыше 0,85 считается чрезвычайно тесной.

Метод линейной корреляции Пирсона позволяет определить степень связи между рядами количественных данных.

Использование традиционных статистических показателей (среднего линейного отклонения, коэффициента вариации, среднего квадратического отклонения, амплитуды вариации и т.д.) для количественного измерения территориальной дифференциации электоральных предпочтений так же перспективно, но в политической социологии значительно не применялось. Использование данных показателей для описания дифференциации по отдельным регионам, и их дальнейшее сопоставление поможет пересмотреть вопрос о «типичных» и «критических» значениях данных переменных в условиях регионов ЮФО. В дальнейшем эти разработки могут быть использованы для интерпретации территориальной дифференциации электоральных предпочтений и в других регионах России.

Впервые в отечественном обществознании мы используем статистический коэффициент корреляции рангов (Спирмена) (ρ)

$$\rho = 1 - \frac{6 * \Sigma d^2}{n * (n^2 - 1)},$$

где d — разница значения рангов одной из единиц в первом случае и во втором, n — количество единиц, по которым осуществляется ранжирование.

Так же, как и при линейной корреляции Пирсона, значение коэффициента корреляции рангов (ρ) варьируется от -1 до 1. Если (ρ) < 0,3, то связь слабая; при (ρ) = (0,3÷0,7) — средняя; при (ρ) > 0,70 — сильная, или тесная. Когда (ρ) = 1 — связь полная.

Коэффициент корреляции рангов представляет большую перспективность в раскрытии устойчивости территориальных различий электоральных предпочтений. Если расположить территории по рангам по степени

поддержки политиков (партий), мы обнаружим, что на протяжении нескольких избирательных кампаний расположение территорий в этой шкале остается устойчивым. Данный метод позволяет зафиксировать устойчивость рангов отдельных территорий по отношению к политическим силам. О феноменальной перспективности данного метода говорит тот факт, что по отдельным политическим силам корреляция рангов (ρ) составляет по территориям ЮФО свыше 0,95!

Существуют некоторые математические методы, не получившие пока достаточного применения в электоральных исследованиях. В частности, А. Ситников и М. Мягков предложили исследовать степень обновления партийного электората («Индекс обновления электората») при помощи метода, который в западной литературе называется «ecological inference» (дословно — «экологическое заключение»)[125]. Он позволяет восстановить из выборных данных индивидуальное поведение избирателей. Этот метод использовался в ходе исследования «Электоральный ландшафт России», которое проводил Институт открытой экономики. В результате применения этого метода было определено, сколько избирателей переходило от одних избирательных объединений к другим на разных выборах по отдельным территориям. Следует признать, что выводы такого рода представляли бы чрезвычайный интерес для политологии; тем не менее, данная методология вызывает много сомнений.

«Индекс электоральной подвижности» в изучении устойчивости электората Юга России

Среди используемых математических методов в изучении «переходов» избирателей можно отметить «индекс электоральной подвижности» (index of electoral volatility).

Этот показатель (V) рассчитывается по формуле

$$V = 1/2 * \Sigma |p_{i1} - p_{i2}| \quad ,$$

где p_{i1} — это доля голосов, полученных одной партий на первых выборах, а p_{i2} — доля голосов, полученных партией на последующих выборах.

Л.В. Сморгунов провел анализ перспектив применения данного метода в сравнительном изучении электоральных процессов в России[126].

Данный показатель дает общее количественное выражение изменчивости распределения симпатий электората на двух сравниваемых выборах. Недостатком его является то, что для его строгого применения требуется, что бы в двух выборах участвовал неизменный перечень партий

(или кандидатов). Последнее условие для постсоветской России трудновыполнимо.

Если применять этот показатель ограниченным образом (по отношения к постоянно участвующим партиям или партийно-идеологическим направлениям), то можно получить определенные данные. Но их эвристическая ценность в связи с этим будет сомнительна.

К тому же, можно получить таким образом очень спорный показатель, например, сравнивая результаты выборов двух электоральных циклов (нам придется сравнивать результат поддержки не только постоянно участвующих партий, но и «близких» партий, что уже само по себе нарушает объективную беспристрастность количественного метода). Например, индекс электоральной подвижности (V) по результатам парламентских выборов 1999 и 2003 гг. по шести основным политическим силам по России в целом составил 12. По Астраханской области этот показатель — 11. Сами по себе эти значения мало что говорят. Они были бы интересны, если бы мы вычислили индекс электоральной подвижности (V) по последующим (или предыдущим) парламентским выборам. Но на следующих выборах состав участников опять будет отличаться. Поэтому «погрешность» при исчислении этого коэффициента, роль субъективного мнения исследователя будет неизбежно очень большой. В результате это уже и нельзя назвать собственно количественным методом.

По ТИК Астраханской области индекс электоральной подвижности в сравнении результатов парламентских выборов 2003 и 2007 гг. разнится от 18,4 (Знаменск) до 32,7 (Икрянинский район).

По ТИК Волгоградской области индекс электоральной подвижности районов в сравнении результатов парламентских выборов 2003 и 2007 гг. разнится от 21,5 (Кировский район областного центра) до 40,3 (Палласовский район).

По ТИК Ростовской области индекс электоральной подвижности районов в сравнении результатов парламентских выборов 2003 и 2007 гг. разнится от 10 (Родионово-Несветайская ТИК) до 54,1 (Пролетарский район).

При рассмотрении индекса электоральной подвижности районов трех областей в сравнении выборов 2003 и 2007 гг. не просматриваются явные тенденции. Некоторые районы имели очень низкий индекс не в силу особой устойчивости электората, а по причине того, что «Единая Россия» добилась здесь подавляющего преимущества уже к 2003 г. (например, в Ростовской области это Советская, Обливская и другие ТИК).

Просматривается такая тенденция, что индекс электоральной подвижности несколько меньше в городах, чем в селах. Тем не менее, это явление не устойчиво.

В целом в современной России этот показатель всегда оказывается большим. При этом на каждом этапе у этого были свои причины. В сельских районах высокое значение индекса обусловлено, прежде всего, рез-

ким повышением поддержки партии власти по сравнению с 1990-ми гг. В городских районах темпы поддержки партии власти существенно меньше, кроме того, в меньших темпах упала поддержка других партий. В городских ТИК индекс электоральной подвижности был бы меньшим, и это позволило бы классифицировать городские и сельские ТИК по этому показателю устойчивости электората. Но в действительности для городских ТИК при меньших темпах роста поддержки партии власти и падения поддержки других партий характерно более высокие (чем для села) темпы роста поддержки «новых левых» (блок «Родина», «Справедливая Россия»). И по итоговой сумме индекс электоральной подвижности в городских ТИК принципиально не отличается от сельских ТИК.

Эти группы районов отличаются по «индексу» поддержки не всей совокупности политических субъектов, а каждого из них в отдельности. Но показатель (V) этого не отражает.

Таким образом, по нашему мнению возможность применения данного показателя (а самое главное — объективность итоговых данных) в электоральных исследованиях современной России ограничена.

Для оценки политической устойчивости территории используется коэффициент устойчивости, который рассчитывается по двум базисным и двум ядерным электоральным группам через показатель устойчивости тренда. Такая оценка политической устойчивости регионов России была проведена в 1996 г. А. Жидкиным[127].

Использование анализа многомерных траекторий для изучений электоральных ориентаций населения Юга России

Совместно с астраханским математиком Ю.М. Брумштейном нами изучалась проблема использования дополнительных математических индексов для количественного выражения и анализа динамики электоральных ориентаций. В результате Ю.М. Брумштейном был предложен ряд новых индексов, до этого не применявшихся в сравнительных политологических исследованиях.

Методика проведения анализа. Будем считать, что набор возможных альтернатив для избирателей по каждому из «**M**» выборов составлял **N** вариантов, включая варианты, возможные только на части выборов. Точка, соответствующая результатам выборов в определенный момент времени, имеет координаты по этим осям, соответствующие процентам проголосовавших по каждому из вариантов. Если для конкретных выборов альтернатива голосования отсутствовала, (например, не было ПП), то для этой ПП берем нулевое процентное значение. Сумма процентных долей во всех случаях равняется 100%.

Таким образом, совокупность результатов «**M**» голосований будет представлять собой набор «**M**» точек в «**N**» мерном пространстве, упорядочен-

ный по возрастанию дат. Переход между двумя последовательными датами выборов может быть описан многомерным вектором (начало в первой из дат, конец — во второй). Этому вектору сопоставляется период времени между двумя выборами, для определенности выраженный в днях.

Совокупность таких векторов (в количестве «**M-1»**) будет являться траекторией, характеризующей динамику изменения предпочтений избирателей за рассматриваемый период (сами предпочтения можно рассматривать как «изображающую точку», перемещающуюся вдоль траектории).

Каждый из векторов изменения предпочтений избирателей может быть представлен в «компонентной форме» как

$$\left\{\Delta X_{n,m->j+1}\right\}_{n=1...N} = \left\{X_{n,m+1} - X_{n,M}\right\}_{n=1...N} \quad (1)$$

где: **n** — номер варианта голосования;; **m** — номер точки по времени (номер выборов); $X_{n,m}$ — процент для **n**-ого варианта голосования избирателей, соответствующий **m**-ой точке по времени.

Данный индекс может существенно дополнить методику определения изменчивости электоральных предпочтений. Использовавшийся ранее в политологии «индекс стабильности идеологических предпочтений» является менее содержательной переменной, поскольку отражает только изменение уровня поддержки политических сил.

Длину вектора, соответствующего изменению предпочтений за период между двумя выборами (т.е. **j->j+1**), определим по

$$D_{m\to m+1} = \sqrt{\sum_{i=1}^{N}(\Delta X_{i,\,j->j+1})^2} \quad (2)$$

Понятно, что нулевая длина этого вектора соответствует полному сохранению структуры предпочтений избирателей. Максимальная (100%) длина вектора может соответствовать случаю, когда все избиратели раньше голосовали за одну партию, а затем за другую. *Вектор смещения предпочтений избирателей* так же является дополнительным индексом, который предлагается нами для количественного измерения изменчивости электоральных ориентаций.

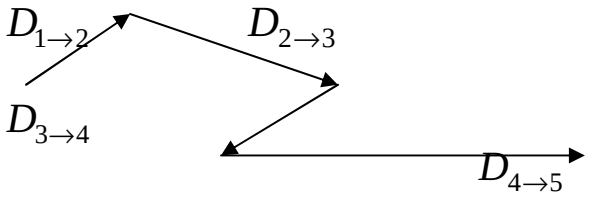
С учетом различий в периодах между двумя последовательными выборами кроме D_m представляют интерес и «скорости» изменения предпочтений за эти периоды

$$V_{m->m+1} = D_{m->m+1}/(t_{m+1} - t_m) \quad (3)$$

где t_m- координаты моментов выборов на временной шкале (для определенности в днях). За нулевое значение времени можно взять t_1.

Для двумерного случая (два варианта голосования) смысл вышеприведенных формул наглядно виден из рис. 1.

Рис. 1. *Пример траектории электоральных предпочтений для N=2*



Для двух последовательных во времени векторов, т.е. трех последовательных выборов, представляет интерес также угол поворота (градусы) второго вектора по отношению к первому. Мы используем формулу

$$U_{m-1,m,m+1} = -180 * f^2 + 360 * f \quad (4)$$

где $"f"$ определяется по

$$f = (D_{m-1\to m} + D_{m\to m+1} - D_{m-1\to m+1}) / ((D_{m-1\to m} + D_{m\to m+1}) \quad (5)$$

При этом мы исходим из:

- представления об отрезках, соответствующих векторам $D_{m-1->m}$, $D_{m->m-1}$, $D_{m-1->m+1}$ как образующих замкнутый треугольник;
- того, что при N=2 (два варианта голосования) в случае единичных длин первых двух векторов прямой угол между ними, т.е. 90^0, обеспечивается по формуле (4) при $f = (1+1-1.41)/(1+1) = 0.2928932$.

В содержательном плане «U « можно интерпретировать так: при нулевом угле предпочтения избирателей продолжают меняться «в том же направлении», что и в предыдущий период; при 180^0 — направление изменения предпочтений (НИП) в последующий межвыборный период меняется на прямо противоположное по сравнению с предыдущим; промежуточные значения угла соответствуют частичному изменению НИП.

Угол поворота вектора по отношению друг к другу («U «) является индексом, аналогов которому мы не видим в сравнительной политоло-

гии. Преимущество его заключается в том, что он отражает изменение электоральных ориентаций в сравнении двух электоральных циклов.

Для всей траектории за анализируемый период можно ввести и некоторые «общие» характеристики. Величина

$$D_S = \sum_{m=1}^{M-1} D_{m,m+1} \quad (6)$$

будет представлять собой суммарную длину всех векторов, т.е. длину всей траектории. Соответственно

$$\bar{V} = D_S /(t_M - t_1) \quad (8)$$

показывает среднюю скорость изменения предпочтений за период, которую в содержательном плане можно трактовать как «лабильность» предпочтений избирателей.

Достаточно информативен также средний угол поворота векторов смещения предпочтений избирателей в точках выборов

$$\bar{U} = \left(\sum_{m=2}^{M-1} U_{m-1,m,m+1} \right) /(M-2) \quad (9)$$

Небольшие $\bar{U}$ должны интерпетироваться как направленный процесс смены электоральных предпочтений, высокие значения — как характеристика неустойчивости процесса изменения предпочтений.

В принципе могут рассматриваться и дисперсионные характеристики для наборов значений $\{D_{m\to m+1}\}_{m=1...M}$ и $\{U_{m-1,m,m+1}\}_{m=2...M-1}$, например коэффициенты вариации. Однако при малом числе точек на траектории они будут не очень показательны.

Эвклидово расстояние в многомерном пространстве между начальной и конечной точками («t_1« и «t_M «) за анализируемый период

$$D^* = \sum_{n=1}^{N} (\Delta X_{n,1\to M}) \quad (10)$$

Полезной является также оценка

$$\Omega = D^* / D^S \quad (11)$$

При больших Ω (например, от 0.5 до 1) ситуацию, вероятно, можно интерпретировать как относительно устойчивое во времени изменение электоральных предпочтений, а при малых Ω — как относительно неустойчивое. В силу этого следует ожидать достаточно высоких по модулю значений коэффициентов корреляции между Ω и $\bar{U}$.

Примеры отражения электоральной статистики Юга России на межрегиональном и субрегиональном уровне в индексах анализа многомерных траекторий представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. *Индексы анализа многомерных траекторий электоральных ориентаций населения ЮФО на парламентских выборах 1995–2007 гг.*

	Вектор смещения предпочтений избирателей в 1999 г.	Вектор смещения предпочтений избирателей в 2003 г.	Вектор смещения предпочтений избирателей в 2007 г.	Индекс «U» в 1999 г.	Индекс «U» в 2007 г.	Средний угол поворота векторов смещения предпочтений
Ростовская обл.	30,00	26,61	35,27	62,99	68,00	65,49
Волгоградская обл.	23,68	25,02	30,43	104,45	92,99	98,72
Ставропольский край	28,08	30,80	32,38	92,38	88,02	90,20
Краснодарский край	31,76	29,62	26,89	97,70	70,58	84,14
Астраханская обл.	23,02	22,38	29,89	107,52	70,11	88,81
Дагестан	27,09	48,26	26,18	67,71	6,40	37,05
Адыгея	21,16	41,60	21,54	27,64	25,81	26,73
Ингушетия	19,05	44,82	27,11	41,39	26,85	34,12
Кабардино-Балкария	7,10	48,58	47,47	40,64	19,72	30,18
Калмыкия	24,31	25,46	24,99	113,03	41,61	77,32
Сев. Осетия	62,20	83,44	52,02	173,99	2,86	88,42
Карачаево-Черкесия	34,43	74,61	20,98	127,38	11,86	69,62

Примечания. Данные вектора смещения предпочтений избирателей (столбцы 1–3) приведены в процентах, данные в столбцах 4–5 приведены в градусах. Индекс «U» — угол поворота векторов в многомерном пространстве.

Таблица 2. *Индексы анализа многомерных траекторий электоральных ориентаций населения Астраханской области на парламентских выборах 1995–2007 гг.*

	Вектор смещения предпочтений избирателей в 1999 г.	Вектор смещения предпочтений избирателей в 2003 г.	Вектор смещения предпочтений избирателей в 2007 г.	Индекс «U» в 1999 г.	Индекс «U» в 2007 г.	Средний угол поворота векторов смещения предпочтений
Кировский	16,42	26,42	25,61	100,32	64,65	82,49
Ленинский	19,31	26,97	27,79	112,83	70,96	91,90
Советский	19,70	27,10	26,24	102,14	72,33	87,23
Трусовский	28,07	22,71	30,78	115,18	86,43	100,80
Ахтубинский	28,76	24,64	27,10	121,41	91,79	106,60
Володарский	17,56	26,52	36,58	28,08	9,94	19,01
Енотаевский	32,76	21,67	30,43	85,30	56,23	70,77
Знаменск	36,17	18,50	19,41	73,55	91,93	82,74
Икрянинский	31,22	19,16	34,79	123,58	96,15	109,86
Камызякский	27,51	22,24	34,62	75,88	59,78	67,83
Красноярский	9,32	19,98	35,51	108,05	27,17	67,61
Лиманский	36,27	24,83	28,76	120,35	99,06	109,71
Наримановский	21,06	20,60	33,19	100,65	63,32	81,99
Харабалинский	32,42	21,28	34,79	124,21	95,92	110,07
Черноярский	34,36	27,12	33,28	131,28	117,77	124,53

Примечания. Данные вектора смещения предпочтений избирателей (столбцы 1–3) приведены в процентах, данные в столбцах 4–5 приведены в градусах. Индекс «U» — угол поворота векторов в многомерном пространстве.

Более подробно математический аппарат применения данных методик отражен в совместных статьях Ю.М. Брумштейна и Н.В. Гришина.

В качестве альтернативы рассмотрения траектории изменения электоральных предпочтений в виде ломаной линии в принципе могут быть использованы и подходы на основе идеологии сплайнов.

Объективность статистических данных

Особый методологический вопрос в настоящем исследовании — соответствие официальных результатов выборов (которые составляют эмпирическую базу работы) объективному свободному волеизъявлению граждан (в результате манипулирования, административного давления или прямых фальсификаций).

Данный вопрос вызывает достаточно различное толкование экспертов вплоть до распространенного мнения, отрицающего объективный характер официальных результатов выборов (соответственно, отрицается научный характер электоральных исследований).

На наш взгляд, лонгитюдное сравнительное электоральное исследование электорального поведения выявляет устойчивые закономерности, характерные для отдельных территорий. Наличие таких закономерностей подтверждает объективный характер результатов официальных результатов выборов.

По мнению Н. Петрова и А. Титкова, «существующие математико-статистические методы позволяют освободить картину итогов голосования от всего наносного, получить с большой долей вероятности «чистые» электоральные симпатии населения... Дело, однако, в том, что «идеальный электоральный ландшафт», который получится в результате, — всего лишь умозрительный конструкт… Реальный же электоральный ландшафт включает в себя фальсификационную или, если сказать мягче, административную составляющую как естественный компонент, тесно связанный с другими (политической культурой, социально-экономическим положением и др.)»[128].

Таким образом, в электоральном исследовании регионов Юга России сохраняется проблема разделения «идеальной» электоральной картины и «реальной» электоральной картины.

Выбор методов для сравнительного исследования электоральных ориентаций

В регионалистическом электоральном исследовании используется такое разнообразие методов, что самостоятельным методологическим вопросом является проблема их согласования в рамках одного исследования.

А.В. Баранов в исследовании политическо-географических факторов электорального поведения на Юге России в качестве методологии выбрал теорию социокультурных расколов (С. Роккан, С. Липсет), модель диффузии инноваций (Т. Хёгерстранд).[129] При этом свое исследование электоральной географии А.В. Баранов строит через изучение региональных политических культур.

Н. Петров и А. Титков свое исследование электорального ландшафта строили на основании проведения зонального раскола «Север-Юг» и внутрирегиональных азональных факторов: «центр — периферия», «город — село»[130].

Е.В. Лузина выделила следующие методы анализа зависимости географии влияния партий от многочисленных факторов, ее определяющих.

1) корреляционный анализ — расчет коэффициентов корреляции и проверка их статистической значимости.

2) Факторный анализ

3) Регрессионный анализ позволяет определить уравнения, описывающие зависимость голосования от того или иного параметра.

4) Один из путей изучения зависимости географии влияния партий от разнообразных социально-экономических параметров — группировка итогов выборов по территориям и населенным пунктам разных типов[131].

Рассмотрение электорального поведения в контексте территориальных особенностей

Настоящее исследование ориентировано на рассмотрении электорального поведения по нескольким территориальным уровням. Во-первых, это уровень макрорегиона — Южного федерального округа; во-вторых, уровень региональный — субъектов федераций; в-третьих, районный уровень — территориальных избирательных комиссий (ТИК). Микроуровень (участковых избирательных комиссий) в работе не рассматривается.

Одной из особенностей настоящей работы является рассмотрение различий электоральных ориентаций населения на уровне районов — территориальных избирательных комиссий. А.В. Баранов отмечает, что очень немногочисленны исследования внутрирегиональных типов голосований и политических ориентаций[132]. Р.Ф. Туровский еще в 1999 г. писал, что «самым неизученным остается уровень электоральной географии — административные районы и города России»[133].

В исследовании М. Мягкова, А. Ситникова, Д. Шакина рассматривалось изменение электоральных предпочтений в разрезе ТИК.[134] Тем не менее, такие исследования составляют меньшинство и по Югу России, в частности, масштабное сравнительное исследование электорального поведения на районном уровне не проводилось.

Региональные проблемы в России, по мнению И.А. Журкиной, могут быть объединены в четыре главные группы:

1) Проблема размеров страны (огромная территория, колоссальная асимметрия ее освоения);

2) Проблема внутреннего разнообразия страны (природная, этнокультурная, хозяйственная асинхронность развития регионов, разнообразие культурных ландшафтов и местных хозяйственных укладов);

3) Проблемы территориальной справедливости («асимметричный федерализм», межрегиональное перераспределение благ, повсеместный разрыв между городом и деревней, центром и периферией разных регионов, усиливаемый жестким централизмом управления);

4) Проблемы, присущие периодам национальных кризисов и переустройств, связанные с разладом отношения части и целого. Сюда относится проблема регионального сепаратизма, яростная борьба за различные льготы и привилегии[135].

Метод районирования в изучении электоральных ориентаций

Метод районирования позволяет анализировать территориальные явления и процессы не только комплексно, но и в адекватной им территориальной форме, своеобразной «территориальной упаковке». Это особенно важно, когда на региональном уровне исследования (а применительно к России это, прежде всего, уровень субъектов Федерации) мы в итоге анализа получаем, по словам И.А. Журкиной, «среднюю температуру по госпиталю», когда на территории региона у нас представлены разнонаправленные процессы, сосуществуют разнокачественные явления, часто находящиеся в антагонистических отношениях друг с другом[136]. Классическим примером такого подхода может служить региональный анализ электоральных предпочтений населения на уровне субъектов РФ, когда тип голосований в административном центре, городах и в сельской местности чаще всего бывает настолько разнородным, что итоговые показатели в целом по субъекту и даже по избирательным округам не отражают реальную территориальную дифференциацию.

Спорным остается вопрос о выделении территориальных единиц, выступающих элементами деления электорального пространства. Проблема заключается в выборе масштабах выделения единиц и в критериях.

По справедливому замечанию Н. Петрова и А. Титкова «оперировать не человеком, избирателем с присущими ему политической культурой, предпочтениями, поведением, а пространственными ячейками любого размера, от групп регионов до избирательных участков, — всегда некоторая условность, усреднение, «размазывание» социальных характеристик по территории»[137].

Р.Ф. Туровский указывает на методологическую некорректность часто встречающееся использование формулировок «территория голосует» определенным образом: «в выборах принимают участие люди, а не территории… следует рассматривать территории, регионы в качестве территориальных сообществ, обязательно подразумевая «наполнение» территориальных ячеек людьми, которые и принимают электоральные решения»[138].

В связи с этим следует признать обоснованным деление электорального пространства не по территориальному признаку, а в зависимости от социальных общностей, которые определяют специфику электоральных предпочтений на данной территории. Таким образом, это подчеркивает социологическое, а не географическое содержание данного вопроса.

Главным элементом электорального пространства можно рассматривать «территориальные сообщества ... Под территориальным сообществом понимаются люди (электорат, т.е. участники электорального процесса), населяющие территорию с определенными границами»[139].

Одной из наиболее спорных проблем электоральной регионалистики является таксономия территориальных сообществ, которая определяется в зависимости от используемого автором правила генерализации. Выбор для рассмотрения определенного уровня электорального сообщества представляет принципиальную эвристическую важность. При излишне масштабном уровне генерализации возникает опасность выделения в качестве предмета анализа больших и внутренне неоднородных электоральных единиц, внутри которых от внимания исследователя могут ускользать устойчивые противоречия и «расколы».

По образному выражению Р.Ф. Туровского, «территориальные сообщества представляют собой аналог «матрешки», более крупные (и, следовательно, менее однородные) включают в свой состав менее крупные (более однородные). Количество таксономических уровней может быть разным, но нередко его привязывают к количеству уровней административно-территориального деления, условно связывая территориальные сообщества с административно-территориальными единицами разного порядка»[140].

На самом деле, выделение территориального сообщества по границам административно-территориального деления имеет определенные методологические недостатки. Самое уязвимое в этом подходе — подчинение исследования типологии, которая изначально была ориентирована на другие цели и не связана с логикой электорально-регионалистического исследования.

Вместе с тем, таксономию территориальных сообществ электората в зависимости от административно-территориального деления преодолеть сложно. У этого подхода есть и свои плюсы.

Во-первых, административно-территориальное деление является «официальным» и общедоступным для всех исследователей; своего рода «универсальной таксономией». При отсутствии такого деления легко предположить те сложности, которые будут созданы из-за обилия различных и малосопоставимых подходов к таксономии электоральных общностей. Вообще возможность сравнения и взаимовлияния электорально-регионалистических исследований в данном случае будут поставлена под угрозу.

Во-вторых, сама процедура проведения голосования привязывает рассмотрение электоральных предпочтений по избирательным комиссиям, которые организуются в соответствие с административно-территориальным делением территории. Таким образом, собственно эмпирический материал изучения электоральных предпочтений населения неразрывно связан с административно-территориальной структурой.

По нашему мнению, достаточно проблематично и методологически небезопасно отрывать исследования в электоральной регионалистике от административно-территориального деления. Тем не менее, использовать его в качестве основы для таксономии электоральных общностей необходимо осторожно. Существует потенциальная опасность, что единицы административно-территориального деления могут заслонить собой реально существующие однородные группы электората.

Типология территориальных единиц электорального поведения

Крупномасштабные единицы выделить корректно практически невозможно. Например, пресловутая модель деления электорального поведения «Север-Юг» не будет адекватной, поскольку каждая из этих двух единиц отличается чрезвычайной неоднородностью. По большому счету, проблематично выделить единицы однотипного электорального поведения межрегионального масштаба, поскольку в любом субъекте федерации существует глубочайший раскол по линии «город-село».

Традиционно в политологических исследованиях «главной ячейкой российского электорального ландшафта является регион. И не потому только, что это наиболее распространенная единица статистической отчетности. Дело тут еще в его административно-управленческой целостности, четких границах, проявляющихся во всех сферах жизнедеятельности общества, единых элите и, что не менее важно, избирательной комиссии»[141].

Отказываясь от традиционной привязки к административному районированию электорального пространства, В.А. Колосов предлагает ис-

пользовать более самостоятельную таксономическую единицу — политико-географический район. По В.А. Колосову, политико-географический район — это сложная пространственная социально-экономическая система, характеризующаяся устойчивым сочетанием политических сил и обуславливающим его комплексом признаков; эта система сходным образом реагирует на изменения политической обстановки в масштабе всей страны, причем ведущим территориальным элементом политико-географического района, как правило, является крупный город или агломерация[142]. По нашим исследованиям, определению политико-географического района могут соответствовать и мелкие территориальные единицы — сельские или городские районы, малые города. Ярко выраженным примером политико-географического района можно представить малый город Знаменск Астраханской области. Так же признакам политико-географического района соответствуют и совокупности разобщенных территорий, но близкие по социально-экономическим условиям (например, малые города Ростовской области).

Понятию политико-географического района лучше предпочесть понятие «зоны электорального поведения» — территория (компактная или некомпактная), характеризующаяся устойчивым сочетанием политических сил и обуславливающим его комплексом признаков.

К этой идее пришли многие исследователи. Например, выделяются по устойчивости электорального поведения группы городов, схожесть электоральных предпочтений в таких группах очень высокая, но эти группы, конечно, не являются компактными.

В сравнительном исследовании территориальных различий электоральных ориентаций населения целесообразно использовать несколько уровней таксономии общностей. Особое внимание можно обратить на то, что приоритетным значением должен обладать микроуровень.

В основе типологий территорий лежат объективные различия природного, экономического и социального характера, существующие между отдельными регионами.

Наиболее общая типология территорий России по особенностям электоральных ориентаций — это деление на Север и Юг.

Противопоставление регионов России по линии «Север-Юг» — один из важнейших электорально-географических расколов в современной России, зафиксированный еще в 1989 г.[143] Н. Петров и А. Титков дополняют дихотомию третьим поясом — промежуточным. Но все регионы ЮФО и в этой типологии относятся к южному поясу. Во второй половине 1990-х гг. было справедливо утверждение, что «Аграрный Юг России традиционно считается политически «красным»[144].

А.Г. Манаков и И.В. Капкина подчеркивали, что «в России в настоящее время можно выделить две основные субкультуры: северорусскую и южнорусскую. Их выделение будет основываться на разли-

чиях в природных условиях жизни, в этнографическом и лингвистическом плане и так далее. Анализируя электоральные карты, можно найти подтверждение данной географической закономерности: «демократический реформаторский Север — консервативный антиреформаторский Юг».

Р.Ф. Туровский выступил против предположении о значительной роли различий политической культуры севера и юга: «весь «секрет» доминирования реформаторского голосования на севере и востоке страны и традиционалистского голосования на юге и западе заключается в том, что в определенных районах урбанизация выше и население моложе, а не в существовании неких «северных» и «южных» политических культур»[145].

Относительно типологии субъектов федерации по особенностям электоральных ориентаций существуют различные подходы.

Н. Петров и А. Титков отмечали существование пяти основных групп регионов:

1) твердые реформаторские, где в 1995 г. при голосовании по спискам доминировали правые и центристы, а в 1996 г. уверенно победил Б. Ельцин;

2) умеренно реформаторские, где в 1995 г. между правыми с центристами и левыми с националистами был примерный паритет, а на президентских выборах уверенно победил Б. Ельцин;

3) консервативные, где в 1995 г. большинство было у левых и националистов, а в 1996 г. уверенно победил Г. Зюганов;

4) с неустойчивыми предпочтениями, где в 1995 г. уверенно победили левые, а в 1996 г. — Б. Ельцин или оба кандидата получили менее 50% голосов;

5) с управляемым электоратом, где в 1995 г. могли победить и правые, и левые, в 1996 г. — Б. Ельцин или было примерное равенство, но при этом в первом туре доля кандидатов третьей силы была минимальна; в этой же группе отмечено повышение участия в голосовании при переходе в 1996 г. от первого ко второму туру[146].

В 2003 г. Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» было проведено социологическое исследование «Межрегиональный электоральный мониторинг. Территориальная дифференциация партийных предпочтений россиян». Представлял исследование социолог Роман Могилевский. Регионы делились на группы:

1) Архангельск, Великий Новгород, Ярославль, Ростов-на-Дону, Надым и другие. Для них характерны средние значения симпатий и антипатий практически ко всем партиям сочетаются с более выраженной поддержкой партии власти;

2) Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Пермь представляет «столичную» модель голосования с высоким уровнем поддержки СПС и «Яблока» и низким уровнем симпатий к коммунистам,

3) Калининград, Тула, Самара характеризуется высокой поддержкой КПРФ и ЛДПР;

4) Саратов, Краснодар, Воронеж отличается неприятием «правых» партий и ЛДПР, относительно хорошим отношением к КПРФ, но в целом пониженными симпатиями ко всем партиям,

5) Нижний Новгород и Новосибирск — характеризуются неоднозначностью в фиксации электоральных ориентаций населения.

В электоральных исследованиях распространено скептическое отношение к попыткам представить регионы в качестве самостоятельных и целостных «носителей» специфики электоральных ориентаций. Большинство авторов заявляет о «вторичности» региональных и зональных различий. По Н. Петрову, «горизонтальная, географическая вариация на уровне регионов оказывается лишь проявлением более фундаментальной и всеобъемлющей вертикальной, иерархической вариации по основанию «город—село». Каждый регион характеризуется своим соотношением сельского и городского населения (а внутри городского — еще и крупногородского), что, в конечном счете, и определяет значительную часть вариации политических предпочтений»[147].

Типология территорий по особенностям электоральных ориентаций населения может быть соотнесена с типологий территорий по социально-экономическим характеристикам. Типологии по характеристикам — это наиболее распространенный тип экономико-географических типологий. Любая пространственная система, в том числе и любой район или регион, может быть определенным образом качественно охарактеризована и отнесена к какому-либо типу. Наибольшее число типологических характеристик пространственных систем опирается на хозяйственную специализацию этих систем. Распространены и комплексные типологии по хозяйственным характеристикам, построенные на сочетании отраслей и подотраслей хозяйства.

Типологии по уровню хозяйственного освоения. Наиболее широко распространено выделение двух типов районов и регионов: старого и нового освоения, с дополнительными подтипами, а также другие типологии выделения пионерных, реконструктивных и высокоинтенсивных типов хозяйственного освоения.

Типологии по динамике развития. При анализе развития динамики систем, в их числе регионов и районов, особое внимание привлекают два аспекта: скорости развития и стадии развития. Скорости развития, как правило, представляют собой количественное выражение процессов развития. Отсюда широкое распространение классификаций районов и регионов по скоростям развития: «быстро развивающийся», «отсталый».

Типологии по экономико-географическому положению. Возможно выделение в каждой центров и районов периферийных и полупериферийных.

Таксономия территорий Юга России
по различиям электоральных ориентаций

В основании типологизации территориальных общностей Юга России по электоральному поведению лежит представление о сложном взаимодействии групп объективных и субъективных факторов.

Неоправданно простое сведение особенностей электоральных ориентаций населения к нескольким, тем более — какому–либо одному универсальному детерминирующему фактору. Таким универсальным детерминирующим фактором не может быть ни доля городских жителей в структуре населения, ни «этнический фактор», ни какие-либо еще. Более того — по нашему мнению, рассмотренный эмпирический материал позволяет так же утверждать, что нельзя полностью сводить специфику электоральных ориентаций к совокупности только объективных факторов. Субъективные факторы могут приобрести относительно устойчивый характер и влиять на формирование электоральных ориентаций данной общности избирателей.

Попытки вывести объяснение электоральных ориентаций из действия немногих факторов можно охарактеризовать как проявление редукционизма.

Районирование территориальных групп по электоральному поведению на современном этапе возможно не только в статике, но и в динамике. В 1990-е гг. в основании территориальных различий электоральных ориентаций лежали факты об устойчивых отличиях электорального поведения. На современном этапе, опираясь на сравнительное ретроспективное изучение многих избирательных кампаний, можно говорить, что территориальные различия в не меньшей степени заключаются в специфичном характере изменчивости электоральных ориентаций территориальных общностей.

Динамическое районирование территориальных общностей исходит из территориальных особенностей *не электоральных ориентаций*, а *изменчивости* электоральных ориентаций.

Самая простая модель динамического районирования предусматривает расположение территориальных общностей по шкале «более устойчивые — менее устойчивые».

При этом проблематичной остается верификация и точное количественное измерение степени изменчивости. Как было рассмотрено выше, индекс электоральной подвижности не позволяет классифицировать территории по специфическим группам.

Рассматривая ниже особенности электоральной поддержки основных политических сил, мы намечали контуры районирования территорий по электоральным ориентациям. Данное районирование было относительно единичных политических сил.

Одним из интригующих моментов изучения электоральных ориентаций является то, что районирование территорий по отношению к отдель-

ным политическим силам оказывается взаимосвязанным или даже совпадающим.

Данное наблюдение подчеркивает, что в основании территориальных различий электоральных ориентаций находятся устойчивые особенности политической культуры, которые в электоральном поведении проявляются в комплексном отношении ко всем основным политическим силам.

В проявлении на голосовании данные особенности политической культуры складываются в «электоральный портрет» территориальной общности.

Наиболее очевидно деление электорального поведения населения Юга России по двум группам субъектов федерации — национальных республик и условно называемых «русских» регионов. Специфическое электоральное поведение в республиках Северного Кавказа достаточно давно получило наименование «Северокавказской электоральной аномалии».

Тем не менее, яркое различие в отношении ко всем ведущим политическим силам по группам республик Северного Кавказа существует. В связи с этим в своем электоральном районировании России Н. Петров и А. Титков отнесли часть кавказских республик к одной группе субъектов федерации, что и «русские» регионы».

Н. Петров и А. Титков по отношению к Южному федеральному округу выделили два больших электоральных района — Юг («русские» регионы, республики Адыгея, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия) и Северный Кавказ (республики Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария).

Данные две группы не расположены компактно — Северная Осетия географически отделена от других территорий своего электорального макрорегиона.

Предложенная Н. Петровым и А. Титковым таксономия электоральных регионов опирается на эмпирический материал, имеющийся после электорального цикла 2003–2004 гг. И на тот момент отнесение, скажем Адыгеи, Карачаево-Черкесии к одной группе с «русскими» регионами вызывало сомнения. После электорального цикла 2007–2008 гг. предложенная таксономия тем более вызывает возражения.

В таксономии территориальных общностей вероятно выделение групп территориальных общностей, которые могут располагаться не компактно. Не обладая общностью и компактностью географического положения, они могут относиться к одному типу электорального поведения.

В Астраханской области основной раскол электорального поведения проходит между городскими и сельскими районами.

Городские районы Астраханской области делятся на следующие зоны электорального поведения:

1) Левобережная Астрахань (Кировский, Советский, Ленинский районы). Первая по благоприятности зона для либералов. Вторая неблагоприятная зона для коммунистов (после Знаменска).

2) Знаменск. Первая по благоприятности зона для державно-патриотических сил. Вторая по благоприятности зона для либералов (после Левобережной Астрахани). Первая неблагоприятная зона для коммунистов.

3) Трусовский район. Третья по благоприятности зона для либералов (после Левобережной Астрахани и Знаменска). Третья неблагоприятная зона для коммунистов (после Левобережной Астрахани и Знаменска).

Сельские районы Астраханской области делятся на следующие зоны электорального поведения:

1) Ахтубинский район. Первая благоприятная зона для коммунистов. Четвертая благоприятная зона для либералов (после Знаменска и двух зон Астрахани). Первая неблагоприятная зона для В.В. Путина и партии власти.

2) Икрянинский район. Первая неблагоприятная зона для левых среди всех сельских районов. Первая благоприятная зона для власти среди всех сельских районов.

3) Первая группа районов с большой долей нерусского населения (Володарский, Красноярский, Наримановский, Приволжский районы). Первая неблагоприятная зона для державно патриотических сил. Очень благоприятная зона для коммунистов, неблагоприятная для либералов.

4) Вторая группа районов с большой долей нерусского населения (Енотаевский, Камызякский, Харабалинский районы). Среднестатистические показатели электоральных предпочтений для сельских районов.

5) Лиманский и Черноярский районы. Вторая по благоприятности зона для державно-патриотических сил (после Знаменска). Специфичное поведение левого электората (готовность поддержать левые силы, не относящиеся к КПРФ).

По итогам федеральных избирательных кампаний 1990-х гг. исследовательской группой «Общество» (Ю. Абрамов) была представлена следующая схема районирования Ростовской области:

1) реформаторский Ростов-на-Дону, где наблюдалась на парламентских выборах 1993 и 1995 высокая поддержка «Яблока» и ДВР, а на президентских выборах во втором туре более 60% получил Б. Ельцин; по типу электорального поведения к Ростову-на-Дону примыкает Таганрог, в котором, тем не менее, более высокая, чем в областном центре, поддержка КПРФ;

2) сельские северные и юго-восточные районы (Шолоховский, Верхнедонской, Дубовский, Сальский и т.д.), с преобладающим голосованием за КПРФ и Г. Зюганова;

3) Восточный Донбасс (Новошахтинск, Донецк, Каменск-Шахтинский, Миллерово и т.д.), для которого характерен протестный тип голосования: наряду со средней по области поддержкой КПРФ (25–30%) наблюдается более высокий, чем в целом по региону, уровень голосования за КРО и ЛДПР на парламентских выборах; к этому же типу голосования примыкает Волгодонск;

4) срединная часть области вдоль южного Дона (Новочеркасск, Шахты и т.д.), где преобладают националистические настроения, выражающиеся в более высокой, чем в целом по области, поддержке КРО на парламентских выборах, А. Лебедя на президентских в первом туре и Б. Ельцина во втором, при относительно низкой поддержке КПРФ (20–25%)[148].

Среди всех субъектов федерации ЮФО самый явный внутрирегиональный раскол существует в Краснодарском крае.

В Краснодарском крае Е.В. Морозова в 1998 г. определила наличие трех основных электоральных зон (протестная, маргинальная, лояльная зоны), границы которых совпадают с границами трех последовательно освоенных зон Кубани (степной, Закубанья и Черноморья)[149]. В степной зоне, изначально заселенной черноморскими и донскими казаками, особого успеха добивалась левая оппозиция. Черноморское побережье, напротив, демонстрировало высокий уровень голосования за Б. Ельцина. Закубанье было отнесено к маргинальным зонам, так как разрыв в уровне поддержки кандидатов был невелик.

Зону специфического электорального поведения избирателей черноморского побережья Краснодарского края А.В. Баранов определяет как «Черноморскую политическую аномалию»[150]. По его мнению, базовый социокультурный водораздел Краснодарского края проходит между бывшей Кубанской казачьей областью и Черноморской губернией по природной границе — Кавказскому хребту. Внутренние расколы обеих микрорегиональных общностей относительно слабы.

2. Факторы территориальных различий электоральных ориентаций на Юге России

Электоральные ориентации населения формируются под воздействием множества факторов.

Поскольку такие факторы разнородны и их невозможно свести к единому детерминирующему основанию, в электоральных исследованиях практически отсутствует идея линейного детерминизма электоральных ориентаций. У. Сересова отмечает, что зарубежная политическая наука — преимущественно европейская и американская — демонстрирует примеры отказа от самой идеи детерминизма политических ориентаций и предлагает просто группу факторов, которые могут обуславливать исход выборов при определенных условиях[151].

Факторы электорального поведения подразделяются на 2 большие группы: «объективные», имеющие долговременный характер действия, и «субъективные». К первым относятся социально-экономические и культурно-исторические различия территорий. Вторая группа имеет более неоднородный характер и «простирается» от иррациональных мотивов политического выбора до институционального дизайна и эффекта избирательной кампании[152].

В.А. Колосов выделил 4 группы факторов, влияющих на результаты выборов: порайонные социально-экономические различия, историко-политические традиции (политическая культура), показатели, описывающие территориально-организационную структуру массовых политических и формально неполитических организаций, и показатели, касающиеся региональных особенностей активности политических организаций в данный период, популярности и авторитетности местных лидеров, политической обстановки в районе[153].

В конце 1990-х гг. Р.Ф. Туровский предложил следующую типологию факторов электоральных ориентаций:

1) Фактор социально-экономических условий. Наблюдается отдача большего числа голосов за оппозицию в регионах и городах с тяжелыми социально-экономическими условиями. Хотя эта закономерность прослеживается далеко не всегда.

2) «Отраслевое голосование». Партии обращаются к избирателям различных профессиональных групп и находят их поддержку.

3) Национальный фактор. В национальных республиках значительную роль играют местные власти, которые чаще всего контролируют местные СМИ и таким образом влияют на население, в первую очередь титульное, отличающееся довольно значительной подконтрольностью.

4) Фактор возрастной структуры населения. Результаты голосования тесно связаны с возрастным составом населения и, соответственно, долей различных возрастов.

5) Местные условия. Существуют какие-то местные условия, которые накладываются на общую картину голосования и не зависят от других факторов. Это происходит в силу какой-то исторической данности[154].

По мнению А.В. Баранова, «системообразующие факторы электорального поведения таковы: географический (территориально целостное и своеобразное пространство); исторический; экономический; социальный; ментальный (социокультурный); международный; политическое позиционирование сообщества. В их системе может выходить на первый план любой из факторов, что зависит от специфики менталитета жителей территории»[155].

По замечанию Н. Петрова и А. Титкова, «зональные и азональные факторы пересекаются, влияют друг на друга. Пример: в «красном поясе» городские центры тоже выделяются из консервативного сельского окружения, но показывают только умеренно-реформаторские или неустойчивые предпочтения (Краснодар, Волгоград…)»[156]. При этом данные авторы отдают приоритет зональному фактору «Север-Юг».

А.А. Галкин отталкивается от следующей типологии факторов: «социологические (обусловленные набором социальных и демографических характеристик: социальным и профессиональным статусом, образовательным уровнем, местом проживания, возрастом, полом и т.д.), ситуационные (отражающие реакции на конкретную обстановку, в которой оказалось общество, и которая, в свою очередь, неразрывно связана с предварительно сложившимися политическими ориентациями как самого индивида, так и наиболее авторитетных для него референтных групп), манипулятивные (представляющие собой следствие обработки индивида и его непосредственного окружения с помощью современных избирательных технологий) и индивидуально-психологические (являющиеся производными от устойчиво-характерологических черт индивидуальной психики)»[157].

Е.Ю. Мелешкина определяет следующие факторы: 1) жизненные позиции; 2) социально-статусные установки, или диспозиции; 3) идеологические предпочтения; 4) субъективные мнения и суждения[158].

Под воздействием многих факторов возникает множество разнородных установок, которые в своей совокупности сказываются на электоральном выборе. Под установками Е.Ю. Мелешкина понимает факторы восприятия действительности и самооценки, мышления и деятельности граждан, характеризующие их взаимоотношения с институтами политической системы и политическими лидерами, а также отражающие субъективную готовность людей к принятию тех или иных жизненных ориентиров, целей, ценностей, норм и стереотипов поведения, языковых и мыслительных формул, лозунгов и др. Все эти факторы в своей совокуп-

ности создают основания для того, чтобы в момент голосования избиратель принял то или иное решение.

Установки, которые воздействуют на поведение гражданина, мотивируют его электоральные предпочтения, разнородны и, что особенно важно, различны по масштабам и уровням.

Основной уровень установок представляют жизненные позиции людей, отражающие общее отношение человека к миру, в котором он живет. Это может быть жизненная позиция оптимиста или пессимиста, прогрессиста или консерватора. В ее основе может лежать иная шкала отношений к фундаментальным вопросам о природе человека и человеческого общежития.

Второй уровень установок связан с формированием социальностатусных диспозиций. Они отражают комплекс установок, формируемый у человека под влиянием социального статуса и его субъективного восприятия.

Третий уровень составляют идеологические предпочтения, представляющие собой попытки рационального обоснования социально-статусных диспозиций. Они существуют в виде более или менее целостной системы ценностей, в которых отражается сущность общественных проблем и способов их решения. Помимо социально-статусных установок, они определяются также условиями политической социализации личности, типом политической культуры.

Четвертый уровень образуют субъективные мнения и суждения, возникающие под влиянием краткосрочных факторов, в первую очередь как эмоциональная реакция на них. Взаимодействия перечисленных выше уровней создают череду все новых и новых установок.

Предложенная Е.Ю. Мелешкиной модель предполагает, что «поярусное» накопление установок в каждом конкретном случае образует некую своеобычную конфигурацию побудительных причин голосования. При этом исход определяют не изолированные корреляции между той или иной установкой и голосованием, а сложные комплексы побудительных мотивов и причин, которые могут быть весьма неоднородными и противоречивыми. Само наличие подобных комплексов может отчасти объяснять «парадоксальность» и неустойчивость голосования россиян.

Таким образом, Е.Ю. Мелешкина поднимает важный теоретический вопрос «опосредованного» влияния факторов на электоральное поведение через систему «установок».

Можно обратить внимание на замечание Ю.М. Баскаковой относительно факторов территориальных различий электоральных предпочтений: «влияние социально-экономических факторов в регионах является вторичным, уступая устойчивым предпочтениям, отражаемым результатами предыдущих голосований».[159] По нашему мнению, собственно «устойчивые электоральные предпочтения» не могут быть фактором для «прогнозируемых результатов» (то есть для собственной устойчивости).

Тем не менее, замечание Ю.М. Баскаковой интересно, поскольку подчеркивает, насколько среди современных исследователей присутствует неудовлетворенность имеющимся набором детерминант для объяснения устойчивости территориальных различий электоральных предпочтений.

2.1. Объективные факторы электоральных предпочтений

Урбанистический фактор (раскол «город- село»)

Урбанистический фактор рассматривался, российскими политологами в качестве ведущего фактора, влияющего на электоральное поведение населения, с 1989 г. (первых «демократических выборов в новейшей истории). Именно показатель соотношения числа горожан и сельских жителей берет Г. Голосов в качестве центрального понятия социологического подхода с первых исследований электоральных ориентаций населения в 1989 г. Данной точки зрения придерживается большинство исследователей.

В большинстве западных стран этот «раскол» (разница между избирательскими предпочтениями городского и сельского населения) отошел на второй план как фактор электорального поведения[160].

Фактор «город-село» Н. Петров и А. Титков называют «вертикальной, иерархической дифференциацией электорального пространства. В самом общем виде она выражается формулой «более демократический, реформаторский город — более консервативное, конформистское село»[161]. По мнению А.М. Лаврова, наибольшее влияние на политическую ориентацию электората оказывают его «поселенческая» структура (в общем виде отражаемая долей городского населения) и связанная с ней структура занятости Чем выше доля городского населения, занятость в непроизводственной сфере и в промышленности, удельный вес лиц с высшим образованием, тем прочнее электоральная база центристских и демократических сил[162].

О значении раскола город-село в электоральном поведении населения Юга России А.В. Баранов высказался: «Партии имеют преимущественно «городскую» социальную базу. Сельские жители голосуют чаще всего в соответствии с волей местных и региональных властей, то есть проявляют качественно иной, чем жители крупных городов, набор стереотипов своих предпочтений»[163].

Данный фактор имеет настолько большое значение в России, что вытесняет на задний план собственно межрегиональные различия электоральных ориентаций населения. В результате воздействия этого фактора

на первый план выходят различия внутрирегиональные. Н. Петров анализируя данные результатов еще парламентских выборов 1995 г., отчетливо показал, что региональные вариации электорального поведения вторичны по отношению к более фундаментальному и универсальному различию, связанному с расколом по линии «город — село»[164].

При этом даже межрегиональные различия электорального поведения зачастую связываются экспертами с различиями в величине доли городского населения в разных регионах. Н. Петров и А. Титков проводят связь между урбанистическим фактором и типологией регионов: «Самым «городским» является «реформаторский» тип, в котором средняя не взвешенная доля горожан составляет четыре пятых (учитывая, что в этой группе находятся Москва и С.-Петербург, где проживает каждый десятый российский избиратель, реальная доля горожан здесь существенно выше), самым «сельским» — «управляемый», где горожан меньше половины. В остальных типах доля горожан колеблется от трех четвертей до трех пятых[165].

По исследованиям А. Титкова, фактор «город-село» с конца 1990-х гг. ослабевает: «постепенное сокращение в результатах голосования внутрирегиональных различий за счет увеличения различий межрегиональных»[166].

При изучении урбанистического фактора значение имеет так же и размер города. Е.В. Лузина выделяет фактор «людности» города: чем крупнее город, тем большая доля избирателей отдает предпочтение либеральной партии и меньшая партии «левого» толка (КПРФ): «Людность — один из важнейших показателей при изучении политических предпочтений. Этот показатель дает самую большую корреляцию (по сравнению с другими изучаемыми показателями) с политической ориентацией населения. Интересно посмотреть различия в результатах голосований в городах различной людности, так как таких работ практически не было. В основном всё сводилось к региональным различиям» [167].

Е.В. Лузина предлагает использовать классификацию Г.М. Лаппо. Было выделено пять типов городов с различной людностью: 1 — малые города с численностью населения менее 50 тыс. человек, 2 — средние города с численностью 50–100 тыс. человек, 3 — большие города 100–500 тыс. человек, 4 — крупные города 500 тыс. — 1 млн. человек, 5 — города-миллионеры.

Поддержка либералов в этих пяти группах идет по возрастающей, ЛДПР — по убывающей. Так, например, по мере увеличения численности населения в городе, всё большая часть избирателей отдает предпочтение партии «Яблоко». По мнению Е.В. Лузиной, это можно объяснить тем, что в очень крупных городах уровень жизни в целом выше, чем в других, и их жители отличаются большей либеральностью взглядов.

По отношению к КПРФ видно только явное отличие результатов голосования в городах-миллионерах от всех остальных.

Помимо размера, на результаты голосований влияет административный статус города. В целом по России выявилась следующая закономерность: в центрах субъектов федерации либеральные программы получают большую поддержку, нежели в прочих городах. В то время как в периферийных городах избиратели отдают предпочтение КПРФ. Вероятно, в данном случае проявляется фактор «центр-периферия». Сама Е.В. Лузина и использует эту терминологию.

Фактор людности дополняется ею отдельным фактором — фактором столичности: «Фактор столичности не менее важен, чем фактор людности. Крупные центры влияют на электорат ближних малых и средних городов. В то время как на жителей периферийных городов влияют политические предпочтения жителей окружающих сел. Получается разные типы голосований на оси центр-периферия». К столичному типу городов исследовательница отнесла центры субъектов федерации, отделив их от остальных городов. В городах столичного типа более высока поддержка «Яблока», в городах второго типа — КПРФ, ЛДПР.

Е.В. Лузина проанализировала различия результатов голосований в монопрофильных городах с одинаковой специализацией. По большинству из выбранных отраслей зависимости результатов от специализации обнаружено не было.

В исследовании Е.В. Лузиной проведен анализ особенности электоральных ориентаций городов-курортов Юга России. Подсчеты Е.В. Лузиной показали, что разброс политических предпочтений в городах-курортах невелик. Дисперсия составляет всего 6,87. Но в данном случае трудно говорить о действительном наличии зависимости между результатами голосований и специализацией города, т.к. выборка была мала (всего 6 городов, 4 из которых расположены в одном регионе — Ставропольском крае). В данном случае маленькая дисперсия могла быть получена за счет того, что 4 города (Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск) из 6 находятся в примерно одинаковых условиях, и политические предпочтения избирателей в них очень близки. Действительно дисперсия результатов в этих городах составила 0,6. Здесь нельзя с точностью сказать, от чего зависит такая маленькая дисперсия: от специализации или же от каких-то местных факторов. Таким образом, практически отсутствие различий в голосовании (в частности за КПРФ) в этих городах и сглаживает суммарный показатель по всем городам-курортам.

Урбанистический фактор проявляет свое первенствующее значение в том, что сказывается на уровне электоральной поддержки всех заметных политических сил.

Для партии «Единая Россия» значение урбанистического фактора в качестве условия электоральной поддержки существенно возросло за последние годы.

На выборах 1999 г. для движения «Единство» в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК практически совпадал с уровнем в сельских ТИК (соответственно 33,2% и 32,4%). В Ростовской области уже в 1999 г. в сельских районах поддержка «Единства» была в 1,5 раза выше, чем в городских (соответственно 39,3% и 25,4%). Так же в Волгоградской области средний уровень поддержки по сельским районам был выше чем в городских — в 1,1 раза (30,7% и 28,6%).

На выборах 2003 г. для партии «Единая Россия» в Астраханской области средний уровень поддержки в сельских ТИК был в 1,1 раза выше, чем в городских ТИК (соответственно 34,5% и 31%). В Ростовской области отношение сохранилось тем же, что было и в 1999 г. — в сельских ТИК в 1,5 раза выше (соответственно 48,1% и 32,8%). В Волгоградской же области уровень поддержки партии власти в сельских и городских районах почти сравнялся (29,4% и 28,8%).

На выборах 2007 г. для партии «Единая Россия» в Астраханской области средний уровень поддержки в сельских ТИК был в 1,2 раза выше, чем в городских ТИК (соответственно 64,4% и 53%). В Ростовской области это отношение было таким же — 1,2 раза, что было тенденцией к выравниванию между городскими и сельскими ТИК по сравнению с выборами 1999 и 2003 гг.). В Волгоградской области отношение было чуть меньшим — 1,1 раза (61,2% в сельских ТИК, 55,2% в городских ТИК).

Таким образом, различие между городскими и сельскими избирателями по отношению к партии «Единая Россия» возросло.

Таблица 3. *Уровень поддержки партии власти (1999 г. — «Единство», 2003 и 2007 г. — «Единая Россия») в городских и сельских районах*

	1999			**2003**			**2007**		
	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**
Астраханская	33,2%	32,4%	**1:1**	31,0%	34,6%	**1:1,1**	53,0%	64,4%	**1:1,2**
Волгоградская	28,6%	30,7%	**1:1,1**	28,8%	29,4%	**1:1**	55,2%	61,2%	**1:1,1**
Ростовская	25,4%	39,3%	**1:1,6**	32,8%	48,1%	**1:1,5**	63,0%	76,9%	**1:2**

Городские территории в 1990-е гг. уступали сельским по уровню поддержки ЛДПР. Рейтинг ЛДПР среди городского населения в 1990-е гг. подчас был в два раза меньше, чем в сельских районах. Такова была си-

туация, например, в Ростовской области. Здесь на выборах в парламент в 1995 г. в двух округах областного центра — Ростовском и Пролетарском — результат ЛДПР составлял около 6%, а в остальных округах — не менее 11,5%. В Волгоградской области самый низкий уровень поддержки ЛДПР из четырех избирательных округов на всех выборах был в самом урбанизированном — Центральном. В последние годы разница в рейтинге ЛДПР в городских районах и сельских постепенно сглаживается и не столь велика, как раньше. Это проявляется в Ростовской, Волгоградской и Астраханской областях. В Астраханской области в 1990-е гг. областной центр был самым неудобным для ЛДПР. Последние выборы обнаружили, что мнение горожан о партии Жириновского меняется в лучшую сторону.

На выборах 1995 г. для ЛДПР в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК практически совпадал с уровнем в сельских ТИК (соответственно 17% и 16,2%). В Ростовской области средний уровень поддержки партии в городских ТИК был в 0,7 раза ниже, чем в сельских ТИК (соответственно 8,9% и 12,4%). Такое же соотношение было и в Волгоградской области — 0,7 раза (соответственно 12,9% и 18,1%).

На выборах 1999 г. для «Блока Жириновского» в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 1,3 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 7,9% и 6,1%). В Ростовской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 0,7 раза ниже, чем в сельских ТИК (соответственно 4,1% и 6,2%). Так же и в Волгоградской области сохранилось то же отношение — 0,7 раза (соответственно 5,4% и 7,3%).

На выборах 2003 г. для ЛДПР в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 1,3 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 15,4% и 12,3%). В Ростовской области на этих выборах произошло выравнивание среднего уровня поддержки партии Жириновского в сельских и городских районах. В Волгоградской области тоже была тенденция к выравниванию — отношение среднего уровня ЛДПР в городских и сельских районах составило 0,8 раза (соответственно 13,7% и 16,3%).

На выборах 2007 г. для ЛДПР в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 1,4 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 8,5% и 6%). В Ростовской области средний уровень поддержки ЛДПР в городских ТИК впервые за все выборы превысил средний уровень по сельским ТИК, это отношение составило 1,3 раза (соответственно 6,1% и 4,7%). Так же и в Волгоградской области впервые средний уровень поддержки ЛДПР по городским районам стал выше, чем средний уровень по сельским, отношение оставило 1,1 раза (соответственно 9,4% и 8,3%).

В 1990-е гг. сельские избиратели обеспечивали ЛДПР более высокий уровень поддержки, чем городские. В избирательном цикле 2007–2008 гг.

ситуация изменилась на противоположную — теперь можно констатировать более высокий уровень поддержки ЛДПР городскими избирателями.

Таблица 4. *Уровень поддержки ЛДПР в городских и сельских районах*

	1995			1999			2003			2007		
	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**
Астраханская	17,7%	16,7%	**1,1:1**	7,9%	6,1%	**1:0,8**	15,4%	12,3%	**1:0,8**	8,5%	6,0%	**1:0,7**
Волгоградская	12,9%	18,1%	**1:1,4**	5,4%	7,3%	**1:1,4**	13,7%	16,3%	**1:1,2**	9,4%	8,3%	**1:0,9**
Ростовская	8,9%	12,4%	**1:1,4**	4,1%	6,2%	**1:1,5**	11,4%	11,4%	**1:1**	6,0%	4,7%	**1:0,8**

Значение фактора урбанизации дл либеральных партий можно рассмотреть на примере «Яблока».

На выборах 1995 г. для «Яблока» в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 3,3 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 5,9% и 1,8%). В Ростовской области это отношение было 2,2 раза (соответственно 17,8% и 8,2%). В Волгоградской области это отношение было 3 раза (8,5% и 2,8%).

На выборах 1999 г. для «Яблока» в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 2,5 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 6,1% и 2,5%). В Ростовской области по сравнению с предыдущими выборами разница в уровне поддержки «Яблока» между городскими и сельскими ТИК возросла, достигла отношения 4,1 раза (соответственно 10,1% и 2,5%). В Волгоградской области отношение уровня поддержки «Яблока» в городских и сельских ТИК осталось таким же, как и на предыдущих выборах — 3 раза (4,9% и 1,7%).

На выборах 2003 г. для «Яблока» в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 2,3 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 3,4% и 1,5%). В Ростовской области разница в уровне поддержки «Яблока» между городскими и сельскими ТИК возросла, достигла отношения 4,4 раза (соответственно 5,5% и 1,3%). В Волгоградской области отношение уровня поддержки «Яблока» в городских и сельских ТИК осталось вновь сохранилось прежним — 3 раза (4,3% и 1,4%).

На выборах 2007 г. для «Яблока» в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 2,6 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 1% и 0,4%). В Ростовской области средний уровень

поддержки в городских ТИК стал в 4,7 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 1,7% и 0,4%). Так же и в Волгоградской области существенно возросло долго сохранявшееся различие поддержки «Яблока» в городских и сельских районах — отношение достигло 3,6 раза (1,7% и 0,5%).

Таким образом, по сравнению с 1990-ми годами значение урбанистического фактора при поддержке либералов существенно не изменилось. Как и раньше, этот фактор именно для либеральных партий имеет наибольшее значение, выражен чрезвычайно ярко. Парламентская кампания 2007 г. привела к еще большему его выражению.

Таблица 5. *Уровень поддержки партии «Яблоко» в городских и сельских районах*

	1995			**1999**			**2003**			**2007**		
	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**
Астраханская	5,9%	2,0%	**3:1**	6,1%	2,5%	**2,4:1**	3,4%	1,5%	**2,3:1**	1,0%	0,4%	**2,5:1**
Волгоградская	8,5%	2,8%	**3,4**	4,9%	1,7%	**2,9:1**	4,3%	1,4%	**3,1:1**	1,7%	0,5%	**3,4:1**
Ростовская	17,8%	8,2%	**2,2:1**	10,1%	2,5%	**4:1**	5,5%	1,3%	**4,2:1**	1,7%	0,4%	**4,3:1**

На выборах 1995 г. для КПРФ в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 0,7 раза ниже, чем в сельских ТИК (соответственно 21,4% и 29,5%). В Ростовской области это отношение было таким же — 0,7 раза (соответственно 23,7% и 32,8%). В Волгоградской области разница была меньше, составляла 0,8 раза (26,8% и 32,4%).

На выборах 1999 г. для КПРФ в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 0,6 раза ниже, чем в сельских ТИК (соответственно 20,4% и 32,3%). В Ростовской же области эта разница сократилась по сравнению с предыдущей кампанией, отношение составило 0,9 раза (соответственно 27,8% и 30,1%). В Волгоградской области отношение уровня поддержки в городских и сельских районах сохранилось по сравнению с предыдущей кампаний и составило 0,8 раза (27,3% и 36%).

На выборах 2003 г. для КПРФ в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 0,7 раза ниже, чем в сельских ТИК (соответственно 13,5% и 18,8%). В Ростовской области уровень поддержки коммунистов в городских ТИК превысил уровень сельских ТИК, отношение составило 1,1 раза (соответственно 15,3% и 14%).

В Волгоградской области вновь отношение уровня поддержки компартии по городским и сельским районам сохранилось прежним — 0,8 раза (18,1% и 22,4%).

На выборах 2007 г. для КПРФ в Астраханской области средний уровень поддержки в городских ТИК был в 0,8 раза ниже, чем в сельских ТИК (соответственно 8,7% и 11,2%). В Ростовской области эти выборы ознаменовали дальнейшее увеличение уровня поддержки в городских ТИК по равнению с сельскими ТИК, отношение составило 1,4 раза (соответственно 12,2% и 8,6%). В Волгоградской области впервые уровень поддержки компартии в городских ТИК превысил средний уровень в сельских ТИК, отношение составило 1,1 раза (16,3% и 15,5%).

Значение урбанистического фактора в отношении к компартии претерпело наиболее интересную трансформацию. С конца 1980-х гг. сельские избиратели считались электоральной основой КПРФ. С конца 1990-х можно наблюдать рост коммунистических сторонников среди жителей городов. В 2000-е гг. разрушение идеологического электората наиболее активно происходило на селе. В итоге город не только сравнялся с селом по уровню поддержки КПРФ, но в парламентской кампании 2007 г. даже вышел вперед.

Астраханская область здесь не составляет исключения, не смотря на данные таблицы. В Астраханской области жители города — областного центра — оказались в сфере влияния левого политика О.В. Шеина и обеспечили особо высокую поддержку именно его партии (в 2007 г. — «Справедливая Россия»). По сути, это оппозиционный левый электорат, который оказался в Астрахани «похищенным» у коммунистов более талантливым и близким по идеологии политиком.

Таблица 6. *Уровень поддержки КПРФ в городских и сельских районах*

	1995			**1999**			**2003**			**2007**		
	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**	Городские ТИК	Сельские ТИК	**Отношение**
Астраханская	17,0%	32,0%	**1:1,9**	20,4%	32,3%	**1:1,6**	13,5%	18,8%	**1:1,4**	8,7%	11,2%	**1:1,3**
Волгоградская	26,8%	32,4%	**1:1,2**	27,3%	36,0%	**1:1,3**	18,1%	22,4%	**1:1,2**	16,3%	15,5%	**1,1:1**
Ростовская	23,7%	32,8%	**1:1,4**	27,8%	30,1%	**1:1,1**	15,3%	14,0%	**1,1:1**	12,2%	8,6%	**1,4:1**

Большое значение урбанистический фактор имеет для поддержки новых левых организаций, в том числе блока «Родина» в 2003 г. и партии

«Справедливая Россия». В 2003 г. избирательное объединение «Родина» получило ярко выраженную неравномерную поддержку в городских и сельских районах. Одним из вариантов объяснения этого феномена было то обстоятельство, что блок был создан непосредственно накануне выборов и городское население оказалось более восприимчивым к этой политической «инновации». Таким образом, в этом явлении можно было усмотреть и коммуникационный аспект.

Тем не менее, в 2007 г. на парламентских выборах мы могли наблюдать совершенно аналогичную картину неравенства поддержки партии «Справедливая Россия» (правопреемница партии «Родина») в городских и сельских районах. В отличие от ситуации 2003 г., теперь партия С.М. Миронова была создана и достаточно широко рекламировалась более длительный период времени перед выборами (более года), а в ряде регионов так же успела завить о себе в региональных избирательных кампаниях. Тем не менее, большая продолжительность информационного воздействия ничуть не уменьшила разницы в отношении городского и сельского населении к этой партии.

На выборах в 2003 г. уровень поддержки блока «Родина» по городским ТИК в Волгоградской области был в 1,9 раза больше, чем средний уровень в сельских ТИК (соответственно 11,9% и 6,2%), в Астраханской области — так же в 1,9 раза выше (соответственно 14% и 7,4%), в Ростовской области — в 2 раза выше, чем средний уровень в сельских ТИК (соответственно 11,2% и 5,7%).

На выборах 2007 г. для партии «Справедливая Россия» средний уровень поддержки в городских ТИК в Ростовской области был в 2,1 раза выше, чем в сельских ТИК (соответственно 8,9% и 4,3%), в Волгоградской области — в 1,9 раза выше (10,5% и 5,5%). В Астраханской области это отношение составило 1,8 раза (23,5% и 13,4%).

Таким образом, раскол электорального поведения по линии «город-село» по сравнению с 1990-ми годами сохранился, но, при этом, значительно изменил свое значение.

Трансформация политической системы, произошедшая в 2000-е гг., изменила роль субъектов политической борьбы и роль самого урбанистического фактора. С конца 1980-х гг. город считался электоральной основой либералов и центристов, село — электоральной основой левой и державно-патриотической оппозицией. В 2000-е гг. город остается электоральной основой либералов, остальное меняется. Город превращается в главную основу левой оппозиции (не только «новых левых», но и традиционных — КПРФ) и державно-патриотической оппозиции. Село становится главной электоральной основой центристской партии власти.

Хотя содержание урбанистического раскола меняется едва ли не на противоположное, сами «пропорции» этого раскола, которые можно измерить количественно, остаются по-прежнему масштабными.

Данный материал позволяет подчеркнуть растущую дифференциацию в российской обществе по линии «город-деревня», отражаемую в контексте электорального поведения.

Так же можно выдвинуть предположение относительно изменившейся структуры политических предпочтений городского населения. На протяжении многих десятилетий политической истории России именно город был носителем инноваций, определявших политическое развитие страны. Опора современной партии власти в большей степени на сельских избирателей противоречит этой тенденции.

Этнический фактор

Одним из факторов, оказывающих очевидное влияние на различие политических предпочтений избирателей, является фактор этнической принадлежности. В российском политическом процессе наиболее отчетливо прослеживается различие политического поведения и политических предпочтений славянского населения и представителей восточных народов — тюркских и кавказских.

В краях и областях ЮФО 84% жителей — русские, тогда как в республиках русских лишь 16% и их депопуляция продолжается (2002 г.).

По мнению некоторых исследователей «примерно 25 % политического поведения общества предопределяется этнической ментальностью»[168]. Объединенное общей ментальностью этническое большинство А.С. Диамбеков называет «типичным электоратом». По отношению к Северной Осетии он выделяет следующие его характерные черты: консерватизм, крепкие соседско-родственные связи, ориентация на национальные интересы, эмоциональность восприятия, высокая скорость распространения слухов[169].

Р.Ф. Туровский выделяет национальных фактор в числе пяти объективных основных факторов, определяющих политические предпочтения: «В национальных республиках значительную роль играют местные власти, которые чаще всего контролируют местные СМИ и таким образом влияют на население, в первую очередь титульное, отличающееся довольно значительной подконтрольностью»[170].

М.Н. Афанасьев связывает этнический фактор о особым типом электорального поведения: «В «национальных» республиках с относительно невысокой урбанизацией и лучше сохранившимся традиционным укладом можно наблюдать «патриархальный» тип электорального поведения. Наиболее четко выражен он, пожалуй, на Северном Кавказе и в Сибири»[171]. Сохранившееся уважение к руководителям, традиционная система связей и соподчинения обеспечивают весьма высокий мобилизационный потенциал правящей элиты. «Патриархальный» тип отличают высокая

явка на выборы и невычлененность собственно политических ориентации электората: избиратели выбирают своих патронов, а по политическим вопросам голосуют так, как советуют руководители.

Псковский исследователь электоральной географии А.Г. Манаков выделяет национальный фактор среди шести основных факторов, объясняющих территориальные различия политических предпочтений: «в многонациональных регионах этническая структура населения может выдвинуться на первое место среди факторов, определяющих политическое поведение населения; а, например, приток русских мигрантов из бывших союзных республик может сказаться на общем росте национал-патриотических настроений населения»[172].

Е.Ю. Мелешкина отмечает, что в западных странах «незначительным оказывается воздействие таких социальных факторов, как региональные, поселенческие особенности, расовая и этническая принадлежность»[173].

В совместном исследовании с Н. Анохиной[174] этот же автор выделяет наиболее значимые социальные корреляты — возраст и долю русского населения. В первом случае наблюдается положительная зависимость с голосованием за КПРФ и Зюганова, во втором — за Жириновского. Также Анохина и Мелешкина указывают на то, что значимость социальных расколов больше во время парламентских выборов, а не президентских.

А.М. Лавров выделил как мощный статистический фактор для «патриотов» — доля русского населения. Этот отражает очевидный факт непопулярности «национал-патриотов» в республиках. [175]

По мнению авторов монографии «Эволюция электорального ландшафта», «проявление национального фактора… связано с «управляемостью» электората титульной нации в республиках. Национальный фактор также оказывает влияние и на специфику протестного голосования в республиках»[176].

На наш взгляд, нельзя столь приуменьшать значение этнического фактора. Его значение проявляется не только в «управляемости» или «послушности» электората, принадлежащего к патриархальной этнической среде. Распространенное отождествление этнического фактора с «управляемостью» электората — явное упрощение и приуменьшение его значения.

Влияние этнического фактора на политические предпочтения избирателей, вероятно, меньше, чем значение «урбанистического» фактора. Однако, этнический фактор является более постоянным.

Рассмотрим взаимосвязь между этническим составом населения территорий и электоральной поддержкой отдельных партий.

В самой большой зависимости от этнического фактора является результат державно-патриотических политических сил. Например, по уровню поддержки ЛДПР на той или иной территории можно изучать национальный состав, а именно — выявить долю русского населения. Чем выше доля русского населения, тем большую поддержку получает партия

Жириновского. Пять «русских» регионов Юга России всегда лидируют по уровню поддержки ЛДПР, а самый низкий уровень поддержки партия имеет в республиках с самой малой долей русского населения — Ингушетии, Чечне и Дагестане. Коэффициент корреляции (Пирсона) между долей русского населения и долей голосов за ЛДПР по регионам Юга России на выборах в Государственную Думу в 2003 г. не оставляет сомнений r = 0,96 (!). Регрессионный анализ связи между степенью поддержки ЛДПР на выборах 2003 г. и долей русского населения по субъектам федерации Юга определяет коэффициент регрессии 0,16. Рейтинг ЛДПР относительно велик в таких республиках, как Калмыкия, Северная Осетия, Адыгея и Карачаево-Черкесия, а в таких республиках, как Дагестан, Ингушетия, Чечня и Кабардино-Балкария — в несколько раз меньше.

На территории Астраханской области среди 16 территориальных избирательных комиссий худший результат ЛДПР имеет в 4 сельских районах, где наиболее велика доля тюркского населения. Это Володарский, Красноярский, Приволжский, Наримановский районы. Именно в Володарском и Красноярском районах, где доля тюркского населения самая большая, ЛДПР всегда имеет самую плохую поддержку.

В Волгоградской области Палласовский район (с большой долей тюркского населения) на всех федеральных выборах входит в число районов области, где у ЛДПР худшие показатели.

Помимо ЛДПР, от этнического состава территорий зависит поддержка левых партий. Для территорий с преобладанием нерусского населения характерно отрицательное отношение к новым «левым» партиям, альтернативным КПРФ. Например, блок «Родина» на выборах 2003 г. получил высокую поддержку, во-первых, на городских территориях, во-вторых, на территориях с максимальной долей русского населения. В пяти «русских» регионах Южного федерального округа средний результат блока «Родина» — 10,4%, в восьми северокавказских республиках — 3,5%. На территории Астраханской области самая плохая поддержка «Родины» — на территории Володарского района (где доля русских самая малая). Помимо блока «Родина», неудачно вступают и другие левые, которые отнюдь не «заигрывают» с темой русского патриотизма и, напротив, занимают интернационалистическую позицию. В частности, для самого популярного левого политика Астраханской области О.В. Шеина самым неудобным районом на территории региона является именно Володарский район.

Аграрная партия России на выборах 2003 г. самую плохую поддержку среди сельских районов Астраханской получила в Володарском районе. Среди субъектов федерации Юга России Аграрная партия в 5 «русских» регионах получила большую поддержку, чем в национальных республиках (кроме Северной Осетии). Если в «русских» регионах рейтинг партии колебался в интервале от 3 до 5,6% (в среднем — 3,9%), то в большинстве национальных республик — от 0,25% до 2,8% (в среднем — 1,6%).

Избирательное объединение «Российская партия пенсионеров — Партия социальной справедливости» в 2003 г. в «русских» регионах Юга России получило в среднем 3% (от 1,9% до 4,4%), в национальных республиках — 1,3% (от 0,3% до 2,3%). Избирательное объединение «Партия возрождения России — Российская партия жизни» так же в «русских» регионах имело более высокий средний рейтинг, чем в национальных северокавказских республиках — 1,5% против 1,3%. При этом из общей логики выпадает результат этого объединения в Ингушетии — здесь ПВР-РПЖ получило самую высокую поддержку на Юге России! Если опустить этот результат в Ингушетии, средний рейтинг блока в 7 национальных республиках составит 1,1%.

Помимо левых и ЛДПР, с этноконфессиональным фактором связана электоральная результативность современной партии власти. Движение «Единство» в 1999 г. имело более высокую поддержку на территориях с наибольшей долей русских избирателей, и наименьшую — на территориях с преобладанием нерусского населения. Таким образом, его электоральная база во многом совпадала с электоральной базой ЛДПР. Межрегиональное движение «Единство» (Медведь») в 1999 г. в пяти «русских» регионах Юга России получило от 28 до 32% голосов, в среднем — 30%. В национальных республиках Северного Кавказа — от 1% (Ингушетия) до 29% (Дагестан), в среднем — 18%. Среди 16 районов Астраханской области «Единство» худший результат имело в «казахских» Володарском (24,3%) и Красноярском районах (28,4%). В Волгоградской области аналогичная картина — в Волжском избирательном округе, где существенна доля нерусского населения рейтинг «Единства» составил 24%, в то время как в западной части области он был около 31%. Именно в Палласовском районе у «Единства» был худший результат на территории области — 17,1%.

К 2003 г. ситуация изменилась на противоположную. Партия власти резко увеличила свои позиции именно в районах с нерусским населением. В 2003 г. партия «Единая Россия» получила в русских регионах ЮФО от 30 до 40% (в среднем — 35%). В национальных республиках Северного Кавказа она имела от 46% до 80% (в среднем — 60%). В Астраханской области «Единая Россия» получила самую высокую поддержку в тех «казахских» районах, где четыре года до этого «Единство» выступило хуже всего — это Володарский (42,6%) и Красноярский (37,5%) районы. Например, в Володарском районе прирост электората единороссов по сравнению с результатом 1999 г. составил «плюс 64%», в то время, как в целом по области этот электорат сократился на 14%. В Волгоградской области этот перелом отношения тюркских районов был выражен не столь ярко, но все-таки он состоялся. Единственным из четырех избирательных округов Волгоградской области, где количество избирателей единороссов возросло, был Волжский округ — территория с самой значительной долей нерусского (тюркского) населения. «Единая

Россия» получила в Палласовском районе 27,5% — на уровне средних результатов по сельским районам.

Изменение в электоральной базе партии власти между 1999 и 2003 гг. не удивительно. В 1999 г. движение «Единство» ассоциировалось с жесткой державной идеологией и было ближе к державно-патриотическому лагерю. В 2003 г. и идеология, и подбор лидеров «Единой России» стал более консервативным.

Территории с преобладанием нерусского населения так же отличаются по уровню голосования в графе «против всех». Этот показатель на таких территориях сравнительно очень низкий. В Астраханской области почти на всех выборах самый низкий уровень голосования «против всех» — в Володарском районе. В 1995 г. он был здесь 3,2% (в других районах — от 3,8%). В 1999 г. против всех в Володарском районе было 1,54% (меньше — только в одной их 16 ТИК области). В 2003 г. уровень против всех в этом районе составил 2,8% — наименьшая величина в области. В Волгоградской области доля голосов «против всех» в Палласовском и Старополтавском районах меньше среднего показателя по области.

Среди субъектов федерации ЮФО эта тенденция так же подтверждается. В пяти «русских» субъектах федерации уровень голосов «против всех» в несколько раз выше, чем в национальных республиках. Самым низким этот уровень является в Дагестане, Чечне и Ингушетии, где доля русского населения самая малая. На парламентских выборах в 1999 г. в «русских» регионах против всех избирательных объединений проголосовало от 2,5% до 3,5% (в среднем — 3%), в национальных республиках — от 0,3% до 1,9% (в среднем — 1,4%). На парламентских выборах 2003 г. уровень «против всех» в «русских» регионах составил 4,6%, в национальных республиках — 2,1%. На президентских выборах 2004 г. уровень «против всех» в «русских» регионах составил 3,2%, в национальных республиках — 0,6%.

На Юге России специфическое электоральное поведение прослеживается на территории Калмыкии. При очень малой доле русских (38%), электоральное поведение населения гораздо ближе именно к русским, а не тюркским территориям. Здесь нехарактерно высокий для национальных республик уровень голосов «против всех» (на уровне «русских» регионов). Так же в Калмыкии относительно высок уровень поддержки ЛДПР (наряду с Адыгеей и Северной Осетией), в 2003 г. успешно выступил блок «Родина» и либералы.

Проблематика «специфического» электорального поведения нерусского населения уже нашла несколько вариантов объяснения.

Известные исследователи В. Тикунов и Д. Орешкина определили, что «политические предпочтения «управляемых» территорий вертятся как флюгер (в середине 1990-х годов в большинстве этих ТИК уверенно «побеждал», например, Геннадий Зюганов), но всегда показывают туда, куда

целит местная власть»[177]. Таким образом, В. Тикунов и Д. Орешкина связывают электоральную специфику с послушностью населения региональной власти. Региональные бароны «отвернулись от Зюганова и уверенным шагом пошли на поклон к Путину, прихватив весь свой электоральный инструментарий». Национальные образования России отличаются особой электоральной культурой, в принципе наследующей базовые особенности советской модели голосования. Вероятно, сохранились и советские способы обеспечения нужных результатов.

Относительно теории «послушности» электората в национальных республиках можно возразить, приведя в пример Калмыкию. Авторитаризм политической жизни этого региона не вызывает сомнений и выражен ярче, чем в иных кавказских регионах. Но «электоральная странность» (и послушность электората) здесь не проявляется. Помимо этого, если «электоральная странность» проявляется не на уровне регионов, а на уровне ТИК, то объяснить это действиями региональной власти не так просто. В. Тикунов и Д. Орешкина сознательно обращают внимание на то, что зоны «электоральной странности» совпадают с границами регионов, что, якобы, доказывает действия именно региональной власти. Но факты не укладываются в эту схему. Например, в рамках Астраханской области только ряд ТИК (прежде всего, Володарский, Красноярский районы) обладают «электоральной странностью». То же и в Волгоградской области в районах, где проживают многочисленные представители казахского этноса. Значит ли это, что эту «электоральную» странность нужно объяснять позицией муниципальных властей?

Таким образом, если и можно говорить об «управляемости электората» на национальных территориях, то эта управляемость связана не только и не столько с позицией региональных властей. Можно так же предположить и о влиянии местных властей (в масштабах ТИК). Но вернее будет предположить зависимость политического выбора этого населения от «социальных сетей», мнения своего сообщества-корпорации, которое, в свою очередь, может испытывать влияние со стороны региональной и местной власти. В позиции В. Тикунова и Д. Орешкиной присутствует излишне «инструментарное» объяснение специфики электорального поведения на национальных территориях[178].

На сегодняшний день существуют попытки объяснить электоральную специфику национальных территорий особенностями культуры и мировоззрением представителей различных этнических групп. Это иной, неинструментальный подход к объяснению различия электорального поведения. Представители этого подхода пытаются выявить внутренние причины специфического политического поведения представителей восточных народов. По нашему мнению, этот подход более оправдан.

В исследовании М. П. Мчедлова, Ю. А. Гаврилова и А. Г. Шевченко «Мировоззренческие предпочтения и национальные различия» изложе-

ны результаты социологического опроса, посвященного исследованию состояния российского общества накануне парламентских и президентских выборов 2003–2004 годов. Опрос проводился в июле 2003 года. Выявлен больший удельный вес государственников у православных (51% против 43% — у неверующих и 36% — у мусульман). В мусульманской группе наиболее приоритетной оказывается идея защиты прав и свобод (39% против 29% — у православных и 24% — у неверующих). «Что же касается идеи защиты русского населения, то отношение к ней имеет ярко выраженную специфику в зависимости от мировоззренческой и конфессиональной принадлежности опрошенных. Если в православной группе ее поддерживает пятая часть респондентов (22%), причем неверующие и внеконфессионально религиозные демонстрируют примерно сходные показатели, то среди мусульман сторонников данной идеи вообще не нашлось». Среди мусульман самая большая доля голосов людей, заявивших об отсутствии симпатий к определенному партийно-идеологическому течению (56% при 51% в среднем).

Респондентам предложено пять идеологических течений (радикально-рыночного, коммунистического, социал-демократического, русского национального возрождения и центристского). У мусульман более велика доля сторонников коммунистической идеологии (14% при 10% у других конфессиональных групп). Так же велика доля сторонников радикальных рыночных реформ (8%), тогда как сторонниками центризма явились лишь 3% последователей ислама (у других конфессиональных групп — 10%). Другим отличием мусульман от остальных групп респондентов стало полное отсутствие среди них сторонников идеологии русского национального возрождения, которому симпатизирует 6% православных, а также по 5% внеконфессионально религиозных и неверующих.

В Волгоградской области Палласовский район отличался феноменальной поддержкой коммуниста Н. Максюты во втором туре губернаторских выборов 1996 г. — 78% (второй результат по 38 территориальным избирательным комиссиям области), в последующих выборах губернатора у него поддержка здесь так же превышала 70% и была самой высокой среди районов области. Так же чрезвычайно лоялен Максюте Старополтавский район. При этом интересно, что в обоих турах на выборах губернатора 1996 г. у него здесь был достаточно посредственный для села результат, а вот уже в период его пребывания в должности местное население оказывает ему очень высокую поддержку по сравнению с другими районами. В трех голосованиях в 2000 и 2004 гг. у Максюты здесь стабильно был второй результат по области. Так же на федеральных выборах 1999–2003 гг. Палласовский район был в числе двух наиболее благоприятных для КПРФ.

Таким образом, на Юге России и в Астраханской области, в частности, существует устойчивая и математически верифицируемая взаимосвязь между этническим составом и политическими предпочтениями населения.

Конфессиональный фактор электорального поведения исследовал в своей статье А. Дугин[179]. По его мнению, «социологические исследования показывают любопытную закономерность: значение этого фактора увеличивается с севера на юг, достигая максимума на Кубани (Краснодарский край, Ростовская область), где факт православного исповедания кандидата имеет почти решающее значение (при прочих равных условиях). Почти такое же решающее значение этот фактор играет и среди русских, живущих в национальных республиках». По его мнению, в регионах, близких к Кавказу, этот фактор играет большую роль, чем в центральных и северных областях РФ, где русское население преобладает: «конфессиональная принадлежность к Православию имеет важнейшее значение как момент, усиливающий коллективную идентичность русского населения, причём этот момент, естественно, сильнее там, где эта идентичность находится под реальной или мнимой угрозой».

В отношении российских буддистов особенных проблем в выборной ситуации не наблюдается. Экстремистские силы, которые настаивали бы на придании буддизму фрондирующего политического измерения, отсутствуют. Большинство буддистов — на Юге России это калмыки — органично встраивались в структуры партии «Евразия», по логике точно повторяющей выбор традиционных российских мусульман. Остальные выбирают свои предпочтения без учета конфессиональной принадлежности партий. Собственно религиозный фактор может играть роль лишь в региональных выборах. При этом в среде буддистов также явно идет религиозное возрождение, как отмечает А. Дугин[180]. Особое место буддистский фактор играет в политической жизни Республика Калмыкия. Руководство «Объединения буддистов Калмыкии» во главе с Санжайламой входило в управляющие структуры партии «Евразия».

Если урбанистический фактор имеет важнейшее значение в объяснении причин внутрирегиональных различий, то этнический фактор играет такую же роль в объяснении межрегиональных различий электоральных ориентаций населения. Особенно наглядна эта роль для территорий Южного федерального округа.

Экономический фактор

При исследовании зависимости электорального поведения от экономической ситуации, в которой оказывается население страны (или население различных территориальных образований), используется разный инструментарий. В качестве используемых (объясняющих) факторов рассматриваются макро- и микроэкономические показатели, социальная структура общества, изменение функции полезности; используется и другой инструментарий[181].

В стабильных демократиях экономические и социальные сдвиги не всегда трансформируются в электоральные. Тем не менее, в США изменение дохода влечет за собой изменение поддержки правящей партии. В европейских странах зависимость политического выбора отмечается от двух переменных — уровня инфляции и безработицы. Экономический подход не всегда оказывается успешным в объяснении участия в выборах. В большинстве случаев экономический мотив при голосовании сказывается преимущественно через призму субъективной оценки избирателем перспектив экономического развития, поэтому для анализа и прогноза результатов выборов предпочтительнее использовать не макроэкономические показатели, а результаты социологических опросов. Отечественные исследователи отмечают, что в России сложилась структура электоральных предпочтений, но в формировании общественного мнения экономические показатели не являются главными.

Вопрос о значении экономического фактора и его влиянии на электоральные ориентации населения является дискуссионным и ведущие исследователи совершенно по-разному дают на него ответ.

Часть специалистов признают влияние экономических показателей на электоральное поведение.

Ю.Д. Шевченко поддержала значение экономического фактора в определении электорального поведения: «вероятно, что результаты российских выборов определены в значительной степени именно социально-экономической дифференциацией»[182].

Б. Овчинников в конце 1990-х гг. провел исследование взаимосвязи политических ориентаций населения с социально-экономическими параметрами территорий. Из анализа им были исключены национальные республики, автономные округа, автономная область и города федерального значения как смазывающие типическую картину голосования в «типических» русских регионах. Временной охват исследования — 1991–1996 гг.[183]

В результате исследования выделены значимые и незначимые переменные.

Первую группу значимых параметров составляют показатели обеспеченности населения бытовыми удобствами — водоснабжением, центральным отоплением, канализацией. Чем более благоустроена жизнь людей, тем больше голосов отдается правым.

Вторую группу составляют миграционные показатели — прежде всего, доля «новых» переселенцев (живущих в регионе менее двух лет) среди всех переселенцев, которая соответствует либеральному типу голосования.

Третья группа — собственно показатели уровня жизни населения: средняя зарплата и среднедушевой доход, прожиточный минимум, доля трудоспособного населения, валовый региональный продукт на душу населения, доля промышленного и сельскохозяйственного производства на душу населения и другие.

Четвертая — демографические характеристики: доля трудоспособного населения обуславливает «правое» голосование в регионе, а доля пенсионеров — наоборот, «левое».

К незначимым показателям отнесены уровень бедности и безработицы, децильный коэффициент, доля невыплаченных зарплат и пособий, динамика доходов и цен. Б. Овчинников признает незначимость бедности и безработицы в электоральном процессе, но оговаривается, что в его исследовании было одно исключение — положительная корреляция между уровнем бедности и голосованием в 1995 г. на выборах в Государственную Думу за крайне левый блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз».

В современной литературе есть точка зрения, доказывающая, что социально-экономический фактор не детерминирует результаты выборов.

По мнению А. Титкова, «что касается предполагаемой зависимости между экономическим благополучием или неблагополучием региона и политическими взглядами ее жителей, то подтвердить ее с помощью расчетов никому пока что не удавалось»[184].

В. Колосов и Р. Туровский утверждали, что такие социально-экономические проблемы, как бедность и безработица не связаны с электоральным поведением избирателей. И доказывают этот тезис статистическим анализом: корреляция такого показателя как отношение среднедушевого дохода к прожиточному минимуму с долей проголосовавших за Б. Ельцина на президентских выборах 1996 г. не является значимой (0,21)[185]. С помощью статистического же анализа авторы доказывают влияние не экономического фактора, а урбанистического: в крупных городах голосуют за демократов, в сельской местности — за коммунистов.

По материалам выборов 1999 г. Р.Ф. Туровский отмечает положительную корреляционную зависимость между уровнем жизни (который выводится через среднедушевые денежные доходы к прожиточному минимуму) и голосованием либерального типа (0,59). Правда, с оговоркой, что оно привязано к городам и что из исследования намеренно исключены национальные субъекты Российской Федерации.

Л. Смирнягин полагает, что устойчивой связи между экономическим положением региона и его более или менее стабильными электоральными предпочтениями не существует. Данный вывод основывается на сравнении результатов голосования по регионам[186].

В масштабном исследовании Мау В. А., Кочетковой О. В., Яновского К.Э., Жаворонкова С. В. и Ломакиной Ю. Е. «Экономические факторы электорального поведения и общественного сознания (опыт России 1995–2000 гг.)» наиболее важными для электорального поведения факторами оказались налоговые платежи, дебиторская задолженность, денежные доходы, уровень заработной платы и задолженность по ее выплате, потребность в работниках, доля городского населения. Чем выше уровень показателя, тем больше людей поддерживают существующую власть.

О.В. Кочеткова в диссертационном исследовании (2004 г.) рассматривали несколько экономических показателей, влияющих на политические ориентации. Эти показатели автор разбила на группы:

Во-первых, показатели, отражающие экономический потенциал региона. К ним относятся объем собираемых налогов, налоговая недоимка, бюджетные параметры (расходы консолидированного бюджета — собственные и с учетом трансферта), расходы бюджета данного региона.

Во-вторых, показатели, характеризующие структуру экономики региона, или уровень его экономического развития. Среди них валовой региональный продукт (ВРП), объем промышленного производства, дебиторская и кредиторская задолженность.

В-третьих, уровень социального развития, характеризуемый уровнем заработной платы и задолженностью по зарплате, уровнем цен (общим и на потребительские товары, а также на недвижимость), объемом товарооборота. В эту группу входит и уровень безработицы.

В-четвертых, ряд показателей, так или иначе характеризующих экономическую активность и (или) перспективы социально-экономического развития данного региона. К ним относятся финансовые результаты предприятий, объем полученной в регионе прибыли, объем инвестиций, заявляемая потребность предприятий в работниках[187].

По итогам выборов 1995–2000 гг. отмечена положительная связь степени поддержки власти со следующими показателями: 1) Результаты предыдущих выборов, 2) Доля населения в трудоспособном возрасте, 3) Доля городского населения, 4) Численность студентов высших учебных заведений, 5) Заявленная потребность в работниках, 6) Объем промышленного производства, 7) Дебиторская и кредиторская задолженность.

Отрицательная связь отмечена со следующими показателями: 1) численность безработных, 2) поступление налогов в консолидированный и федеральный бюджет, 3) задолженность по заработной плате.

Проведенный эмпирический анализ показал снижение в 2000 г. влияния социально-экономических показателей и усиление — политических. Самый высокий коэффициент корреляции отмечен с результатами предыдущих выборов, хотя в рамках объединенной модели (1995–2000 гг.) связи, обнаруженные для отдельных выборов, являются существенными.

О.В. Кочеткова приходит к выводу, что чем лучше ситуация в регионе, чем больше в нем развита экономика, тем больше электорат поддерживает существующую власть.

У. Сересова в своем исследовании 2005 г. пришла к выводу, что влияние социальных индикаторов на электоральный процесс наблюдается, но оно слабое; его можно обобщить до уровня «модернизация — традиционализм»; в большей степени влияет общее состояние социальной сферы (выражаемое в интегральных социальных индикаторах), чем ее отдельные компоненты (бедность, безработица, и проч.); среднеразвитые ре-

гионы эволюционируют от протестного голосования через неустойчивое к управляемому; неблагополучные регионы развиваются от протестного к управляемому голосованию[188].

Е.В. Лузина провела исследование различия электоральных предпочтений в зависимости от уровня заработной платы на территории. Использовались данные по 253 городам. Были выделены пять уровней доходов по зарплате. Поддержка КПРФ обратно коррелирует с уровнем заработной платы, поддержка либералов — прямо коррелирует. При голосовании за КПРФ проявляется четкая зависимость результатов от уровня заработной платы. Чем ниже зарплата, тем большее число избирателей голосует за КПРФ. Тем не менее около 20% регионов в России имеют обратную зависимость, среди них — Республика Дагестан. В случае с партией «Яблоко» наблюдается обратная зависимость, то есть чем больше доходы, тем больше доля поддерживающих эту партию. Результаты голосования за ЛДПР в различных типах городов существенно не различаются.

Таким образом, большинство российских исследователей стремятся говорить не об экономическом факторе самом по себе, а стремятся его связать с факторами другими — прежде всего, урбанистическим. В этом смысле экономический фактор в гораздо меньшей степени оказывает самостоятельное влияние на электоральные предпочтения населения, чем, например, фактор этнической принадлежности.

Нет согласия в оценке тех показателей, которые характеризуют степень экономического развития территорий. То есть открытым и далеким от разрешения остается вопрос о том, что понимается вообще под «экономическим фактором электоральных предпочтений». Предлагались такие показатели, как среднедушевой доход, уровень жизни, валовой продукт на душу населения, уровень задолженности по заработной плате. Ни один из этих показателей их не стал в достаточной степени признанным в качестве отражающего экономическое развитие территории в связи с электоральными предпочтениями населения.

Территориальная общность и «место» как объективные факторы электоральных ориентаций

Помимо «внешних» факторов-условий, формирующих политические установки и электоральное поведение людей, в качестве детерминирующих сил рассматриваются сама общность людей и даже «место».

Территориальная общность само по себе может быть субъектом формирования электоральных ориентаций входящих в нее людей. На самом деле, все учения о факторах электоральных предпочтений исходят из того, что объективные факторы оказывают непосредственное воздействие на электоральный выбор индивида. Между тем, известная в постнеклас-

сической науке «закономерность целостности» призывает нас не рассматривать общность людей как простую механическую совокупность индивидов; территориальная общность как целостный объект должна обладать свойствами, не характерными для входящих в нее индивидов по отдельности. Следовательно, носителями электоральных ориентаций можно рассматривать не только отдельных индивидов (и от количественного их соотношения судить об электоральных симпатиях общности). Носителем электоральных ориентаций при данном подходе можно рассматривать и само сообщество, которое будет выступать фактором, влияющим на электоральные ориентации индивидов.

В исследовательской проблеме привлекала внимание возникшая в связи с этим дилемма голосования «общности» (территориальной общности) или голосования представляющих ее отдельных индивидов. Таким образом, это отражение в электоральных исследованиях крупного методологического спора в современной социологии между «холистами» (отстаивающими приоритет общности) и «номиналистами» (рассматривающими общность не как самостоятельный субъект, а как простую сумму отдельных индивидов-субъектов).

Р.Ф. Туровский по поводу этой дилеммы подчеркнул, что в выборах «принимают участие люди, а не территории. Тогда как в научной литературе часто можно встретить ссылки на то, что регион, территория «голосует» определенным образом. На уровне конвенциональных допущений можно позволить использование таких формулировок. Однако при этом следует рассматривать территории, регионы в качестве территориальных сообществ, обязательно подразумевая «наполнение» территориальных ячеек людьми, которые и принимают электоральные решения»[189].

Географический аспект тенденции «холизма» отражает в изучении электорального поведения «концепция места». В данном случае субъектом формирования электорального сознания может даже выступать не общность, а «место» как географическое явление.

«Концепция места» в 1980-е гг. была разработана американским исследователем Джоном Эгнью. Категория «места» у Эгнью не то же самое, что и сообщество — в «место» входит и сама территория. При данном подходе пространство, преобразующее воздействие общенациональных факторов в соответствии с историей и социальными особенностями каждого места, само выступает в качестве переменной, учитываемой при анализе[190].

Этот подход представляется перспективным поскольку сама территория (или — территориальная общность) может быть представлена как самостоятельный субъект и носитель политических предпочтений.

Р.Ф. Туровский предлагает «контекстуальный подход», в соответствие с которым «территория (место) понимается как политический контекст»[191]. Вслед за Эгнью, Р.Ф. Туровский выступает за реабилитацию «места», отмечая, что его нельзя заменить сообществом. С ролью «места» Р.Ф. Туровс-

кий связывает «расплывчатые «локальные факторы», остающиеся в «черном ящике» неопределенности», с которыми связывали территориальные особенности политических предпочтений и т.п.

«Можно согласиться с тем, что в современном мире идет размывание локальных связей, прежние общины (локальные сообщества) теряют сплоченность, что особенно характерно для урбанизированных сообществ. Гораздо большее значение приобретают «транслокальные» связи между отдельными индивидами, расположенными в разных регионах, а иной раз и в разных уголках планеты. Поэтому место в современном мире отличается размытостью географических контуров и неоднородностью сообщества. В то же время оно от этого не исчезает, а попадает в более сложный контекст. Из современных процессов не следует, что территория начинает представлять собой искусственное и чисто механическое вместилище политических субъектов, слабо связанных друг с другом. Во-первых, потому, что коммуникационный эффект в территориальном сообществе не прекратил свое действие. Во-вторых, потому, что политические явления не утрачивают свою связь с местом даже в условиях неконсолидированного сообщества».

Согласно современной социологии, модернизация приводит к ослаблению связей в сообществах, к отмиранию рудиментов «общинного поведения», к развитию межтерриториальных взаимодействий. Таким образом, более инновационные территории должны отличаться меньшей зависимостью от «фактора места». Однако, именно в инновационных территориях этот феномен как раз обратный. Феномен территориальной устойчивости политических предпочтений наиболее ярко выражен в городских и центральных районах. Так же и на Юге России именно центральные территории (города, административные центры) отличаются самыми высокими показателями устойчивости электоральных ориентаций.

Концепция «места» не получила широкого распространения в электоральных исследованиях, и мы не можем найти примеры ее использования в изучении материала по Югу России. Данная концепция имеет очевидные методологические слабости. Как признает сам Р.Ф. Туровский, с этим фактором связываются не конкретные и верифицируемые измерения, а территориальные особенности, «остающиеся в «черном ящике» неопределенности». Это изначально затемняет собственную роль этого фактора детерминировании электорального поведения. Существует опасность, что при таком толковании концепция места может использоваться как «Deus ex machina» для объяснения тех территориальных особенностей поведения, для которых не найдено явных причин.

Так же к группе факторов, связывающих электоральное поведение с обществом в целом, следует причислить *фактор социальных сетей*.

В.Л. Римский представляет достаточно радикальный вариант такого подхода, рассматривая электоральное поведение как проявление клиен-

телизма. По его словам, «избиратели, как правило, рассматривают кандидатов как своих патронов, которым они доверяют собственную защиту, под покровительство которых избиратели готовы встать»[192].

В данном случае носителем электорального сознания является не общество как целостность, а его элитный слой (патроны).

«Клиентелистская модель» электорального поведения более практична, позволяет добиваться своих целей при сравнительно небольших затратах ресурсов.

Данный подход в объяснении электорального поведения населения на Юге России востребован. Он используется не только для объяснения электорального поведения на «национальных» территориях, но и в социальных группах, для которых характерна высокая зависимость рядовых членов от лидеров. В частности, А.А. Вартумян указывает на клиентарный характер электорального поведения членов религиозных сект[193].

Сторонником социологической методологии, объясняющей объясняющих электоральное поведение, является А.В. Баранов. Базовыми факторами политических ориентаций избирателей он называет их социально-групповые параметры, основанные на типе структурирования общества[194].

В целом, проблема «холизма» остается очень актуальной для объяснения специфики электорального поведения отдельных общностей. Превалирующая сегодня «номиналистическая» тенденция не может ответить на все вопросы. По нашему мнению, эмпирический материал Юга России подтверждает, что территориальное сообщество остается действующим субъектом и носителем специфики электорального поведения. По меньшей мере, такая позиция позволяет объяснить сохранение электоральной специфики территориальных общностей при значительных изменениях политических предпочтений.

Культурные факторы

Культурные особенности как фактор, влияющий на электоральное поведение, совершенно по-разному оцениваются ведущими исследователями. Вопрос этот имеет большое значение, поскольку в электоральном поведении Юга России проблема культур поднимается особенно часто.

Существует тенденция приуменьшения роли «культурных факторов». Известно высказывание Р.Ф. Туровского о том, что причину традиционалистского голосования на юге России следует искать в низкой степени урбанизации и малой доли молодежи, а «не в существовании неких «северных» и «южных» политических культур»[195].

Известен социокультурный подход к изучению электорального поведения, разработанный А. П. Страховым[196]. Анализируя специфику элек-

торального поведения россиян, А.П. Страхов выделяет два блока факторов электорального поведения: факторы, имеющие культурно-историческую природу и формирующие социокультурную среду, в которой разворачивается политическая борьба, и факторы, обусловленные особенностями текущего политического процесса, такими как массовые настроения, актуальная политическая проблематика, оценка населением динамики своего благосостояния и другие.

Политическая среда, по мнению А.П. Страхова, формируется под воздействием первой группы факторов, создавая своеобразную платформу для деятельности акторов текущей политики. Ключевые понятия для этой группы «политическая культура» и «политическая традиция». Вторая группа факторов объясняет специфику текущего политического процесса и создает условия для реализации субъективного начала политической деятельности. Таким образом, социокультурный аспект отражен в структуре политического сознания через систему социальных ценностей и политических установок.

В работе «Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход»[197] А.П. Страхов сформулировал основания социокультурного подхода к изучению электорального поведения таким образом: выбор избирателя осуществляется под воздействием ценностей и норм политической культуры сообщества, к которому он принадлежит. При этом учитывается, что в рамках национальной политической культуры, которая задает базовые ценности, действуют регуляторы поведения, свойственные субкультурам различных социальных групп. Воспроизводство политической культуры происходит в процессе социализации индивида, когда человек усваивает ценности и нормы своей социальной среды, на основании чего у него формируются установки, которые определяют характер его действий в конкретных ситуациях. А.П. Страхов считает необходимым при анализе электорального поведения опираться на весь комплекс теорий электорального поведения, но особенности национальной политической культуры и субкультур необходимо учитывать первоначально как наиболее вероятные поведенческие модели.

По мнению Страхова, сегодня возможно выделить в российском электорате два стабильных «ядра» двух полярных идеологий: традиционного коллективизма и либерального индивидуализма, причем эта тенденция наблюдается как на федеральном уровне, так и в регионах.

Первые ориентированы на сохранение традиционных ценностей и устоявшихся отношений. Их отличает консерватизм и коллективистское сознание. Они проживают преимущественно в сельской местности и малых городах, сосредоточены в центре и на юге России, являются людьми среднего и старшего возраста, занятыми в основном в производственном секторе и сельском хозяйстве, имеющими невысокий уровень дохода и образования. На выборах они поддерживают представителей «левого» идеологического крыла.

Вторые ориентированы на изменение старых общественных связей и утверждение новых систем ценностей. Для «модернистов» характерна индивидуалистская модель поведения, отрицание традиций и приверженность либеральным ценностям. Они проживают преимущественно в центре и на севере России, являются людьми среднего и молодого возраста, со средним и выше среднего уровня дохода и образования, занятыми в основном в непроизводственном секторе. Их электоральные предпочтения обозначены в демократическом спектре.

Таким образом, Юг России можно рассматривать как территорию преимущественного преобладания традиционного коллективизма.

Батаев А.Х. и Бекоев М.В. дополняют это таким отдельным «поведенческим» фактором, как «конформизм»: его всегда отличает стремление индивида (не всегда им до конца осознаваемое) присоединиться к большинству, действовать так, как большинство.

Для многих территорий Юга большое значение в объяснении электорального поведения имеет фактор *казачества*.

А.В. Баранов в 2007 г. предложил известный раскол «город-село» дополнить расколом «казачьи — неказачьи местности»[198]. Наиболее яркое его проявление он видит в Краснодарском крае. «Базовый социокультурный водораздел проходит между бывшей Кубанской казачьей областью и Черноморской губернией по природной границе — Кавказскому хребту. Внутренние расколы обеих микрорегиональных общностей относительно слабы». А.В. Баранов назвал этот фактор в числе двух главных долгосрочных «водоразделов» внутри региональной политической культуры Юга России.

В казачьих территориях очень низкая поддержка либералов при чрезвычайно высокой поддержке партии власти. С 1999 г. на Юге России северокавказская казачья часть, вновь, как и прежде, стала опорой власти.

Данные особенности электоральных предпочтений районов с преимущественным проживанием казачества ярко проявляются не только в Краснодарском крае, но так же в Ростовской и Волгоградской областях.

2.2. Субъективные факторы электоральных предпочтений

Значительная группа экспертов считают именно субъективные факторы главными, определяющими политические предпочтения населения. К субъективными факторам мы отнесем действия единичных субъектов политического процесса, влияющие на электоральные ори-

ентации населения. В отличие от объективных факторов, воздействия субъектов обычно имеют сознательной целью программирование политического поведения.

Основными субъектами, целенаправленно воздействующими на политическое поведение населения, являются элиты, собственно политические субъекты а так же институты, непосредственно функционирующие в системе политических отношений.

Субъективными факторами формирования политических установок населения являются: деятельность элит по формированию электоральных ориентаций населения; роль СМИ; роль предвыборной кампании.

Роль СМИ

В общемировой традиции изучения влияния средств массовой информации (СМИ) на формирование политических ориентаций и установок можно С.И. Сысоева выделяет два основных подхода. Сторонники первого подхода утверждают, что СМИ оказывают существенное воздействие на аудиторию в процессе формирования политических предпочтений. Представители второго подхода сводят к минимуму эффект воздействия СМИ[199].

В основу первого подхода был положен тезис о всесилии СМИ: их воздействие на аудиторию непосредственно, осязаемо, прямо направлено и связано с формированием представлений о политике и политических процессах. До 1940-х гг. этот тезис в западной науке практически не подвергался критике.

В рамках социологического подхода в исследовании электорального поведения роль СМИ приуменьшается. Выводы, сделанные П. Лазерсфельдом, показали, что СМИ не являются единственным источником политической информации. Средства массовой информации влияют на усиление уже существующих, ранее сложившихся в процессе социального взаимодействия политических установок и предпочтений[200].

Продолжателем исследовательской традиции П. Лазерсфельда можно считать Дж. Клаппера, основы его концепции изложены в книге «Эффекты массовой коммуникации». Основное дополнение к теории П. Лазерсфельда Дж.Клаппер сделал, вводя понятие «доверие» аудитории средствам массовой информации. Механизм избирательного просмотра, интерпретации и припоминания был определен Клаппером как устойчивый барьер против воздействия СМИ на избирателей. В своей работе Клаппер утверждает, что сторонники «правой» идеологии вряд ли будут смотреть и слушать передачи, пропагандирующие «левую» идеологию, и даже если и будут, то с минимальным доверием, вероятнее всего, скептически отнесутся к услышанному и увиденному. Дальнейшее эмпириче-

ское подтверждение концепции минимального воздействия СМИ на формирование электорального поведения можно обнаружить в работах Т. Паттерсона и Р. МакКлюэна, основанных на исследовании роли СМИ в президентской избирательной кампании 1972 г.

В результате многочисленных дискуссий в 1970-е гг. появилась концепция, популярная и в наши дни[201]. В 1963 г. Б. Коэн, основываясь на трудах У. Липпмана, сформулировал, ставшее классическим, утверждение о том, что основным и специфическим эффектом СМИ можно считать возможность «установления пунктов повестки дня». Б. Коэн, вслед за У. Липпманом, доказал, что СМИ не могут заставить людей думать определенным образом, но они в состоянии указать людям на то, о чем им думать. Эмпирическое подтверждение этот тезис получил в 1968 г. во время исследования в ходе президентских выборов, проведенного М. Маккомбсом и Д. Шо. Основываясь на результатах исследования, выявив прямую корреляционную зависимость между политическими предпочтениями и содержанием сообщений СМИ, авторы сделали вывод о том, что именно СМИ формируют политические предпочтения избирателей.

Выводы, сделанные М. Маккомбсом и Д. Шо, подтолкнули исследователей вновь вернуться к вопросу прямого воздействия СМИ на массовую аудиторию[202]. В частности, С. Янгар ввел понятие «структурирование», что означало форму подачи политических новостей средствами массовой информации. Эффект структурирования заключается в процессе отбора информации, ее объеме и частоте подачи, а также в использовании ключевых слов и выражений, аудио и видеоряда, позволяющих сделать расстановку содержательных и оценочных аспектов и связать их с общепринятой, знакомой для большинства, символикой. Таким образом, концепция структурирования информационного пространства возвращает исследователей к рассмотрению СМИ как силы, манипулирующей массовой аудиторией[203].

Анализируя основные теоретические подходы к изучению электорального поведения в западной исследовательской традиции, российские социологи и политологи пытаются найти возможность адаптации данных концепций к российской действительности. Так, наиболее ценны в данной области работы Ю.Д. Шевченко, А.П. Страхова и Е.Ю. Мелешкиной. Особый интерес представляют диссертационные работы, рассматривающие влияние СМИ на электорального поведение, защищенные Н.И. Трефиловой и О.А. Дроздецкой.[204]

В принципе необходимо отметить, что роль СМИ разнится в зависимости от уровня выборов. На региональном и тем более местном уровне предвыборной борьбы влияние СМИ не будет таким сильным, как на уровне общегосударственном (федеральном). Потому что на региональном и местном уровне влияние СМИ может нейтрализоваться иными каналами коммуникации политического деятеля с населением. Наиболее

яркий пример — это политическая деятельность в Астраханской области левого политика О.В. Шеина, который при формировании собственного политического пространства использовал непосредственнее формы политической коммуникации. В частности, как никто другой проводил регулярные и активные встречи с населением (на протяжении многих лет), прием избирателей и т.д. В результате он в исключительно малой степени использовал потенциал СМИ, что нисколько не повредило обеспечению стабильности его политической поддержки в регионе.

На федеральном уровне политические субъекты оказываются заложником СМИ как господствующей формы политической коммуникации. Коммунистические представители еще с 1990-х гг. получали достаточно скромный и неадекватный их популярности доступ к СМИ. С 2000 г. изменилась система информационного пространства в России, что привело к более активному использованию технологий по формированию политического сознания силами СМИ.

О. А. Дроздецкая в диссертации 2004 г. «Региональная пресса как инструмент электорального процесса (На примере выборов в г. Краснодаре 1998–2004 гг.)» определила, что в Краснодарском крае и других регионах ЮФО пресса является важным субъектом конструирования политических отношений.[205]

Батаев А.Х. и Бекоев М.В., объясняя высокие результаты «Единой России» на Юге России на парламентских выборах 2003 г., связывают их с решающей ролью информационного фактора. По мнению исследователей, еще в начале 2003 г. объективная поддержка КПРФ в обществе была выше, но именно согласованная политика СМИ «заставила» население принять символы и идеологемы «Единой Росси» за свои[206].

Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека по итогам выборов 2003 г. подготовило доклад, в котором, в частности, говорится: «В государственных средствах массовой информации имеет место явный перекос в сторону поддержки «Единой России» и других пропрезидентских партий. До настоящего времени при освещении предвыборной кампании государственные телеканалы демонстрировали явный перекос в пользу «Единой России» и против КПРФ. Несмотря на письмо-предупреждение, направленное председателем ЦИК двум центральным государственным телевизионным каналам, изменения в характере подачи информации не наблюдаются и также не принимаются меры по устранению этого явного нарушения законодательства о выборах. Государственные вещательные компании открыто рекламируют «Единую Россию» вне специально отведенного бесплатного эфирного времени… Не вполне адекватны правовые условия для обеспечения гарантий участия российских непартийных наблюдателей в избирательном процессе»[207].

Таким образом, выступающие с либеральных позиций критики избирательного процесса современной России придают больше значение

СМИ, видя в них важное средство по централизованному формированию политического мнения избирателей.

В целом для современной российской науки характерно признание высокой роли СМИ в формировании политических установок населения. Произошедшая в начале 2000-х гг. централизация информационного пространства (по крайней мере, его ведущих субъектов) предоставляет СМИ дополнительные возможности для формирования электоральных предпочтений.

Роль предвыборной кампании

Электоральные ориентации релятивны не только по отношению к уровню и виду выборов, о чем писалось выше, но и по отношению к другим существенным свойствам избирательной кампании.

Один из важнейших таких факторов — конъюнктура политического предложения на выборах.

Разнообразие «политического предложения» на выборах способно существенно повлиять на итоговое распределение поддержки электората.

Несомненно, данный фактор активно используется в современной России в целях политического управления избирательным процессом и позволяет добиться важнейших электоральных результатов для тех сил, которые способны его применить.

Политическая конъюнктура выражается в наличии на выборах похожих или, наоборот, отличающихся друг от друга претендентов, от конкурентной борьбы которых сильно зависит картина голосования.

На современном этапе уже не нужно обосновывать объективность существования идеологических секторов (или «ниш») российского электората.

Наиболее очевидно значение конъюнктуры политического предложения проявляется в конкурентном соперничестве политиков, борющихся за избирателей одной идеологической ориентации. В частности, крупнейшие поражения КПРФ на федеральных парламентских выборах (в 2003 и 2007 гг.) можно связать с наличием значительного числа левоориентированных избирательных объединений в этих кампаниях. При этом лучший уровень поддержки, достигнутый КПРФ в 1999 г., совпадает с отсутствием острой конкуренции на левом фланге.

В избирательных кампаниях 2000-х гг. из всех ведущих политических сил наиболее тяжелая ситуация с политической конъюнктурой у КПРФ. В кампаниях 2003 и 2007 гг. коммунисты имеют множество конкурентов на своем фланге, происходит «распыление» левого электората. Если рассматривать эти события только в контексте испори КПРФ, может создаться впечатление резкого сокращения коммунистического электората по сравнению с 1990-ми гг. Если же судить о масштабах левого сектора в

целом, то картина будет иной. Увеличение внутренней конкуренции среди левых партий наибольший урон наносит по лидеру этого флага и благодаря наличию заградительного барьера на федеральных парламентских выборах сокращает представительство левых в парламенте. В кампании 2003 г. левый сектор был представлен пятью основными избирательными объединениями. Эту группы составили КПРФ, Аграрная партия, блок «Родина», объединения «Партия пенсионеров — Партия социальной справедливости» (РПП-ППС) и «Партия возрождения России — Партия жизни» (ПВР-РПЖ). По России в целом эти партии в совокупности взяли 30,3% голосов. Но относительно количества голосов, поданных за партии, преодолевших проходной барьер, доля голосов за левые партии составила всего 18% — почти два раза меньше.

В парламентской кампании 2007 г. левый фланг опять оказался расколот на пять избирательных объединений. Как и на предыдущих выборах, левый фланг был самым представленным, к нему относилось почти 50% участвовавших в выборах партий. Сложившаяся таким образом конъюнктура не могла иметь других последствий, кроме нанесения ущерба ведущим левым партиям, рассчитывающим на прохождение в парламент. В итоге представительность левых в парламенте будет меньше реальной доли левого электората. В результате доля двух левых партий при распределении парламентских мандатов составила 20%. При самом голосовании доля голосов за пять левых партий была несколько больше — 22,8% голосов.

Существуют предположения об искусственном характере острой конъюнктуры на либеральном фланге на парламентских выборах 2007 г. Либеральный сектор сам по себе в 2000-е гг. был очень мал. Несомненно, что для двух ведущих либеральных партий России («Яблока» и СПС) задача преодоления 7-процентного барьера в кампании 2007 г. была невыполнимой. Тем не менее, либеральный фланг в рамках этой кампании был пополнен еще двумя партиями, которые совершенно откровенно начали борьбу за завоевание симпатий электората старых либералов. И «Гражданская сила», и Демократическая партия обрушили основной огонь критики не на партию власти и даже не на коммунистов, а именно на либералов, претендуя занять их место. Демократическая партия построила всю кампанию вокруг идеи, способной прельстить сердца российских либералов-западников, — вступление России в Европейское сообщество. Обе альтернативные либеральные партии получили прекрасное отражение в СМИ (даже большее, чем старые либералы).

Таким образом, не смотря на объективное ослабление либерального фланга, он был искусственно диверсифицирован в кампании 2007 г. и представлен четырьмя партиями.

Самая благоприятная ситуация с политической конъюнктурой в 2000-е г. у партии власти. В 2007 г. она была самой благоприятной за всю историю

постсоветских выборов. «Единая Россия» была единственной центристской партией среди всех 11, внесенных в бюллетени. Следовательно, объективно она могла претендовать на голоса всего центристского и лояльного электората. Единственная опасность могла исходить только от «Справедливой России», которая могла отобрать голоса не столько от оппозиции, сколько от партии власти (этой ловушки партия власти избежала в 2003 г., когда вовремя отказалась от поддержки аналогичного проекта «Народной партии»). Наличие в избирательном бюллетене всего одной центристской партии играло, несомненно, немаловажную роль. Наряду с единороссами, здесь могли быть представлены еще три партии — «Народный союз», «Зеленые», Партия мира и единства. Их подписные листы были забракованы Центризбиркомом. По мнению многих экспертов, эти партии могли отнять незначительные доли процентов у «Единой России». Не забыт казус кампании 2003 г., когда неизвестное избирательное объединение «Единение» получило целый 1% голосов — вероятно, за счет «Единой России». На этот раз в избирательный бюллетень не попали партии, способные внести плюрализм в центристский электорат.

Без изучения конкретной политической конъюнктуры на выборах рассматривать структуру электоральных ориентаций нельзя. Например, в избирательных кампаниях 2000-х гг. не приняли участие леворадикальные силы. Это обстоятельство не может не отразиться на итоговой картине, ведь в 1995–1999 годах левые радикалы имели на Юге России электорат, по масштабам не уступающий либеральному электорату. Таким образом, необходимо анализировать характер «политического предложения» на выборах. Электоральная география может внешне измениться при неизменности политических предпочтений населения только за счет изменения политического предложения.

При этом нет основания абсолютизировать неизменность границ идеологических секторов электората. Практически многие политики имеют отношение не к одному из этих идеологических секторов, а к нескольким. Поэтому перспективы выступления КПРФ зависят не только от наличия конкурентов на левом фланге, но и от наличия среди претендентов иных сил, способных привлечь лево-ориентированных избирателей.

Наиболее наглядно такая зависимость от политической конъюнктуры просматривается в судьбе ЛДПР. Собственно державно-патриотических конкурентов эта партия имела только на парламентских выборах 1995 г. (в лице избирательных объединений А.И. Лебедя, А.В. Руцкого). Но крупный провал на выборах 1999 г. связан именно с тем, что центристское движение «Единство» сумело привлечь и голоса державно-патриотических ориентированных избирателей (и получило максимальную поддержку именно в районах традиционной поддержки ЛДПР).

Можно выделить следующие важнейшие события в изменении конъюнктуры на федеральных выборах: 1) прекращение участия леворади-

кальных партий в выборах после 1999 г.; 2) диверсификация и даже фрагментация левого сектора российской политики в 2000-е гг.; 3) отмена графы «против всех».

На федеральных выборах 2000-х гг. конъюнктура политического предложения не адекватна структуре политических предпочтений россиян. Отсутствуют леворадикальные политики, в последний раз выступившие в федеральных выборах в далеком 1999 г. Широкое представительство либеральных партий совершенно не соответствует скромной популярности этой идеологии в российском обществе. Монопольным представителем державно-патриотической идеологии остается ЛДПР, вряд ли способная полностью удовлетворить избирателей этой направленности (учитывая ее поражения от прямых конкурентов в 1996 и 1999 гг.). Наличие всего одной центристской партии так же нельзя признать релевантным отражением предпочтений центристского электората.

Моделирование предвыборной конъюнктуры, реализованное в современной России, стало эффективным инструментом политического менеджмента. Оно позволяет существенно нейтрализовать электоральный потенциал оппозиции при внешнем соблюдении демократических правил политического процесса и не прибегая к прямому давлению. В условиях существующей в России электоральной формулы с высоким заградительным барьером варьирование политической конъюнктуры позволяет не только раскалывать оппозиционный электорат, но и изменять долю мест между партиями в определенных игроков.

Контуры политической конъюнктуры на каждых выборах оригинальны. Это само по себе способно изменить итоговое распределение голосов между постоянно участвующими партиями и создать видимость изменения политических ориентаций населения. Таким образом, этот фактор необходимо учитывать для корректных выводов о динамике электоральных предпочтений населения.

Роль элит

Согласно многочисленным исследованиям, связь между политико-географическими характеристиками регионов и поведением региональных руководителей в новейшей политической истории России прослеживается достаточно хорошо.

По мнению Б. В. Овчинникова, «...во многих случаях результаты выборов отражают не только и даже не столько позицию самих избирателей, сколько позицию региональных и/или местных властей»[208].

По его мнению В.Л. Римского[209], «избиратели чувствуют, что у них нет стольких прав, сколько их имеют кандидаты и должностные лица. И такое положение воспринимается большинством российских граждан как

справедливое. Кандидат, который не сумел показать своего превосходства в социальном статусе над избирателями, имеет немного шансов быть избранным». Данный тезис представляется не бесспорным. В Астраханской области противоположным примером является политического фигура О.В. Шеина — самый популярный публичный политик целого субъекта федерации имеет образ максимально близкого к простым людям человека. Сам В.Л. Римский признал, что наиболее сильно патрон — клиентские отношения в электоральном поведении выражены в национальных республиках.

Попытка построить отношения с избирателями на принципах клиентелизма встречаются все чаще с конца 1990-х гг., при чем такая линия поведения политиков доминирует на региональных и местных выборах. На самом деле, в первой половине 1990-х гг. большинство политиков делали акцент на завоевание идеологической поддержки населения, что подтверждает активное использование политиками в тот период фактора партийной идентификации (даже на местных выборах) и увлечение методом составления предвыборных программ и платформ. В настоящее время мы чаще наблюдаем обратную тенденцию — абсолютное большинство кандидатов игнорируют идеологический фактор и позиционируют себя не как представителей политических взглядов электората, но как его попечители, благодетели, патроны. Соответственно, поддержку населения они «покупают» предоставлением прямых материальных благ, что оформляется как «благотворительность», коммерческая деятельность и т.д.

Метод подобного подкупа электората, вероятно, становится излюбленным методом завоевания электоральной поддержки для значительного числа политиков. Зачастую можно вести речь не о единоразовом, но о продолжающемся подкупе.

Клиентарные отношения между политиками и населением заключаются в том, что политики не добиваются от власти проведения того курса, в котором заинтересовано население, а берут на себя исполнение функций государства. Или, иначе говоря, политики подменяют собой государственную власть. Они чинят дороги, помогают школам и больницам, организуют роскошные праздники из частных средств. Они даже дают субсидии населению. Среди используемых приемов можно назвать и распространение среди населения карт, по которым возможно приобретение товаров со скидкой в магазинах, имеющих отношение к кандидату.

На выборах федерального уровня клиентелистская практика пока не получила столь же большого распространения. Возможность ее использования претендентами на федеральном уровне ограничена ее дороговизной (преодолимое препятствие, если учитывать существующее имущественное расслоение). На и перспективность этих методов объективно ниже на федеральном уровне, если учитывать, что на таких выборах электоральное поведение населения является более идеологическим.

Фактор клиентелизма может иметь как объективное, так и субъективное содержание, если рассматривать его в контексте влияния на политические предпочтения населения.

Как субъективный фактор клиентелизм предполагает осознанное воздействие патрона на зависимых от него людей (или их перманентный подкуп) с целью программирования политического поведения и получения политической поддержки.

Как объективный фактор клиентелизм — совокупность устойчивых социальных связей и практик, трансформирующих политическое участие населения. В данном случае «клиентарные» избиратели испытывают эффективное воздействие клиент-патронских отношений и при отсутствии инициативы со стороны патрона. В качестве примера последнего можно привести солидарное отношение населения со своей элитой или со своим лидером — оказанная ранее патроном помощь спустя время может учитываться избирателями и влиять на их политическое поведение.

Так, А.И. Алмаев, многолетний лидер татарского национального общества в Астраханской области, предвыборную кампанию 2003 г. провел достаточно пассивно, но получил повышенную поддержку на тех территориях, где ранее его патерналистская деятельность была наиболее значительной.

Так же к клиентелизму как объективному фактору электоральных предпочтений относится поведение избирателей на губернаторских выборах (до 2004 г.).

Административный фактор

Р.Ф. Туровский отмечает, что в объяснении территориальных различий электоральных предпочтений в 2000-е гг. административный фактор становится наиболее важным по сравнению с другими[210]. Он так же предположил, что под влиянием этого фактора вызванные иными факторами территориальные различия электоральных предпочтений оказались сглажены.

Влияние административного ресурса может проявляться в четырех основных формах:

1) интриоризированная (внушенная, усвоенная) в ходе социальной коммуникации установка;

2) передача ответственности за выбор;

3) «помощь» со стороны членов избирательной комиссии (пришедшим на избирательные участки советовали за кого голосовать);

4) подкуп, запугивание, фальсификация бюллетеней и другие нелегитимные способы воздействия на результат голосования[211].

Существуют попытки вычислить конкретную роль административного ресурса в итоговых результатах голосования. Благовещенский Ю.Н. и Винюков И.А. провели анализ результатов выборов 2003 г. по территори-

ям, используя так называемый закон Ципфа-Парето, связывающий логарифм числа голосов за участника выборов с логарифмом его места линейной зависимостью. На основании анализа они отнесли среди всех субъектов федерации представителей ЮФО, вошедших в число регионов с самым аномальным голосованием. На втором месте Кабардино-Балкария (рейтинг «аномальности» 52%), четвертое место — Чечня (45,2%), восьмое место — Калмыкия (25,6%). Сами исследователи допускают среди объяснения этой аномальности — наличие «патриархальной системы отношений между гражданами и властью»[212]. Таким образом, эти исследователи не настаивают на том, что выявленные ими отклонения объясняется «вбросом» или «фальсификациями». Ими предложен электоральный индекс регионов «Управляемость» C(k).

Индекс «Склонность к сильной руке» определяется соотношением голосов за КПРФ, ЛДПР и «Родину» к числу тех, кто проголосовал за «Единую Россию». Минимум этого индекса в России — в Ингушетии и Чечне.

В северокавказских республиках практически все исследователи отмечают более активное использование административного ресурса. Ярким примером является обращение перед выборами 2007 г. Народного Собрания Карачаево-Черкесии к избирателям республики с призывом поддержать В.В. Путина (то есть возглавляемый им предвыборный список «Единой России»).

Фактор территориальных отделения партий

Результаты голосований в ЮФО подтверждают важную роль такого фактора, как роль региональных отделений (или представителей) политических партий. Этот фактор играет определенную роль в объяснении территориальных различий электоральных результатов.

В большинстве случаев региональные отделения политических партий не представляют особого политического значения. Из всех политических партий только КПРФ обладает (или обладала) активными региональными отделениями почти во всех регионах.

Провал или дискредитация региональных отделений партии могут отрицательно повлиять на электоральный результат данной партии на федеральных выборах. Астраханская область в течение 1990-х гг. была одним из лидеров Юга России по уровню поддержки ЛДПР, партия В.В. Жириновского почти всегда получала здесь более высокую поддержку, чем в среднем по России. Скандал вокруг руководителя регионального отделения ЛДПР Д.Г. Угрюмова и его арест в 2007 г. привели к неожиданно низкому результату ЛДПР на федеральных парламентских выборах 2007 г.

В середине 1990-х гг. возникла видимость особой популярности либералов в Ростовской области, что в значительной степени было обусловлено успешной работой регионального отделения «Яблока» и ее взаимодействием с местной элитой. При ослаблении позиций ростовских «яблочников» период особых электоральных достижений этой партии в Ростовской области завершился.

В Астраханской области Компартия раньше, чем в других регионах, проиграла своим конкурентам с левого фланга — сначала партии «Родина», затем — «Справедливой России». Главной причиной этого можно назвать неконкурентоспособность регионального отделения КПРФ по сравнению с политическим левым движением, которое в Астраханской области представлял О.В. Шеин.

В 2000-е гг. Волгоградская область вышла в лидеры ЮФО по уровню поддержки коммунистов. Это сопровождалось так же тем обстоятельством, что в этом регионе региональное отделение партии испытало наименьшее деструктивное воздействие по сравнению с остальными регионами.

Из всех политических партий постсоветской России партии власти обладали самой своеобразной структурой политического капитала и формами обеспечения электорального результата. В 2000-е гг. в еще большей степени выразилась зависимость положения партии власти от федеральных ресурсов (прежде всего — инвеституры В.В. Путина). Тем не менее, зависимость поддержки партии от положения региональных отделений прослеживается и на примере «Единой России».

В 2003 и 2007 гг. из всех регионов ЮФО у «Единой России» худший результат был в Волгоградской области. Это заставляет обратить внимание, что именно в этой области региональное отделение партии было наименее сильным и было отделено от региональной административной элиты. В связи с этим можно отметить, что деятельность по привлечению в ряды партии власти лидеров региональных элит (губернаторского корпуса) была оправдана и имела положительный для «Единой России» результат.

Рассмотрев эмпирический материал Юга России, можно подчеркнуть, что в целом влияние субъективных факторов в объяснении территориальных различий электоральных предпочтений населения менее значимо по сравнению с объективными. При этом среди субъективных факторов особое значение принадлежит таким факторам, как роль элит и фактор местных отделений политических партий.

3. Дифференциация поддержки политических сил на Юге России

3.1. Электоральное участие на Юге России

Формой индивидуального протестного политического поведения на электоральном уровне является неучастие индивидов в избирательном процессе — так называемый абсентеизм. А.А. Галкин подразделяет абсентеистов на три основные группы.

Первую составляют лица, не принимающие участие в выборах по объективным причинам (физические недомогания, внезапное заболевание, другие конъюнктурные обстоятельства, делающие невозможным посещение избирательного участка). Вторую образуют те, кто, не имея оснований быть недовольным ситуацией, сложившейся в обществе, и не стремясь к серьезным переменам, считает излишним для себя участие в избирательном процессе. Наконец, в третью входят индивиды, крайне негативно относящиеся к утвердившимся порядкам, которые либо не верят в возможность с помощью избирательных бюллетеней внести коррективы в проводимую политику, либо рассматривают воздержание от участия в избирательном процессе как форму негативного политического действия[213].

Первая группа, составляя обычно до 15% всех имеющих право голоса, прослеживается практически во всех странах, где регулярный избирательный процесс не подвергается сознательным искажениям. Вторая — наиболее весомо представлена в государствах со сравнительно стабильными общественными устоями. Третья — типична для обществ, находящихся в глубоком кризисе или переживающих серьезные политические потрясения.

Хотя по данным переписи населения страны в 2002 г. в ЮФО проживает 15,8% населения страны, доля электората ЮФО по отношению к России в целом не может быть точно равной этому уровню. Это касается как всего избирательного корпуса (то есть тех, кто внесен в списки граждан, имеющих право голоса, включая тех, кто этим правом не воспользовался), так и активного электората.

Относительно количества избирателей, внесенных в списки, их количество в ЮФО составляет меньшую долю от всего российского избирательного корпуса. Так, на парламентских выборах в 1995 г. на Юге России в списки было включено 15 млн. 105,5 тыс. избирателей, что

составило 14,1% от общего количества избирателей России. На парламентских выборах в 2007 г. в регионах Южного федерального округа в списки избирателей было включено 15 млн. 759,6 тыс. чел., что составило 14,5% от всего корпуса избирателей в России.

Данные переписи 2002 г. вызывают недоумение в связи с тем, что доля активных избирателей, приходящихся на ЮФО, меньше доли населения ЮФО в населении страны. Учитывая, что на Юге России явка выше, чем в среднем по стране, это обстоятельство вызывает очевидное противоречие. Можно предположить, что не только доля избирателей, внесенных в списки, но и в целом население Юга по отношению к России в целом составляют менее 15,8%.

Из 13 субъектов федерации Юга России на пять так называемых «русских» регионов (так можно для удобства называть не-национальные регионы — три области и два края ЮФО) приходится около трех четвертей всех зарегистрированных избирателей. Таким образом, основную массу избирателей и главные электоральные результаты в округе обеспечивают «русские» регионы. Иное дело — если в национальных республиках поддержка иных партий подчас в разы выше, чем в «русских» регионах, то тогда это оказывает большое влияние на картину голосования по ЮФО в целом.

Доля «русских» регионов в избирательном корпусе Юга сокращается. На выборах 1995 г. на пять «русских» регионов приходилось 77% от всех зарегистрированных избирателей Юга — 11602,5 тыс. чел. В 2007 г. их доля сократилась до 74,6%, хотя в абсолютном исчислении количество возросло до 11758,8 тыс. чел., то есть на 1,3%.

Численность зарегистрированных избирателей в национальных республиках за 12-летний отрезок возросла в абсолютном исчислении с 3503 тыс. до 4000,8 тыс. чел., то есть на 14%.

Среди пяти «русских» регионов в четырех произошло увеличение количества граждан, занесенных в списки избирателей в сравнении федеральных выборов 1995 и 2007 гг. Наибольший прирост зафиксирован в Ставропольском крае — количество зарегистрированных избирателей возросло на 4,9%, в Астраханской области — на 3,1%, в Ростовской области на 1,2%, в Краснодарском крае — на 0,08%. В Волгоградской области в интервале федеральных выборов 1995–2007 гг. численность занесенных в списки избирателей немного сократилась (на 0,02%). Следует отметить, что именно Астраханская область и Ставропольский край, имеющие наибольший прирост, являются основными объектами миграции населения с республик Северного Кавказа.

Количество занесенных в списки избирателей Ингушетии возросло на 45%, Дагестана на 24%, Чечни — на 18%, Северной Осетии — на 13%, Карачаево-Черкесии — на 6%, Калмыкии — на 4,2%, Кабардино-Балкарии — на 2,4%. Из всех национальных республик ЮФО только в

Адыгее количество занесенных в списки избирателей уменьшилось — на 2%. Обратим особое внимание на то, что самые большие темпы прироста избирателей наблюдаются в республиках, имеющих наименьшую долю русского населения и наиболее ярко выраженные этнические особенности электорального поведения граждан. Таким образом, уже при поверхностном взгляде очевидно, что данные процессы изменения численности зарегистрированных избирателей работают на углубление межрегиональных различий политической культуры в целом и электорального поведения в частности.

Электорат национальных республик догоняет «русские» регионы не только по темпам своего количественного увеличения, но и по активности, то есть отличается особо высокой явкой.

Явка на федеральных выборах в Южном федеральном округе практически всегда выше, чем в среднем по России. На парламентских выборах в 1995 и 1999 гг. явка по Югу была в целом на 1 пункт выше, чем по России (в 1995 г. соответственно 65,5% и 64,4%, в 1999 г. — 62,5% и 61,7%), а в дальнейшем эта разница возросла. В 2003 г. — до двух пунктов (57,5% и 55,3%), в 2007 г. — до пяти (68,6% и 63,7%).

Такой результат обеспечивается, прежде всего, особенно высокой явкой в северокавказских республиках. «Русские» же субъекты федерации ЮФО не сильно отличаются от показателя явки от среднего по стране показателя. У «русских» регионов» здесь нет последовательной черты — на отдельных выборах часть из них дают большую явку, чем в среднем по стране, другая часть — меньшую явку. При этом состав «отстающих» непостоянен.

Разрыв по показателям явки между «русскими» регионами и национальными республиками с середины 1990-х гг. только нарастает. В 1995 г. в «русских» регионах ЮФО явка составила 64,7% (почти на уровне России в среднем), в национальных республиках 67,9%. В 2007 г. в национальных республиках ЮФО явка составила 82,3%, а в «русских» регионах — 62,5% (то есть даже ниже, чем в среднем по стране).

В итоге на протяжении федеральных избирательных кампаний с середины 1990-х гг. сокращается доля активного электората «русских» субъектов федерации ЮФО и увеличивается доля национальных республик в общей численности активного электората Юга России. Так, в 1995 г. на долю национальных республик приходилось 24% от активного электората Юга России, а на выборах 2007 г. — уже 32% от всей численности избирателей ЮФО, принявших участие в голосовании. Соответственно доля «русских» субъектов федерации упала с 76% до 68%.

По «русским» регионам ЮФО на протяжении федеральных кампаний с середины 1990-х гг. была характерна та же динамика, что и для России в целом — после низкой явки в 1993 г. произошел резкий взлет явки в 1995 г., после этого — сокращение явки на протяжении двух последую-

щих электоральных циклов, и в кампанию 2007 г. резкий подъем явки приблизительно до уровня 1995 г. Таким образом, в «русских» регионах ЮФО уровень явки в 1995 и 2007 г. приблизительно одинаков (прежде всего, в Ростовской и Астраханской областях).

Среди национальных республик наиболее значительные темпы прироста явки в 2007 г. по сравнению с 1995 г. зафиксированы в Ингушетии — на 40 пунктов, в Чечне — на 32 пункта, в Карачаево-Черкесии — на 31 пункт, в Кабардино-Балкарии — на 29 пунктов, в Дагестане — на 20 пунктов. Уровень явки сократился в республиках Адыгея и Северной Осетии (самых «русских» среди северокавказских республик) и Калмыкии (которая по электоральному поведению гораздо ближе к русскому, чем к кавказскому и тюркскому населению). Нельзя не отметить, что самые большие темпы прироста явки — в республиках с наименьшей долей русского населения и максимально отличающихся от «русских» регионов по электоральному поведению.

Республики Северного Кавказа значительно увеличили свою роль в электорате Юга России как за счет впечатляющего количественного увеличения избирательного корпуса, так и за счет увеличения явки. В итоге это приводит к изменению позиций и роли регионов в электоральном пространстве Юга. Например, если в 1995 г. проголосовавшие избиратели Дагестана составили только 8,5% от активного электората Юга России, то в 2007 г. доля Дагестана в активном электорате ЮФО возросла до 12,1%. У Ингушетии темпы увеличения доли в активном электорате Юга вообще более чем двукратные — с 0,7% в 1995 г. до 1,5% в 2007 г.

Таким образом, по регионам ЮФО существует устойчивое и значительное различие между количеством зарегистрированных избирателей и активным электоратом. Население пяти «не-национальных» субъектов ЮФО, составляя на федеральных выборах 2007 г. 74,6% избирательного корпуса ЮФО, среди активного электората ЮФО составляют только 68%. При этом территориальное различие уровня явки со временем только возрастает, что является еще одним параметром углубляющейся дифференциации электорального поведения местного населения.

3.2. Электоральная поддержка КПРФ на Юге России

Юг России — это макрорегион с очевидными левыми симпатиями. Они проявляются при голосовании на федеральных выборах — и в «русских» субъектах федерации, и в национальных республиках КПРФ обычно по-

лучала более высокую поддержку, чем в среднем по России. Левые симпатии выявлены и на региональных и местных уровнях. В частности в 1996 г. в ряде регионов к руководству пришли коммунисты. В частности, это три из пяти «русских» регионов Юга России — Краснодарский и Ставропольский края, Волгоградская область.

На парламентских выборах 1995 г. КПРФ получила на Юге 2785,3 тыс. голосов, что составило 28,4% от общего количества действительных бюллетеней. Это очень большое превышение среднероссийского результата (22,3%). Коммунисты получили более высокую поддержку, чем в среднем по стране, практически во всех регионах Юга, кроме трех республик — Чечни, Ингушетии и Калмыкии. В результате такого расклада Юг России обеспечил 18% всего российского электората КПРФ (на четыре пункта больше доли Юга в активном электорате России на этих выборах). Из 13 субъектов федерации Юга в 11 КПРФ заняла первое место — исключение составили только Чечня и Ингушетия, пропустившие вперед правительственный «Наш дом — Россия».

На президентских выборах 1996 г. в первом туре коммунист Г.А. Зюганов получил на Юге 4455,4 тыс. голосов. Это в среднем по Югу 40,7% голосов при 32% в среднем по стране. Так же это число составило 18,4% от всего российского электората Зюганова. Коммунист занял первое место в 9 регионах Юга, в том числе во всех «русских» субъектах федерации. Среди национальных республик Зюганов победил Ельцина в Адыгее, Дагестане, Карачаево-Черкессии и Северной Осетии. Во втором туре президентских выборов 1996 г. Г.А. Зюганов победил в 6 регионах — Адыгее, Северной Осетии и четырех «русских» регионах (кроме Ростовской области). В промежутках между двумя турами коммунистический электорат загадочными образом сократился в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии и Карачаево-Черкесии. Президентские выборы 1996 г. знаменательны еще и тем, что единственный раз за всю современную историю коммунисты преодолели 50%-рубеж; это произошло сразу в 7 регионах Юга из 13, в том числе в 3 из 5 «русских» регионов — это Краснодарский и Ставропольский края и Волгоградская область. Интересно, что на губернаторских выборах, которые состоялись несколько позже в том же 1996 г., именно в этих трех регионах победили представители КПРФ.

На парламентских выборах 1999 г. КПРФ получила на Юге 3 млн. голосов, что в среднем по Югу составило 32,5% при среднем результате КПРФ по стране 24,3%. Регионы Юга обеспечили КПРФ 18,6% ее совокупного электората по России. Электорат КПРФ возрос по сравнению с 1995 г. во всех 5 «русских» регионах. Не смотря на значительный рост поддержки по сравнению с предыдущими парламентскими выборами, это голосование подорвало господство партии на электоральном пространстве Юга страны. КПРФ заняла первое место в 7 из 12 регионов (Чечня не голосовала). Из «русских» регионов КПРФ сохранила первен-

ство в Краснодарском и Ставропольском краях и Волгоградской области, из республик — в Адыгее, Дагестане, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии. Если же суммировать электорат «Единства» и «Отечества — Всей России», по КПРФ опередила эту совокупную партию власти только в 4 регионах — Краснодарском крае, Адыгее, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии. Таким образом, выборы 1999 г. ознаменовали кризис «красного пояса» Юга.

Исчезновение «красного пояса» ознаменовали президентские выборы в 2000 г. Коммунист Зюганов проиграл Путину во всех регионах Юга. Почти везде отрыв от нового главы государства был огромен. Произошло многократное сокращение коммунистического электората в национальных республиках — Дагестане, Северной Осетии, Ингушетии. В регионах Юга Зюганов собрал 3,5 млн. голосов — на пятую часть меньше, чем в первом туре в 1996 г. В среднем по Югу у него было 31,6% (по России — 29,2%). На президентских выборах 2000 г. Юг перестал быть главным двигателем рейтинга коммунистов — на сей раз Юг дал менее 16% общероссийского количества голосов за Зюганова.

Выборы 2003 г., как и по всей стране, стали крахом позиций коммунистов. В абсолютном исчислении КПРФ получила менее половины, от того, что имела на предыдущих парламентских выборах, — 1,35 млн. голосов. Говоря точнее, это 39% от поддержки КПРФ в 1999 г. или 49% от поддержки в 1995 г. Коммунисты обнаружили абсолютную неконкурентоспособность перед партией власти. КПРФ проиграла «Единой России» во всех регионах Юга. Только в Волгоградской и Астраханской областях отставание было менее чем 2-кратное. В Ингушетии отставание было 57-кратное. При этом Юг вновь дал высокую долю относительного общероссийского электората КПРФ — почти 18%. В среднем по Югу коммунисты получили 15,4% голосов (по России — 12,7%). В Волгоградской области результат, полученный КПРФ, был третьим по величине среди всех регионов России[214]. Именно в 2003 г. проявился обвал электоральной поддержки КПРФ в «управляемых» регионах. Известную роль в этом сыграл и административный ресурс. Например, в Кабардино-Балкарии по сравнению с предыдущим голосованием поддержка компартии снизилась с 23,8% до 6,8%.

Президентские выборы 2004 г. только подчеркнули кризис коммунистического дела. Средний по Югу рейтинг кандидата от КПРФ Н.М. Харитонова (14%) почти не отличался от среднего показателя по всей стране (13,7%). Представитель компартии получил на Юге 1,5 млн. голосов — это 44% от уровня поддержки Зюганова в 2000 г. Юг дал 16% общероссийского электората Харитонова. Следует подчеркнуть, что во всех национальных республиках результаты поддержки Харитонова были особенно низки — в 7 республиках средний рейтинг представителя КПРФ был 5%. Еще недавно Северный Кавказ считался оплотом коммунистических сил.

Таблица 7. *Электоральная поддержка КПРФ в регионах Юга России на выборах Государственной Думы ФС РФ и Президента РФ в 1995–2007 гг.*

	Доля голосов за КПРФ в 1995 г.	Доля голосов за Г.А. Зюганова в 1996 (1 тур)	Доля голосов за Г.А. Зюганова в 1996 (2 тур)	Доля голосов за КПРФ в 1999 г.	Доля голосов за Г.А. Зюганова в 2000 г.	Доля голосов за КПРФ в 2003 г.	Доля голосов за Н.М. Харитонова в 2004 г.	Доля голосов за КПРФ в 2007 г.
Ростовская обл.	27%	35%	44,2%	28,9%	33%	14,9%	14,2%	10,5%
Волгоградская обл.	28,1%	40%	50,5%	30,2%	33,9%	19,8%	22%	15,7%
Ставропольский край	28,8%	43,9%	54%	31,9%	36,4%	13,9%	21,3%	11,1%
Краснодарский край	24,4%	39,4%	51,5%	36,8%	37,4%	17,4%	19,3%	14,4%
Астраханская обл.	24%	36,5%	47,8%	26,5%	26,7%	16,5%	18,3%	9,7%
Дагестан	43,6%	63,2%	44,3%	37,6%	16,4%	18,5%	3,8%	8,7%
Адыгея	41,1%	51,5%	60,5%	39,4%	44,5%	14,8%	14,1%	12,2%
Ингушетия	5,1%	24,5%	15,5%	1,9%	4,6%	1%	0,5%	0,1%
Кабардино-Балкария	23,7%	37,3%	33,2%	24,2%	20%	6,8%	2,2%	1,7%
Калмыкия	17,9%	25,7%	26,7%	25,8%	32,2%	10,6%	11,1%	11,7%
Сев. Осетия	51,7%	62,3%	52,8%	42,1%	28,5%	15,1%	6,3%	10,9%
Карачаево-Черкесия	40%	55,2%	46,2%	40,8%	34,8%	13,2%	11,5%	3,7%
Чечня	11,4%	16,3%	21,5%	-	22,8%	1,8%	2,3%	0,1%
ВСЕГО ПО РОССИИ	22,3%	32%	40,3%	24,3%	29,2%	12,7%	13,7%	11,6%

В 2007 г. КПРФ получила в ЮФО в среднем 10,5% голосов. По отношению к совокупному российскому электорату коммунистов на этих вы-

борах Юг дал 1134 тыс. голосов, или 14% избирателей. Таким образом, впервые Юг России дал меньшую долю российского электората КПРФ, чем дал долю российского активного электората в целом. Впрочем, «виноваты» в этом только национальные республики. В национальных республиках средняя поддержка КПРФ составила 5,9% голосов, а в «русских» субъектах федерации — более чем в два раза выше, 12,6% (выше, чем в среднем по стране).

Межрегиональные различия поддержки КПРФ на Юге России

На уровне регионов Юга России территориальное различие поддержки КПРФ не очень значительно, если не считать нескольких национальных республик. Такое исключение составляют, прежде всего, Ингушетия и Чечня, где коммунисты всегда имели исключительно низкий уровень поддержки на выборах. Недалеко от них находится и Кабардино-Балкария. Как известно, республики Северного Кавказа отличаются совершенно специфическим электоральным поведением. Поэтому и другие республики по отношению к КПРФ дают значительные отклонения.

Амплитуда вариации поддержки КПРФ на выборах 1995 г. по Югу России составляла 38,1% (43,6% в Дагестане минус 5,1% в Ингушетии), в 1999 г. — 39%, в 2003 г. — 17,5%. Показатель амплитуды вариации в нашем случае не представляют особой эвристической пользы; он касается только крайних случаев, в то время как большинство регионов Юга имеют умеренные показатели.

Для определения неравенства распределения поддержки среди всего множества данных используется статистический коэффициент вариации (V).

На парламентских выборах 1995 г. коэффициент вариации по 13 регионам Юга составил 45%, в 1999 г. — 34%, в 2003 г. — 46%, в 2004 г. — 60%. Как можно убедиться, это очень большие числа, они подчеркивают территориальную неоднородность политического поля Юга страны. Тем не менее, в отношении к КПРФ коэффициент вариации намного меньше (примерно в два раза), чем по отношению к ЛДПР или либералам. Как это не будет странно звучать (с точки зрения теории статистики), но по сравнению с другими партиями отношение населения регионов Юга России к КПРФ следует признать относительно однородным. Но дифференциация отношения регионов к этой партии нарастает, так же, как и по отношению к другим идеологическим партиям.

Среди пяти «русских» регионов Юга поддержка КПРФ однородна без всяких оговорок. По итогам парламентских выборов 1995 г. коэффициент вариации составил 7%, в 1999 г. — 11%, в 2003 г. — 12%, в 2007 г. — 19%. Тем не менее, и среди этих пяти регионов территориальные разли-

чия в отношении населения к КПРФ устойчивы. Почти на всех федеральных и региональных выборах наименьшую поддержку компартия получает в Ростовской области, после которой следует назвать Астраханскую область. Вспомним, что именно в этих двух «русских» субъектах федерации, в отличие от трех других, в 1996 г. Г.А. Зюганов получил менее 50% голосов и коммунисты не победили на губернаторских выборах. На парламентских выборах 2007 г. опять таки именно в Ростовской и Астраханской областях среди пяти «русских» регионов у КПРФ был худший результат.

Таким образом, Волгоградская область, Краснодарский и Ставропольский края опережают их по уровню поддержки коммунистов. При этом наиболее расположенной к компартии регионами «русского» Юга следует признать, все-таки, Волгоградскую область.

Среди национальных республик Северного Кавказа поддержка КПРФ более вариативна. По итогам выборов 1995 г. коэффициент вариации здесь составил 54%, в 1999 г. — 44%, в 2003 г. — 59%, в 2007 г. — 78%. Северный Кавказ дает примеры полярного отношения избирателей к компартии. Если в Ингушетии и Чечне у КПРФ самая плохая поддержка в масштабе всей страны, то Дагестан обычно дает КПРФ лучший результат в пределах Южного федерального округа. Помимо Дагестана, высокий уровень поддержки коммунистов в Адыгее и Северной Осетии.

Устойчивость территориальных различий рейтинга КПРФ высока.

Рассмотрим корреляцию между результатами голосования за КПРФ по регионам Южного федерального округа. Непосредственным объектом корреляции выступит степень поддержки (в процентах).

Линейная корреляция между результатами поддержки КПРФ по регионам Юга на парламентских выборах 1995 и 1999 гг. — 0,889; между двумя турами президентских выборов 1996 г. — 0,73, между выборами 1999 и 2003 гг. — 0,767, между выборами 2003 и 2004 гг. — 0,7, между выборами 2003 и 2007 гг. — 0,85.

Устойчивость территориальных различий электоральной поддержки КПРФ можно увидеть в ранжировании территорий по степени поддержки компартии. В табл. представлены ранги, которые занимали по этому показателю субъекты федерации Юга на федеральных выборах с 1995 г.

Как можно увидеть по этой таблице, у большинства регионов ранги отношения к КПРФ сильно менялись. Наибольшая устойчивость рангов прослеживается у регионов с отрицательным отношением к коммунистам. Чечня и Ингушетия почти всегда занимают два последние места на Юге страны по уровню поддержки коммунистов. Например, Ингушетия почти на всех выборах занимает последнее место по степени поддержки коммунистов (кроме первого тура президентских выборов 1996 г.). К ним примыкает Кабардино-Балкария. Она так же, как и Чечня, имеет ранг в интервале межу 10 и 12 по степени поддержки коммунистов на Юге России.

Таблица 8. *Ранжирование регионов Юга по уровню поддержки КПРФ на федеральных выборах 1995–2004 гг.*

	Выборы в Государственную Думу в 1995 г.	Выборы Президента РФ в 1996 (1 тур)	Выборы Президента РФ в 1996 (2 тур)	Выборы в Государственную Думу в 1999 г.	Выборы Президента РФ в 2000 г.	Выборы в Государственную Думу в 2003 г.	Выборы Президента РФ в 2004 г.	Выборы в Государственную Думу в 2007 г.
Адыгея	3	4	1	3	1	7	6	3
Астраханская обл.	9	9	6	9	9	4	4	8
Волгоградская обл.	6	6	5	7	5	1	1	1
Дагестан	2	1	8	4	12	2	10	9
Ингушетия	13	12	13	12	13	13	13	13
Кабардино-Балкария	10	8	10	11	11	11	12	11
Калмыкия	11	11	11	10	7	10	8	4
Карачаево-Черкесия	4	3	7	2	4	9	7	10
Краснодарский край	8	7	4	5	2	3	3	2
Ростовская обл.	7	10	9	8	6	6	5	7
Сев. Осетия	1	2	3	1	8	5	9	6
Ставропольский край	5	5	2	6	3	8	2	5
Чечня	12	13	12	-	10	12	11	12

Устойчивость рангов измеряется при помощи коэффициента корреляции рангов.

Сравнивая ранги регионов по уровню поддержки КПРФ, мы обнаружим сильную взаимосвязь. Между рангами результатов голосования в 1995 и 1999 г. коэффициент корреляции рангов очень велик — 0,923, ме-

жду парламентскими выборами 1995 г. и первым туром президентских выборов 1996 г. — 0,931, между двумя турами президентских выборов 1996 г. — 0,622. По дальнейшим выборам корреляция рангов падает. Корреляция рангов между парламентскими выборами 1999 и 2003 гг. — 0,443, между парламентскими выборами 2003 г. и президентскими выборами 2004 г. — 0,559.

Внутрирегиональные различия поддержки коммунистов

Рассмотрим взаимосвязь между результатами поддержки КПРФ на более низком уровне — на уровне окружных избирательных комиссий. По 22 избирательным округам корреляция между результатами голосования 1995 и 1999 гг. очень высокая — 0,905, между результатами 1999 и 2003 гг. 0,661. Таким образом, степень взаимосвязи выше, чем на уровне регионов.

В рамках отдельно взятого субъекта федерации устойчивость районных различий поддержки КПРФ так же очень высокая.

В Астраханской области корреляция между результатами голосования за КПРФ в 1995 и 1999 гг. по 16 районам — 0,905. Корреляция между результатами 1999 и 2003 гг. — 0,876, между двумя турами президентских выборов 1996 г. — 0,944. Таким образом, и в случае с КПРФ взаимосвязь значительно возрастает при более низком уровне анализа.

В Волгоградской области корреляция результатов голосования за КПРФ по районам области так же высокая. Между результатами голосования за КПРФ в 1995 г. и за Г.А. Зюганова в первом туре президентских выборов в 1996 г. корреляция составила 0,82, между результатами голосования 1995 и 1999 гг. — 0,72, 1999 и 2003гг. — 0,78. Наибольшей была корреляция голосования за КПРФ в 1999 г. и за Г.А. Зюганова в президентской кампании 2000 г. — 0,95. Избирательный цикл 2007–2008 гг. привел к перелому. Корреляция результатов голосования за КПРФ по районам Волгоградской области между выборами 2003 и 2007 г. всего 0,33, а между 2007 и 1999 гг. вообще 0,16.

В Ростовской области корреляция результатов голосования за КПРФ по районам в 2003 и 2007 гг. составила 0,65. Наиболее высокой была корреляция голосования за КПРФ в 1995 г. и за Г.А. Зюганова в первом туре выборов 1996 г. — 0,75. Между результатами выборов 1995 и 1999 гг. корреляция по районам области была 0,57, выборов 1999 и 2003 гг. — 0,61.

На уровне районов высока так же корреляция рангов.

Среди районов Астраханской области корреляция рангов по поддержке коммунистов очень велика. Корреляция рангов между результатами выборов 1995 и 1999 гг. составляет 0,797. Корреляция рангов 16 районов области между результатами парламентских выборов 1995 г. и президентскими выборами 1996 г (в первом туре) 0,888. Корреляция рангов

между двумя турами — 0,944. Очень велика и корреляция рангов при сравнении результатов парламентских выборов 1999 и 2003 гг. — 0,9. Низкая корреляция рангов между голосованиями за КПРФ на парламентских выборах 2003 г. и за Н.М. Харитонова в 2004 г. — 0,694. Корреляция между результатами голосований 2003 и 2007 гг. оказалась еще меньшей — 0,46.Но в целом взаимосвязь не должна вызывать сомнений.

В Астраханской области есть четыре района, которые очень долго не меняли свой ранг поддержки КПРФ вообще. Например, город Знаменск во всех семи федеральных избирательных кампаниях 1995–2004 гг. (включая два тура в 1996 г.) занимал только последнее, 16-е место. Кировский район в 1995–2004 гг. занимал 15-е место, Советский — 14-е, Ленинский — 13-е. Еще один район, Трусовский, в шести кампаниях занимал 12-е место и однажды был 11-м. Таким образом, в Астраханской области самую большую устойчивость рангов по поддержке коммунистов сохраняют именно «антикоммунистические» районы.

Абсолютная устойчивость рангов перечисленных районов имеет еще одну особенность. Дело в том, что на отдельно взятых выборов разница в поддержке коммунистов здесь очень невелика — зачастую в пределах одного-двух процентов. Поэтому при первом взгляде такое различие может показаться пренебрежимо малым и неустойчивым. Однако, оно совершенно устойчиво. На иерархию рангов не повиляли даже огромные изменения в электоральной базе КПРФ, произошедшие с конца 1990-х гг.

В Волгоградской области корреляция рангов районов по уровню поддержки КПРФ до 2007 г. так же была очень высокой. Корреляция рангов районов по результатам выборов 1995 и 1996 гг. (первый тур) была 0,845, 1995 и 1999 гг. — 0,74, 1999 и 2000 гг. -0,924, 1999 и 2003 гг.- 0,718.

В Ростовской области корреляция рангов районов по степени поддержки коммунистов была невелика. По результатам выборов 1995 и 1999 гг. корреляция рангов составляла 0,54, выборов 1999 и 2003 гг. — 0,56.

Нарушение устойчивых различий наблюдается только на парламентских выборах 2007 г. Прежде всего, это связано с разрушением электората идеологических партий в сельских районах, которые до этого были основой поддержки коммунистов. Таким образом, коммунистический электорат в этих районах в 2007 г. резко сократился, городские же избиратели оказались намного устойчивее. В итоге это привело к радикальным изменениям в ранговой шкале.

Субъективный фактор деятельности политиков

Среди всех идеологических партий только компартия обладала серьезной организацией и партийным активном, таким образом, сама деятельность

партийных организаций была важным фактором, оказывающим влияние на электоральные результаты.

Во всех регионах Юга отделения коммунистической партии были нейтрализованы и после 1990-х гг. не представляли реальной угрозы для захвата власти. При этом в разных регионах методы нейтрализации КПРФ были различны — от ожесточенной борьбы до «удушения в объятьях».

В Ростовской области применена наиболее жесткая тактика подавления политической угрозы со стороны левой оппозиции. В этой борьбе консолидировано принимали участие центристские партии власти и либералы. В региональном парламенте против депутатов от КПРФ применялись методы прямой дискриминации — все они в 1990-е гг. были лишены права работать на освобожденной основе. В 2000 г. лидер ростовских коммунистов был отстранен от участия в губернаторских выборах. Кульминацией этого противостояния считается убийство агитатора от КПРФ в ходе одной из предвыборных кампаний.

В 2004 г. лидер ростовских коммунистов Л.А. Иванченко (один из лидеров КПРФ в масштабе всей России) принял участие в событиях, связанным с попыткой переворота в партии, на стороне группы В. Тихонова и Г. Семигина. В итоге он покинул КПРФ и стал заместителем В.И. Тихонова в ВКПБ, возглавил ростовское отделение партии и обрушился с критикой на бывших однопартийцев «слева». Данные события так же деморализовали коммунистический электорат.

После ухода Иванченко парторганизацию области возглавил Виктор Коломейцев. В течение короткого срока он сначала проиграл на выборах мэра Батайска (получив 25% голосов), затем — на довыборах в федеральную Государственную Думу (21%). Новое руководство парторганизации КПРФ продемонстрировало неспособность решать большие задачи в политике.

В Астраханской области противостояние КПРФ и местной «партии власти» не отличалось ожесточенностью ни с той, ни с другой стороны. Только на губернаторских выборах 1996 г. коммунисты бросили вызов действующей власти. Лидер астраханских коммунистов В.П. Зволинский выступил против губернатора А.П. Гужвина и получил 40% голосов. Вскоре после этого Зволинский расстался с оппозицией и сегодня участвует в «Единой России». Преемник его на посту руководителя парторганизации КПРФ Н.В. Арефьев не пытался создать даже видимость борьбы с властью. В частности, он активно поддерживал мэра Астрахани И.А. Безрукавникова, а на губернаторских выборах в 2004 г. КПРФ поддержала не имевшего никаких шансов предпринимателя И.А. Негерева. Оппортунистическая тактика астраханских коммунистов очевидна для избирателей благодаря наличию у них сильнейшего критика слева — самого популярного публичного политика области О.В. Шеина. Таким образом, пассивная политика астраханских коммунистов привела к переориентации левого электората области на иные оппозиционные силы. В 2007 г. КПРФ получила в Астраханской области са-

мую низкую поддержку среди пяти «русских» регионов Юга; но это нельзя трактовать как сокращение поддержки левых в области, поскольку рекордную высокую поддержку получила «Справедливая Россия».

В 1996 г. в трех из пяти «русских» регионов Юга к власти пришли красные губернаторы. В 2000-е гг. в период централизации политического пространства России все трое совершили своеобразный переворот сверху. Они избирались именно как левые руководители.

Глава Кубани Н.И. Кондратенко лично не принял участие в процессе перевода региональной элиты от левой оппозиции к партии власти, уступив губернаторское место А.Н. Ткачеву, осуществившему эту трансформацию.

В Краснодарском крае региональная элита в 1990-е гг. тяготела к КПРФ, что было главной причиной выдающегося электорального результата коммунистов на парламентских выборах в 1999 г. (37%) На тот период это был единственный регион страны, где КПРФ превратилась в полноценную партию власти и успешно контролировала ключевые должности. Тем не менее, в 2000-е гг. ситуация радикально изменилась. Переориентация региональной элиты на «Единую Россию» (где она заняла хорошие позиции) привела к ослаблению позиций коммунистов в местных органах власти и коммунистического электората края в целом. Данный процесс сопровождался и скандалом вокруг коммунистов в 2004 г.

Губернатор Ставрополья стал единственным из «красных» губернаторов Юга, прямо перешедшим в «Единую Россию». Это привело не только в дезорганизации левого движения в крае, но и к падению легитимности региональной власти.

Третий из избранных в 1996 г. «красных» губернаторов, глава Волгоградской области, единственный не обеспечил на своей территории передачу власти «Единой России». И хотя деятельность волгоградского губернатора в составе компартии развития и продолжения не имела, левый электорат в этом регионе оказался наиболее устойчив в ЮФО в период выборов 2003–2007 гг.

3.3. Электоральная поддержка ЛДПР на Юге России

Среди множества политических партий современной России исследование электоральной поддержки ЛДПР может представлять особую ценность для изучения закономерностей политических предпочтений и электорального поведения населения.

Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) является одной из структурообразующих сил политического пространства постсоветской

России. Партия В.В. Жириновского обладает собственным избирателем. По показателю устойчивости электората ЛДПР, вероятно, превосходит все остальные политические организации страны.

ЛДПР относится к державно-патриотическому сектору политического пространства страны. В 1990-е гг. на державно-патриотических позициях выступали так же А.В. Руцкой, А.И. Лебедь. Вопреки распространенному мнению, державно-патриотические силы обладают достаточно последовательной системой взглядов, касающихся, главным образом, роли государства, внешнеполитической и национальной проблематики. Следовательно, эти силы достаточно четко ориентированы на сторонников данных взглядов, и их электоральная политика отнюдь не аморфна.

А.П. Страхов указал на то, что В.В. Жириновский в 1993 г., А.И. Лебедь в 1995–1996 гг. и «Единство» в 1999 г. имели общий электорат («избиратели-государственники»), что подтвердил ссылкой на аргументы корреляционного анализа по территориям. Такой электорат, по его мнению, «не имеет ясных идеологических ориентиров в политике, за исключением этатизма». Сам А.П. Страхов в 2000 г. увидел в «электорате государственников» объективную перспективную основу для партии власти и центристов.

Независимо от того, насколько предвыборная политика ЛДПР целенаправленна, электорат ЛДПР является объективным устойчивым феноменом социума, существующим по определенным закономерностям. Это отчетливо видно на примере политических предпочтений населения Южного федерального округа (ЮФО).

Южный федеральный округ в определенной степени можно рассматривать как модельный регион электоральной географии всей России. В особенности это касается отношения избирателей к ЛДПР. В среднем по Югу России ЛДПР получает уровень поддержки, очень близкий к результату в целом по России. При этом территориальная дифференциация отношения избирателей ЮФО к ЛДПР очень сильная, повторяющая модель дифференциации отношения к ЛДПР в целом по стране.

Динамика изменения поддержки ЛДПР на Юге России в 1995–2007 гг.

В период с 1995 по 2007 гг. электоральная поддержка ЛДПР на Юге страны менялась в тех же тенденциях, что и по всей стране.

На выборах в Государственную Думу в 1995 г. на Юге России ЛДПР получила ровно столько же, сколько и в среднем по стране — 11,2% голосов. При этом по регионам ее рейтинг разнился от 1% в Дагестане до 16,7% в Астраханской области. Всего в 13 регионах Юга ее поддержали 1097 тыс. человек. Это 14,2% относительно общего числа голосов, собранных ЛДПР в масштабе всей страны. Из этих избирателей львиная до-

ля — 1 млн. человек, то есть 91% — приходится на пять «русских» регионов Юга.

На 8 национальных республик пришлось 97 тыс. голосов, то есть менее 9% электората ЛДПР на Юге России. В среднем в национальных республиках Юга поддержка ЛДПР составила 4,1% голосов. На долю Калмыкии, Северной Осетии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии пришлось 72,8 тыс., а на долю Дагестана, Ингушетии, Чечни и Кабардино-Балкарии — 14 тыс. избирателей ЛДПР. Это, соответственно 7% и 1,3% электората ЛДПР на Юге России.

На последующих федеральных выборах рейтинг ЛДПР на Юге был ниже среднего по стране. Связано это, во многом, с увеличением электоральной активности (явки) населения северокавказских республик и уменьшением удельного веса русских избирателей.

На выборах в Государственную Думу в 1999 г. поддержка Блока Жириновского, выступившего вместо ЛДПР, на Юге России составила всего 4,5% голосов (по России — 6%). Даже в одном «русском» регионе Юга — Краснодарском крае — избирательное объединение не преодолело 5-процентный барьер. В 12 регионах Юга ЛДПР поддержали 412,3 тыс. избирателей — на 63% меньше, чем за четыре года до этого голосов собрала ЛДПР. По России в целом падение численности электората партии Жириновского составило 48%. В итоге роль Юга России в общероссийском электорате Блока Жириновского сократилась — Юг дал всего 10% от общероссийского избирательного корпуса этого объединения (малая величина, если иметь в виду, что на Юге проживают около 15% избирателей России). Как и в 1995 г., в пяти «русских» регионах Юга оказалось 91% электората партии Жириновского на всем Юге.

На парламентских выборах в 2003 г. ЛДПР собрала на Юге в среднем 9,8% голосов — значительно меньше, чем в среднем по России (11,5%). В 13 регионах ЮФО ЛДПР получила 868 тыс. голосов — за четыре года ее электорат возрос на 110% (в среднем по стране — на 74%). Соответственно, и подтянулась роль южного электората в структуре общероссийского электората партии. Теперь Юг дал почти 13% всего электората ЛДПР по России. Наряду с этим, увеличился разрыв в поддержке ЛДПР между «русскими» регионами и национальными республиками. Теперь пять «русских» регионов дали 93% всего электората ЛДПР на Юге.

На парламентских выборах в 2007 г. в ЮФО ЛДПР получила в среднем 5,2% голосов при 8,1% в среднем по России. Это было максимальное за все состоявшиеся выборы отставание уровня поддержки ЛДПР в ЮФО от среднего по России уровня (почти на 3 пункта).

Таким образом, результаты голосования за ЛДПР по Югу России в целом кардинально не отличаются от общероссийской картины. То же самое можно сказать и о результатах голосования за кандидатов от ЛДПР на президентских выборах 1996, 2000 и 2004 гг.

Таблица 9. *Поддержка ЛДПР на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ и Президента РФ в 1995–2004 гг. на Юге России*

	Кол-во голосов за ЛДПР (тыс.) в 1995 г.	Доля голосов за ЛДПР в 1995 г.	Доля голосов за В.В. Жириновского в 1996 г.	Кол-во голосов за БЖ (тыс.) в 1999 г.	Доля голосов за БЖ в 1999 г.	Доля голосов за В.В. Жириновского в 2000 г.	Кол-во голосов за ЛДПР (тыс.) в 2003 г.	Доля голосов за ЛДПР в 2003 г.	Кол-во голосов за О.А. Малышкина в 2004 г.	Доля голосов за О.А. Малышкина в 2004 г.
Ростовская обл.	225,5	**10,3%**	**4,6%**	105,4	**5,1%**	**2,4%**	202,8	**11,5%**	55,2	**2,3%**
Волгоградская обл.	189,5	**14,7%**	**6,6%**	72,1	**6,3%**	**2,3%**	150,8	**15,2%**	24,8	**2,2%**
Ставропольский край	162	**13%**	**6,2%**	58,3	**5,2%**	**2,1%**	144,6	**15,3%**	28,1	**2,5%**
Краснодарский край	348,1	**15,2%**	**6,4%**	108	**4,9%**	**2,1%**	250,8	**12,6%**	44,5	**1,9%**
Астраханская обл.	74,5	**16,7%**	**7,2%**	30,2	**6,7%**	**2,6%**	53,8	**13,5%**	9,7	**2,2%**
Дагестан	8,2	**1%**	**1,1%**	3,9	**0,4%**	**0,3%**	4,9	**0,4%**	2,1	**0,2%**
Адыгея	20,7	**9,6%**	**5,1%**	9,4	**4,6%**	**1,7%**	16,1	**8,8%**	3,5	**1,4%**
Ингушетия	1,3	**2,1%**	**1,7%**	0,4	**0,5%**	**0,3%**	1,1	**1%**	0,3	**0,2%**
Кабардино-Балкария	10,6	**3,1%**	**1,4%**	5,2	**1,4%**	**0,5%**	8,6	**2,8%**	0,7	**0,1%**
Калмыкия	12,9	**9,6%**	**3,6%**	4	**3,3%**	**1,2%**	6,6	**5,1%**	1,4	**1%**
Сев. Осетия	26,9	**10,2%**	**3,2%**	10,1	**4,4%**	**1,3%**	12,3	**5,6%**	1,3	**0,3%**
Карачаево-Черкесия	12,3	**6,9%**	**2,5%**	5,3	**2,8%**	**1%**	8,3	**5,1%**	1,9	**0,8%**
Чечня	4,6	**1,5%**	**1,4%**	—	—	**2,7%**	7	**1,8%**	2,1	**0,4%**
Всего по Югу России	1097	**11,2%**		412	**4,5%**		868	**9,8%**	175,6	**1,6%**
ВСЕГО ПО РОССИИ	7737	**11,2%**	**5,7%**	3990	**6%**	**2,7%**	6923	**11,5%**	1405	**2%**

Примечание. В 1999 г. избирательное объединение «Блок Жириновского».

Происходит последовательное отдаление уровня электоральной поддержки ЛДПР на Юге России от российского уровня. Это происходит, во-первых, благодаря национальным республикам (здесь в 2000-е гг. разрушается электорат ЛДПР и всех остальных партий, кроме «партии власти»), но так же и за счет «русских» субъектов федерации ЮФО. В последних так же можно проследить растущее отставание поддержки ЛДПР от средних показателей для России.

Межрегиональное неравенство распределения электората ЛДПР

ЛДПР имеет чрезвычайно дифференцированное распределение поддержки по территории Южного федерального округа — от минимальных размеров (в масштабе всей страны) до весьма высоких показателей. Отсюда средний показатель рейтинга партии Жириновского столь же далек от реальности, как пресловутый пример со «средней температурой больных в больнице».

Раскол в рейтинге ЛДПР проходит, во-первых, между группами субъектов федерации (отделяя национальные республики Северного Кавказа от «русских» регионов). Во-вторых, есть и острые внутрирегиональные различия в поддержке Жириновского. Впрочем, и они связаны, главным образом, с национальным составом населения разных районов — например, такие различия очень ярки в Астраханской и Волгоградской областях.

Амплитуда вариации поддержки ЛДПР по регионам Юга России на выборах 1995 г. составила 15,7% (16,7% в Астраханской области минус 1% в Дагестане). В 1999 г. амплитуда — 6,2%, в 2003 г. — 14,3%.

Отношение максимального и минимального результатов в 1995 г. — 16,7, в 1996 г. — 5,8,. в 1999 г. — 15,8, в 2000 г. — 8,6, в 2003 г. — 38,5, в 2004 г. — 25. Ни одна другая политическая сила не имеет такого феноменально большого неравенства степеней поддержки по регионам (у либеральных партий, которые идут по этому показателю вслед за ЛДПР, отношение максимального и минимального результатов в регионах Юга до 2007 г. было менее 10).

Для определения неравенства распределения поддержки среди всего множества данных используется статистический коэффициент вариации (V).

По распределению поддержки ЛДПР по регионам Юга России статистический коэффициент вариации (V) намного превышает порог однородности. На выборах в 1995 г. он составил 60%, в 1996 г. — 54%, в 1999 г. — 58%, в 2000 г. — 70%, в 2003 г. — 70%, в 2004 г. — 75%. Это исключительно большие числа, которых нет ни у одной другой политической силы. Нельзя не обратить внимание на тенденцию к возрастанию вариации.

Статистический коэффициент вариации поддержки ЛДПР в регионах Юга является очень большим благодаря результатам партии именно в

национальных республиках Северного Кавказа. В пяти «русских» регионах Юга (Краснодарском и Ставропольском краях, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях) коэффициент вариации поддержки ЛДПР невелик. На выборах в 1995 г. он составлял всего 16%, в 1999 г. — 13%, в 2003 г. — 11%, в 2004 г. — 9%. В «русских» регионах можно предположить даже выравнивание поддержки ЛДПР, то есть уменьшение коэффициента вариации.

Различие в отношении «русских» регионов и северокавказских республик к ЛДПР является очень большим и возрастающим.

Если брать только пять «русских» регионов Юга, то здесь в среднем ЛДПР в 1995 г. получила 13,3% голосов — ненамного, но больше, чем в среднем по стране. В среднем в национальных республиках Юга поддержка ЛДПР составила 4,1% голосов. В 1999 г. в «русских» регионах Юга поддержка «Блока Жириновского» в среднем была 5,2%, а в национальных республиках — 1,7%.

В 2003 г. в «русских» регионах в среднем ЛДПР поддержало 13% избирателей, в национальных республиках — 2,2%.

Наконец, в 2007 г. в «русских» регионах в 7,1% голосов, в национальных республиках 1,2%.

Таким образом, разница в поддержке ЛДПР между «территориальными» и «национальными» регионами ЮФО была в 1995 г. 3,2 раза, в 1999 г. — 3,1 раза, в 2003 г. — 6 раз, в 2007 г. — 6 раз.

Таким образом, дифференциация между «русскими» регионами и национальными регионами Юга в отношении ЛДПР в 2000-е гг. двукратно возросла. Это так же свидетельствует об углублении территориальных различий в политической культуре на Юге России.

Впрочем, группа национальных республик отдельно от «русских» регионов не может похвастаться равномерным распределением поддержки ЛДПР. Коэффициент вариации поддержки ЛДПР по северокавказским республикам очень высок. В 1995 г. он составлял 68%, в 1999 г. — 65%, в 2003 г. — 69%, в 2004 г. — 80%.

Как мы видим, показатели коэффициента вариации свидетельствуют, что раскол в поддержке ЛДПР проходит не между двумя группами регионов — национальных республик и «русских» регионов — а непосредственно в группе национальных республик. Здесь рейтинг ЛДПР разнится чрезвычайно сильно. Он относительно велик в таких республиках, как Калмыкия, Северная Осетия, Адыгея и Карачаево-Черкесия, а в таких республиках, как Дагестан, Ингушетия, Чечня и Кабардино-Балкария — в несколько раз меньше. Например, в 2007 г. средняя поддержка ЛДПР в Калмыкии, Северной Осетии, Адыгее и Карачаево-Черкесии составила 3,3%, а в Дагестане, Ингушетии, Чечне и Кабардино-Балкарии — 0,4%. Таким образом, различие между этими двумя группами регионов Юга в отношении к ЛДПР было 8,3 раза. На выборах в 1995 г. эта разница была в 6 раз.

Таким образом, по степени поддержки ЛДПР на Юге России выделяются три группы регионов: 1) «русские» субъекты федерации, 2) Калмыкия, Северная Осетия, Адыгея и Карачаево-Черкесия, 3) Дагестан, Ингушетия, Чечня и Кабардино-Балкария. Характерно, что именно эти три зоны электорального поведения можно выделить и по отношению к другим политикам.

На внутрирегиональном уровне распределение поддержки ЛДПР так же неравномерно. По районам Астраханской области статистический коэффициент вариации поддержки ЛДПР на парламентских выборах в 1995 г. составлял 32%, в 1999 г. — 27%, в 2003 г. — 27%.

В Астраханской области на всех выборах ЛДПР получает наименьшую поддержку в районах с максимальной долей тюркского населения — это Володарский и Красноярский районы. В Волгоградской области аналогичный пример дает Палласовский район.

Корреляция результатов голосования за ЛДПР по Югу России

Устойчивость территориальных различий рейтинга ЛДПР феноменальна. Ее можно количественно измерить при помощи метода линейной корреляции (Пирсона).

Рассмотрим корреляцию между результатами голосования за ЛДПР по регионам Южного федерального округа. Непосредственным объектом корреляции выступит степень поддержки (в процентах).

Между результатами голосования за ЛДПР на парламентских выборах 1995 и 1999 гг. коэффициент корреляции — 0,963. Коэффициент корреляции между парламентскими выборами 1999 и 2003 гг. — 0,931. Коэффициент корреляция между результатами парламентских выборов 2003 г. и президентскими выборами 2004 г. (голосование за О.А. Малышкина) — 0,96. Корреляция между регионами ЮФО по уровню поддержки ЛДПР на выборах 2003 и 2007 гг. — 0,962 (что было самым большим показателем среди всех партий).

Как можно видеть, взаимосвязь между результатами голосований невероятно тесная. Это тем более удивительно, что в период с 1995 по 2004 гг. масштаб электората ЛДПР изменялся динамичными темпами — сначала в сторону сокращения, затем — в сторону увеличения.

Рассмотрим взаимосвязь между результатами голосования за ЛДПР на более низких территориальных уровнях.

На уровне окружных избирательных комиссий Юга России корреляция между результатами голосования в 1995 и 1999 гг. — 0,87. Между результатами голосования 1999 и 2003 гг. корреляция 0,872.

На уровне районов — территориальных избирательных комиссий — взаимосвязь так же не возрастает. В Астраханской области корреляция

между результатами голосования за ЛДПР в 1995 и 1999 гг. по 16 районам составляет всего 0,555. Между результатами 1999 и 2003 гг. корреляция 0,851; корреляция между результатами голосования за ЛДПР в 2003 г. и за О.А. Малышкина в 2004 г. — 0,836, корреляция между результатами голосования за ЛДПР в 2003 и 2007 гг. — 0,875.

По районам Волгоградской области корреляция между результатами голосования за ЛДПР на выборах 1995 и 1999 гг. составила 0,55, на выборах 1999 и 2003 гг. 0,68, на выборах 2003 и 2007 гг. 0,447. Между результатами голосования 1995 и 2007 г. корреляция нулевая (минус 0,07). По районам Волгоградской области самая высокая корреляция между результатами голосования за «Блок Жириновского» в 1999 г. и за В.В. Жириновского в 2000 г. и составляет 0,76.

Ранжирование регионов по степени поддержки ЛДПР

Субъекты федерации Юга России могут быть ранжированы по степени поддержки ЛДПР на отдельных выборах. Как можно убедиться, ранги меняются незначительно.

Интересно видеть, что самые устойчивые ранги — у национальных республик. Это, конечно, связано с тем, что вариация поддержки ЛДПР здесь самая широкая, следовательно, большие различия рейтинга партии труднопреодолимы и устойчивы.

При сравнении рангов регионов Юга по порядку поддержки ЛДПР между выборами 1999 г. и 2003 г. коэффициент корреляции рангов чрезвычайно велик — 0,958. Корреляция рангов на Юге России при сопоставлении выборов 1995 и 1999 гг. — 0,926. Коэффициент корреляции рангов между результатами голосования на парламентских выборах 2003 г. (ЛДПР) и президентских выборах 2004 г. (О.А. Малышкин) тоже очень высокий — 0,885.

Можно привести отдельные примеры. Астраханская область занимала первое место по степени поддержки ЛДПР на Юге России в течение трех федеральных избирательных кампаний подряд (1995–1999 гг.), в дальнейшем не опускалась ниже 4-го места. Калмыкия в состоявшихся в 1995–2007 гг. семи кампаниях занимала только 7–8 места. Карачаево-Черкесия занимает почти всегда 8 или 9 места (и всего один раз — 10-е). Самым неудобным для ЛДПР регионом является Дагестан. В трех федеральных кампаниях партия имела здесь самую плохую поддержку, в трех других Дагестан занимал 11 и 12 места. После Дагестана неудобными для ЛДПР следует назвать Чечню, Ингушетию и Кабардино-Балкарию. Ингушетия и Кабардино-Балкария в семи кампаниях занимали по степени поддержки ЛДПР места не выше 10. Это можно было бы сказать и о

Чечне, если бы не невероятный результат в единственной кампании — на президентских выборах 2000 г. В.В. Жириновский получил здесь самую высокую поддержку на Юге России.

Таблица 10. *Ранги регионов Юга России по поддержке ЛДПР на федеральных выборах*

	Ранги регионов в 1995 г.	Ранги регионов в 1996 г.	Ранги регионов в 1999 г.	Ранги регионов в 2000 г.	Ранги регионов в 2003 г.	Ранги регионов в 2004 г.	Ранги регионов в 2007 г.
Ростовская обл.	6	6	4	3	5	2	6
Волгоградская обл.	3	2	2	4	2	4	1
Ставропольский край	4	4	3	6	1	1	3
Краснодарский край	2	3	5	5	4	5	2
Астраханская обл.	1	1	1	2	3	3	4
Дагестан	13	13	12	12	13	11	10
Адыгея	7	5	6	7	6	6	5
Ингушетия	11	10	11	13	12	12	12
Кабардино-Балкария	10	11	10	11	10	13	11
Калмыкия	8	7	8	8	8	7	7
Сев. Осетия	5	9	7	9	7	10	8
Карачаево-Черкесия	9	8	9	10	9	8	9
Чечня	12	12	—	1	11	9	13

Таким образом, большинство регионов Юга России меняют свое положение в ранговой шкале по поддержке ЛДПР незначительно, в пределах узкого диапазона.

Устойчивость рангов по отношению к ЛДПР на более низком уровне стабильна. Например, между районами Астраханской области корреляция рангов по результатам парламентских выборов 1995 и 1999 гг. составляет 0,747. Корреляция рангов по районам области при сравнении

результатов голосования 1999 и 2003 гг. выше — 0,886. Корреляция рангов по районам области при сравнении результатов голосования 2003 и 2007 гг. — 0,847 (среди всех партий немного больше было только у «Единой России»).

Проблема детерминант уровня поддержки ЛДПР

Для такой партии, как ЛДПР, сравнительно легко найти связь между уровнем ее поддержки и какими-либо социально-экономическими факторами.

Прежде всего, определяющим фактором является *национальный состав населения*. По уровню поддержки ЛДПР на той или иной территории можно изучать национальный состав, а именно — долю русского населения. Чем выше доля русского населения, тем большую поддержку получает партия Жириновского. Пять «русских» регионов Юга России всегда лидируют по уровню поддержки ЛДПР, а самый низкий уровень поддержки партия имеет в республиках с самой малой долей русского населения — Ингушетии, Дагестане. Коэффициент корреляции между долей русского населения и долей голосов за ЛДПР по регионам Юга России на выборах в Государственную Думу в 2003 г. не оставляет сомнений — 0,96.

Регрессионный анализ связи между степенью поддержки ЛДПР на выборах 2003 г. и долей русского населения по субъектам федерации Юга определяет коэффициент регрессии 0,16.

Определенное значение имеет *урбанистический фактор*. Его значение проявляется не на уровне субъектов федерации, а на низших уровнях — избирательных округов и территориальных комиссий (районов). Городские территории всегда уступают сельским по уровню поддержки ЛДПР. Рейтинг ЛДПР среди городского населения в 1990-е гг. подчас был в два раза меньше, чем в сельских районах. Такова была ситуация, например, в Ростовской области. Здесь на выборах в парламент в 1995 г. в двух округах областного центра — Ростовском и Пролетарском — результат ЛДПР составлял около 6%, а в остальных округах — не менее 11,5%. В Волгоградской области самый низкий уровень поддержки ЛДПР из четырех избирательных округов на всех выборах был в самом урбанизированном — Центральном. В последние годы разница в рейтинге ЛДПР в городских районах и сельских постепенно сглаживается и не столь велика, как раньше. Это проявляется в Ростовской, Волгоградской и Астраханской областях. В Астраханской области в 1990-е гг. областной центр был самым неудобным для ЛДПР. Последние выборы обнаружили, что мнение горожан о партии Жириновского меняется в лучшую сторону.

В электоральной географии Юга России можно увидеть влияние на уровень поддержки ЛДПР *профессионального фактора*. ЛДПР пользуется особой поддержкой людей военных профессий. В Астраханской области одна их территориальных комиссий образована в военном городе — ЗАТО Знаменск. Здесь ЛДПР на всех выборах получает самую высокую поддержку на территории Астраханской области.

Так же в современной политологии исследуется взаимосвязь между степенью поддержки ЛДПР и долей *молодежи в составе населения*. По мнению Н. Петрова и А. Титкова, ЛДПР относится к «молодежному» типу политических сил по возрастному составу электората. На самом деле, тезис об ориентации ЛДПР именно на молодежь сегодня представляется достаточно обоснованным. В исследовании Н. Петрова и А. Титкова «Электоральный ландшафт России» проведен корреляционный анализ между степенью поддержки ЛДПР и возрастным составом населения по 88 субъектам федерации (кроме Чечни). Результаты анализа позволяют делать вывод о «юношеском составе» электората партии Жириновского.

Устойчивость электоральной географии ЛДПР на Юге России заставляет обратить внимание на объективность и устойчивость политических предпочтений населения. По отношению к ЛДПР эта устойчивость существует даже в северокавказских национальных республиках, которые зачастую характеризуются как «кавказская электоральная аномалия». Электоральная география ЛДПР подтверждает, что результаты голосования на выборах не являются простым следствием субъективного воздействия политической агитации.

Взаимосвязь между электоральной поддержкой ЛДПР и иных политических сил

Существует явная взаимосвязь между результатами ЛДПР и голосованием за иные политические силы. Это роль политической конъюнктуры на выборах. Она играет свою роль, если на выборах участвуют иные партии державно-патриотической направленности. В середине 1990-х гг. А.И. Лебедь, Конгресс русских общих и «Держава» А.В. Руцкого имели особо хорошие результаты в районах, наиболее удобных для ЛДПР, и худшие результаты — в районах с высокой долей нерусского населения. Аналогичную картину можно было увидеть и на парламентских выборах 1999 г. по отношению к движению «Единство». Таким образом, это наблюдение позволяет вести речь не о районах наиболее и наименее благоприятных для ЛДПР, но более широко — о районах наиболее и наименее благоприятных для державно-патриотических сил. В этом контексте особенности электоральной географии ЛДПР представляются как частный случай. Так же в связи с этим можно предположить, что высокий уровень

поддержки ЛДПР в 2003 г. связан с отсутствием на выборах других сил ярко выраженной державно-патриотической направленности.

Положительная корреляция между результатами голосований за ЛДПР и «Конгресс русских общин» по регионам Юга России на парламентских выборах составила 0,586. положительная корреляция по результатам голосования за В.В. Жириновского и А.И. Лебедя на президентских выборах в 1996 г. по регионам Юга была еще выше и достигала впечатляющего масштаба — 0,835.

Корреляция между результатами голосования за «Блок Жириновского» и «Единство» в 1999 г. по регионам Юга России составила 0,5.

В 2000 г. на президентских выборах корреляция между результатами голосования за В.В. Путина и В.В. Жириновского по регионам Юга была минус 0,85. Так же не выявлено положительной связи и на уровне ТИК (самое большое положительное значение зафиксировано в Астраханской области — 0,33).

По районам Волгоградской области корреляция между результатами голосования за ЛДПР и «Конгресс русских общин» в 1995 г. была отрицательной — минус 0,48, в Ростовской области — плюс 0,142, в Астраханской области — 0,464.

По районам Волгоградской области корреляция между результатами голосования за в.В. Жириновского и А.И. Лебедя в 1996 г. практически нулевая, по районам Ростовской области — минус 0,15, и в Астраханской области достаточно высокой — 0,628.

По районам Волгоградской области корреляция между результатами голосования за «Блок Жириновского» и «Единство» в 1999 г. очень незначительна — 0,2, в Ростовской области положительная корреляция 0,474, в Астраханской области 0,639.

3.4. Поддержка партии власти на Юге России

Доля электората партии власти

В 1995 г. по Югу России партия власти «Наш дом — Россия» получила 982,6 тыс. голосов, или 10%, что практически равно среднему результату по России (10,1%).

В пяти «русских» регионах блок В.С. Черномырдина получил 527,6 тыс., или 7,1% голосов. В восьми национальных республиках партия власти получила в сумме 455 тыс. голосов, или в среднем 19,5%. Отношение средних

результатов поддержки партии власти по двум группам регионов — «русских» и национальных республик — в 1995 г. было 1 к 2,8.

В 1999 г. движение «Единство» получило по регионам Юга (Чечня не голосовала) 2648,7 тыс. голосов, или, в среднем, 28,3% голосов. Это было значительно выше, чем в среднем по России — на пять пунктов (23,3%). Отношение поддержки новой партии власти по России и по Югу составило 1 к 1,2.

В пяти «русских» регионах Юга партия власти получила 2123 тыс. голосов, или в среднем 30%. В семи национальных республиках движение «Единство» получило значительно меньше — 526 тыс. голосов или, в среднем, 24%. Тем не менее, и этот результат был выше, чем в среднем по стране. Отношение средних результатов поддержки партии власти по двум группам регионов — «русских» и национальных республик — в 1999 г. было 1 к 0,8.

Еще более интересно рассмотреть совокупные результаты голосования за две партии власти 1999 г. — «Единство» и избирательное объединение «Отечество — вся Россия». В сумме они получили по Югу 3631 тыс. голосов или 39% голосов (по России — 36,6%).

В «русских» регионах Юга две партии власти 1999 г. собрали 2520 тыс. голосов (или 35%). В семи национальных республиках две партии власти собрали 1111 тыс. голосов — то есть в среднем 51%! Таким образом, отношение средних результатов поддержки двух партий власти по двум группам регионов — «русских» и национальных республик — в 1999 г. было 1 к 1,45. Следовательно, северокавказские республики уже в 1999 г. проявили себя как особо лояльные в сравнении с «русскими» регионами. Но их поддержка в основном пришлась не на «Единство», а на блок «Отечество — Вся Россия».

На парламентских выборах в 2003 г. в Южном федеральном округе за «Единую Россию» проголосовало 3917,5 тыс. человек, что в среднем составило 45% — на 7,6 пункта больше, чем в среднем по стране (37,4%).

В пяти «русских» регионах ЮФО «Единая Россия» в сумме набрала 2177 тыс. голосов или в среднем 35,7% голосов (то есть существенно ниже, чем в среднем по России). В восьми национальных республиках партия власти набрала 1741 тыс. голосов или в среднем 65%, то есть намного больше, чем в среднем по России. Отношение средних результатов поддержки партии власти в этих двух группах регионов было 1 к 1,8.

На парламентских выборах 2007 г. в среднем по Южному федеральном округу партия «Единая Россия» получила 72,2% голосов — на восемь пунктов больше, чем в среднем по стране (64,2%). Всего в ЮФО «Единая Россия» получила 7797,6 тыс. голосов — это составило 17,5% от общего количества избирателей партии власти в России.

Данный высокий результат был достигнут за счет национальных республик. В восьми национальных республиках партия власти получила в

среднем 89,5% голосов 3451 тыс. в абсолютном исчислении). В пяти «русских» регионах Юга партия власти в среднем получила 64% голосов (4710 тыс. голосов в абсолютном исчислении). Таким образом, расслоение между двумя группами регионов было значительным — 1 к 1,4.

Межрегиональные различия поддержки партии власти

Коэффициент вариации поддержки объединения «Наш дом — Россия» в 1995 г. по 13 регионам Юга был предельно большим — 79%. При этом отдельно по пяти «русским» регионам коэффициент вариации оставил 32% — чуть ниже критического порога однородности. По восьми национальным республикам коэффициент вариации был 66%.

По группе регионов (Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чечня) коэффициент вариации был 40%. Эта относительно низкая неоднородность объясняется высокими результатами партии власти в этих республиках — от 15% в Дагестане до 48% в Чечне. По группе других северокавказских республик (Калмыкия, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия) коэффициент вариации был очень высок — 66,5%. От 4,1% в Северной Осетии (худший результат на Юге России) до 24% в Калмыкии. Таким образом, различие между этими двумя группами регионов налицо, не смотря на то, что во второй группе коэффициент вариации слишком велик, однородность этой группы в том, что в этой группе партия власти получила меньшую поддержку, чем в среднем в регионах первой группы.

По 12 регионам Юга в 1999 г. коэффициент вариации по уровню поддержки движения «Единства» несколько превысил уровень однородности — составил 37%.

Коэффициент вариации пяти «русских» регионов Юга по степени поддержки движения «Единство» в 1999 г. свидетельствовал об очень высокой степени однородности — всего 5%! На самом деле, новая партия власти получила в интервале от 28,2% в Краснодарском крае до 32,3% в Астраханской области. По семи национальным республикам коэффициент вариации был 50% (выше порога неоднородности). При этом в группе регионов (Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия) коэффициент вариации был очень велик — 70%. Причина такой статистической картины — в огромном интервале поддержки партии власти В.В. Путина от 1% в Ингушетии до 29,1% в Дагестане. В группе республик (Калмыкия, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия) коэффициент вариации был на уровне критического порога однородности — 34% (интервал поддержки от 15,3% в Карачаево-Черкесии до 36,1% в Калмыкии). Можно обратить внимание на то, что во второй группе республик под-

держка партии власти В.В. Путина в 1999 г. была в целом существенно выше, чем в среднем в первой группе республик.

Интересно проанализировать межрегиональные различия по уровню совокупной поддержки двух партий власти — «Единства» и «Отечества-Всей России». По 12 регионам Юга в 1999 г. коэффициент вариации по уровню поддержки движения двух партий власти составил 37%. По пяти «русским» регионам коэффициент вариации так же свидетельствовал об очень высоком уровне однородности — 6%! По группе республик (Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия) коэффициент вариации был очень велик (44%), но на этот раз за счет того, что Ингушетия отличилась особенно большим уровнем поддержки — 90,4%. Но при этом и в Дагестане и Кабардино-Балкарии уровень поддержки двух партий власти был выше, чем любом другом регионе Юга — больше 55%. Поэтому, не смотря на критически высокое значение коэффициента вариации, эти три республики проявили очень высокое сходство электоральных результатов. Они обеспечили особенно высокую поддержку партии власти; правда, эта поддержка, главным образом, относилась к объединению «Отечество — Вся Россия». В группе республик (Калмыкия, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия) коэффициент вариации свидетельствовал в высокой степени однородности — 17%. Здесь поддержка двух партий власти была несколько ниже Дагестана, Кабардино-Балкарии и Ингушетии.

В 2003 г. по 13 регионам ЮФО коэффициент вариации уровня поддержки «Единой России» был 32% — чуть ниже критического уровня однородности. По пяти «русским регионам» коэффициент вариации свидетельствовал о высокой степени однородности — 11%. Амплитуда поддержки была от 29,6% в Волгоградской области до 39,5% в Ростовской области. По восьми национальным республикам коэффициент вариации был очень низким — 20%. По группе республик (Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чечня) коэффициент вариации был еще меньше — 13%. Амплитуда поддержки партии власти по этой группе республик была от 57% в Ингушетии до 79,8% в Чечне. В группе республик (Калмыкия, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия) коэффициент вариации оказался беспрецедентно низким — 4%! Амплитуда поддержки здесь составила от 46,2% в Северной Осетии до 51,3% в Адыгее! Вновь следует подчеркнуть, что каждая из республик первой групп обнаружила большую степень лояльности, чем любая из республик второй группы. При этом любая из республик второй группы оказалась более лояльной, чем любой из «русских» регионов Юга.

В 2007 г. по 13 регионам ЮФО коэффициент вариации уровня поддержки «Единой России» был самым низким — 20%. По пяти «русским регионам» коэффициент вариации был 5%. Амплитуда составила от 57,7% в Волгоградской области до 71,9% в Ростовской области. По восьми национальным республикам коэффициент вариации был рекордно низким 14%. По группе республик (Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингу-

шетия, Чечня) коэффициент вариации был так же как никогда низким — 4,2%. Амплитуда была от 89,2% в Дагестане до 99,4% в Чечне. В группе республик (Калмыкия, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия) коэффициент вариации был 12%. Амплитуда поддержки партии власти была от 71% в Адыгее до 92,9% в Карачаево-Черкесии (именно результат в этой республике «испортил» значение коэффициента вариации — без него он мог бы составить по этой группе регионов менее 5%; так же это единственный случай, когда республика из «второй группы» показала уровень поддержки партии власти на уровне республик «первой группы». Можно так же заметить, что голосование в Карачаево-Черкесии в 2007 г. отметилось самым скандальным на территории России протоколом о результатах голосования в ТИК — в Хабезской ТИК из 17779 зарегистрированных избирателей абсолютно все отдали свои голоса «Единой России» (при 100% явке и ни одном испорченном бюллетене!). Поэтому к этой электоральной аномалии Карачаево-Черкесии в 2007 г. многие эксперты относятся чрезвычайно скептически.

Налицо тенденции к выравниванию межрегиональных различий по уровню поддержки партии власти. Достигается это за счет повсеместной максимализации электоральной поддержки партии власти В.В. Путина к 2007 г. Но и это выравнивание межрегиональных различий не приводит к стиранию грани между основными группами регионов, различающихся по степени поддержки действующей федеральной власти.

На основании данного обзора можно подтвердить, что 13 регионов Юга России по отношению к партии власти (как в 1990-е, так и в 2000-е гг.) делятся на три устойчивые группы регионов. Наиболее лояльными являются регионы «первой группы» национальных республик Северного Кавказа (Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чечня). Далее следуют регионы «второй группы» республик (Калмыкия, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия). Отстают по степени поддержки федеральной партии власти «русские» регионы Юга.

Относительно группы «русских» регионов Юга можно отметить, что с 2003 г. явно «отстающими» по уровню поддержки партии власти являются Волгоградская и Астраханская области. Первый случай можно связать с тем, что руководство региона не является частью федеральной партии власти, что затрудняет использование, в частности, административного ресурса. В случае с Астраханской областью очевидных причин нет.

Корреляция результатов голосования за партии власти по Югу России

Метод линейной корреляции (Пирсона) поможет нам измерить устойчивость межрегиональных различий поддержки федеральной партии власти.

По 12 регионам Юга корреляция между результатами голосования за «Наш дом — Россию» в 1995 г. и суммарными результатами голосования в 1999 г. за «Единство» и «Отечество — Всю Россию» оказалась очень большой — 0, 864. Положительной были и корреляция между результатами голосования по регионам Юга 1999 г. (в сумме «Единство» и «Отечество — Вся Россия») и 2003 г. («Единая Россия») — 0,56.

Корреляция между результатами голосования за «Единую Россию» по регионам Юга в 2003 г. и 2007 г. была рекордно высокой и составила 0,869.

Корреляция на внутрирегиональном уровне дает нам иную картину. В Волгоградской области велика корреляция результатов голосования за НДР в 1995 г. и за Б.Н. Ельцина в первом туре выборов 1996 г. — 0,839. А вот корреляция между результатами поддержки НДР 1995 г. и двух партий власти — «Единства» и «Отечества- Всей России» — (в сумме) в 1999 г. практически нулевая и составила 0,25. Еще хуже — корреляция результатов НДР 1995 г. с результатами «Единства» 1999 г. — 0,01.

Корреляция по районам Волгоградской области между результатами голосования за «Единство» в 1999 г. и «Единую Россию» в 2003 г. ничтожна (0,2). На низком уровне даже корреляция между результатами голосования за «Единую Россию» 2003 и 2007 гг. (0,428).

Несколько лучшие взаимосвязи просматриваются по результатам голосования за партия власти и Президента страны в рамках одного электорального цикла. Корреляция между результатами голосования за «Единство» в 1999 г. и за В.В. Путина в 2000 г. была 0,54; корреляция голосования за «Единую Россию» 2003 г. и за В.В. Путина в 2004 г. была 0,683.

В Ростовской области даже корреляция по районам между результатами голосования за «Наш дом — Россию» в 1995 г. и за Б.Н. Ельцина в первом туре выборов 1996 г. была незначительной — 0,545. Корреляция между результатами поддержки НДР 1995 г. и двух партий власти — «Единства» и «Отечества- Всей России» — (в сумме) в 1999 г. вообще была отрицательной — минус 0,467. Корреляция между результатами голосования за «Единство» в 1999 г. и за «Единую Россию» в 2003 г. была 0,614. Даже корреляция между результатами голосования за «Единую Россию» 2003 и 2007 гг. была очень низкой (0,489). Значительная корреляционная взаимосвязь просматривается только в рамках одного избирательного цикла. Так, корреляция между результатами голосования за «Единство» в 1999 г. и за В.В. Путина в 2000 г. была 0,765.

По районам Астраханской области корреляция между результатами голосования за НДР в 1995 г. и «Единство» в 1999 г. была отрицательной (минус 0,33). Такая же ситуация с корреляцией между результатами голосования за НДР в 1995 г. и суммарной поддержкой «Единства» и «Отечества- Всей России» (минус 0,238).

Отрицательной была по районам Астраханской области и корреляция между результатами голосования за «Единство» 1999 г. и «Единую Рос-

сию» 2003 г. (минус 0,126). И только между результатами парламентских выборов 2003 и 2007 г. корреляция результатов поддержки «Единой России» была на высоком уроне — 0,832.

Внутрирегиональные различия поддержки партии власти

На внутрирегиональном уровне различия в уровне поддержки партии власти были всегда ниже, чем на уровне межрегиональном уровне. При этом с конца 1990-х гг. налицо тенденция сокращения внутрирегиональной дифференциации.

В середине 1990-х гг. по уровню поддержки федеральной партии власти коэффициент вариации обнаруживает значения, большие предельного порога однородности.

На парламентских выборах 1995 г. по районам Ростовской области коэффициент вариации по уровню поддержки объединения «Наш дом — Россия» составил 41%, в Волгоградской области — 37%, в Астраханской области 46%

В первом туре президентских выборов 1996 г. коэффициент вариации по уровню поддержки объединения Б.Н. Ельцина в Ростовской области был 33%, в Волгоградской области — 35%, в Астраханской области 28%

Уже с 1999 г. по трем рассматриваемым регионам Юга коэффициент вариации значительно ниже критического порога в 33%.

На парламентских выборах 1999 г. коэффициент вариации по совокупному уровню поддержки двух партий власти в Ростовской области был 19%, в Волгоградской области — 15%, в Астраханской области достиг очень низкого значения 10%

На президентских выборах 2000 г. коэффициент вариации по уровню поддержки В.В. Путина в Ростовской области снизился до 13%, в Волгоградской области составил 15%, в Астраханской области — 10%.

На парламентских выборах 2003 г. коэффициент вариации по уровню поддержки «Единой России» в Ростовской области был 29%, в Волгоградской и Астраханской областях — 13%.

На президентских выборах 2004 г. коэффициент вариации по уровню поддержки В.В. Путина в Волгоградской области был 7%, в Астраханской области 9%.

На парламентских выборах 2007 г. коэффициент вариации по уровню поддержки «Единой России» в Ростовской области был 18%, в Волгоградской области — 8%, в Астраханской области 12%.

Таким образом, федеральная партия власти — это единственный сегмент политического спектра России, в отношении которого территориальная дифференциация электоральной поддержки ослабевает. В отличие от иных политических сил, современная партия власти имеет основания

меньше обращать внимание на целевой характер свой работы с электоратом. Курс на всю совокупность электората, избранный российской партией власти, в целом оправдывает себя и приводит к соответствующе картине голосования различных групп и территорий.

В отличие от ситуации на межрегиональном уровне, на уровне районов по сравнению с 1990-ми г. произошли глубокие перемены в отношении к федеральной партии власти на разных территориях.

Практически на всей рассматриваемой территории в середине 1990-х гг. наибольшую электоральную поддержку федеральная партия власти получала в городах. На парламентских выборах 1995 г. отношение среднего результата поддержки объединения «Наш дом — Россия» в городских и сельских ТИК в Ростовской области было 1,6:1, в Волгоградской области совершенно таким же — 1,6:1. в Астраханской области . В первом туре президентских выборов 1996 г. отношение среднего результата поддержки Б.Н. Ельцина в городских и сельских ТИК в Ростовской области было1,3:1, в Волгоградской области 1,6:1.

В эпоху В.В. Путина картина изменилась.

Этнический фактор явственно просматривается и на внутрирегиональном уровне. В волгоградской области «тюркский» Палласовский район на парламентских выборах 1995 г. отлился необычно высокой дл сельской местности поддержкой избирательного объединения В.С. Черномырдина — 10,8% (в 1,6 раза выше, чем средний уровень по сельским районам области).

В 2000-е гг. роль этнического фактора в объяснении межрайонных различий уровня поддержки партии власти выходит на первый план. В 2007 г. Палласовский район обеспечил «Единой России» второй результат среди всех районов Волгоградской области (67,8%)

Корреляция рангов регионов Юга России по степени поддержки партии власти

Применение статистического метода вычисления корреляции рангов так же подтверждает наличие устойчивости межрегиональных различий в отношении электоральной поддержки партии власти.

В сравнении результатов голосования за федеральную партию власти на парламентских выборах коэффициент корреляции рангов не очень велик, хотя связь подтверждает.

Корреляция рангов субъектов федерации Юга по результатам поддержки партии власти в 1995 (НДР) и 1999 гг. невелика, составила 0,63. Корреляция рангов по степени поддержки партии власти между регионами Юга России по результатам выборов 1999 г. (за две партии власти) и 2003 г. была на низком уровне — 0,49. В сравнении результатов выборов 2003 и 2007 г. коэффициент составил 0,862.

Таблица 11. *Ранги регионов Юга России по поддержке действующей власти на федеральных выборах*

	Ранги регионов в 1995 г.	Ранги регионов в 1996 г.	Ранги регионов в 1999 г.	Ранги регионов в 2000 г.	Ранги регионов в 2003 г.	Ранги регионов в 2004 г.	Ранги регионов в 2007 г.
Ростовская обл.	12	6	5	9	9	9	7
Волгоградская обл.	8	7	8	8	13	13	13
Ставропольский край	10	11	9	10	11	12	10
Краснодарский край	9	9	10	11	10	10	11
Астраханская обл.	7	5	6	5	12	11	12
Дагестан	5	8	2	2	3	3	5
Адыгея	13	12	11	13	5	8	9
Ингушетия	2	3	1	1	4	1	2
Кабардино-Балкария	3	4	3	3	2	2	4
Калмыкия	4	2	4	7	6	7	6
Сев. Осетия	11	13	7	4	8	5	8
Карачаево-Черкесия	6	10	12	6	7	6	3
Чечня	1	1	—	12	1	4	1

Примечание: на выборах 1999 г. учитывается совокупный результат «Единства» и «Отечества — Всей России».

Более явные показатели устойчивости рангов фиксируется по степени поддержки федеральной власти в рамках одного электорального цикла, при сравнении данных парламентских и президентских выборов.

Корреляция рангов между результатами голосования за НДР в 1995 г. и за Б.Н. Ельцина в 1996 г. (в первом туре) составляет 0,786. Корреляция рангов между результатами голосования за две партии власти в 1999 г. и за В.В. Путина в 2000 г. была на том же уровне — 0,741. Еще более внушительной была корреляция рангов регионов по результатам голосования за «Единую Россию» в 2003 г. и за В.В. Путина в 2004 г. — 0,89.

На внутрирегиональном (межрайонном) уровне коэффициент корреляции рангов так же позволяет зафиксировать тесную взаимосвязь.

По Астраханской области корреляция рангов районов (ТИК) по уровню поддержки «Единой России» по результатам голосования 2003 и 2007 гг. была 0,864.

Взаимосвязь поддержки партии власти с результатами голосования за другие политические силы

В середине 1990-х гг. партия власти ельцинской России имела весьма любопытные показатели взаимосвязи с уровнем поддержки других политических сил. Корреляционный метод подтверждает, что на этом этапе федеральная партия власти имела общую электоральную базу с либеральными партиями. С электоральной базой других политических сил существовало противоречие.

Корреляция между уровнем поддержки объединения «Наш дом — Россия» и КПРФ в 1995 г. по районам Волгоградской области была минус 0,6. Так же отрицательной была по районам Волгоградской области корреляция с уровнем поддержки ЛДПР — минус 0,57. И только с либералами была значительная положительная корреляция на внутрирегиональном уровне в «русских» субъектах федерации (по районам Волгоградской области — 0,7, по Ростовской области — 0,67).

Так же интересно, что корреляция между уровнем голосования за Б.Н. Ельцина в первом туре президентских выборов 1996 г. и за либеральные объединения в 1995 г. по районам Волгоградской области была 0,91 (в Ростовской области меньше — 0,54). Корреляция между результатами голосования за Б.Н. Ельцина и Г.А. Явлинского в первом туре президентских выборов 1996 г. была (по районам Волгоградской области 0,88, по Ростовской области 0,4, по Астраханской области 0,72).

Таким образом, электорат федеральной партии власти в середине 1990-х гг., на самом деле, был ближе к либеральным ценностям и составлял, как считали многие эксперты тех лет, с либеральными избирателями единый либерально-центристский электорат. Данное положение дел не принесло для партии власти прочного положения в политическом пространстве.

В 2000-е гг. федеральная партия власти пришла к иному положению в электоральном пространстве, для которого характерно отсутствие общей электоральной базы с какой-либо из идеологических политических сил. Или, наоборот — наличие поддержки во всех секторах электорального пространства.

Данный «переход» сопровождался «электоральным разводом» партии власти с либералами. Уже на парламентских выборах 1999 г. обнаружи-

лось, что новая партия власти — движение «Единство» — имеет самую слабую взаимосвязь именно с либеральным электоратом, а не с коммунистическим, или электоратом Жириновского! По районам Волгоградской области отрицательная корреляция между результатами голосования за «Единство» и либеральные партии составила минус 0,26, в Астраханской области минус 0,15, по районам Ростовской области была сильной отрицательной — минус 0,84.

Но еще большим сюрпризом парламентской кампании 1999 г. стало то, что движение «Единство» приобрело тесную связь с электоратом Жириновского. Кампания 1999 г. свидетельствует о схожей электоральной базе ЛДПР и путинского движения «Единство». Положительная корреляция с результатами голосования за «Блок Жириновского» по районам Астраханской области была 0,64, по Ростовской области 0,5, по Волгоградской области 0,3.

Тем не менее, новая партия власти не продолжила движение, основываясь на смешанном центристском и державно-патриотическом электорате.

Уже к электоральному циклу 2003–2004 гг. происходит некоторая трансформация партии власти В.В. Путина. Созданная партия «Единая Россия» отличается более центристским характером и в ней слабее выражены державно-патриотические идеи, чем движения «Единство».

В федеральных избирательных кампаниях с 2003 г. партия власти имеет с результатами голосования за другие политические силы только отрицательную корреляцию.

На парламентских выборах 2003 г. у «Единой России» была только отрицательная корреляция с результатами голосования за другие политические силы. По регионам ЮФО корреляция с результатами голосования за КПРФ составила минус 0,67 (по районам Астраханской области корреляция была практически нулевая, по районам Волгоградской области минус 0,47). Корреляция с результатами голосования за либералов по субъектам федерации ЮФО была минус 0,3 (по районам Астраханской области отрицательная корреляция минус 0,52, по районам Волгоградской области около нуля). Корреляция с результатами голосования за ЛДПР по субъектам федерации ЮФО была минус 0,88 (по районам Астраханской области отрицательная корреляция минус 0,51, по Волгоградской области около нуля).

В силу того, что в избирательном цикле 2007–2008 гг. федеральная партия власти обеспечила полную гегемонию в электоральном пространстве, на парламентских выборах 2007 г. явно просматривается только отрицательная корреляция между результатами поддержки «Единой России» и всех остальных политических сил. Это объясняется тем, что по отдельным территориям высочайший уровень поддержки партии власти (до 100% по некоторым ТИК) соответственно предполагал минимализацию электората всех остальных.

В частности, на выборах 2007 г. корреляция с результатами голосования за КПРФ по субъектам федерации ЮФО была минус 0,91 (по районам Астраханской области минус 0,2, по Волгоградской области минус 0,55). Корреляция с результатами голосования за ЛДПР по субъектам федерации ЮФО была минус 0,94 (по районам Астраханской области минус 0,67, по Волгоградской области минус 0,59). Корреляция с результатами голосования за либералов по субъектам федерации ЮФО была минус 0,93 (по районам Астраханской области минус 0,83, по Волгоградской области — минус 0,59).

Можно подчеркнуть, что самая сильная отрицательная связь у партии власти существует с результатами голосования за либералов. За десятилетний период с середины 1990-х гг. федеральная партия власти радикально изменила свое положение в электоральном пространстве. Электоральные «соседи» партии власти стали антиподами.

Между тем, для «Единой России» прослеживается очень тесная обратная взаимосвязь с уровнем голосования «против всех».

На парламентских выборах 2003 г. по результатам голосования на уровне субъектов федерации Юга корреляция результатов голосования за «Единую Россию» и «против всех» составила минус 0,85. По районам Ростовской области этот показатель составил минус 0,87, по Астраханской области минус 0,33.

На парламентских выборах 2007 г. графа «против всех» отсутствовала. Тем не менее, если сопоставить результат голосования за «Единую Россию» в 2007 г. с результатами голосования «против всех» в 2003 г. по субъектам федерации Юга, отрицательная корреляция составит 0,891.

Единственный показатель электорального поведения, с которым у «Единой России» есть положительная корреляция, это явка на выборы.

На парламентских выборах 2007 г. по субъектам федерации ЮФО корреляции между уровнем поддержки «Единой России» и процентом явки составила 0,96! По районам Волгоградской области эта корреляция был 0,54, по Астраханской области — 0,5.

При этом стоит особо подчеркнуть, что по сравнению с серединой 1990-х гг. именно федеральная партия власти изменила свое положение в электоральном пространстве. Электоральные ориентации остальных политических сил остались неизменны. Качественно не изменилась электоральная база либералов (если не считать, что они потеряли позиции на Северном Кавказе) и ЛДПР. Существенные перемещения произошли у левых (имеется в виду и изменение распределения электората КПРФ, и появление новых левых). Но все-таки именно партия власти с приходим В.В. Путина приобрела новое лицо и качественно новую электоральную базу.

У движения «Единство» в 1999 г. была незначительная положительная корреляция с уровнем голосов за КПРФ по регионам ЮФО 0,46 (по районам Астраханской области корреляция была отрицательной — минус

0,43, по Волгоградской области минус 0,4, по ростовской области около нуля). Так же на уровне регионов Юга была С либералами было ярко выраженной отрицательной или положительной связи — по регионам Юга России положительная корреляция 0,22 (по районам Волгоградской области отрицательная).

Проблема детерминант территориальных различий поддержки партии власти

Этнический фактор. Первая группа национальных республик (Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чечня), отличающихся особенно высоким уровнем поддержки федеральной партии власти, характеризуются, в первую очередь, этнической спецификой. В отличие от второй группы национальных республик (Калмыкия, Адыгея, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия) большей долей в составе населения представителей кавказских этносов. Этнический фактор определяет различия в поддержке партии власти на уровне регионов. Так же он имеет значение и на уровне районов (при том с тем же значением). Наиболее лояльны к партии власти В.В. Путина территории с преобладанием представителей кавказских и тюркских этносов.

Урбанистический фактор. На федеральных выборах 2003–2004 гг. он был выражен чрезвычайно сильно и с отрицательным значением для поддержки партии власти. В частности, на примере Ростовской области большим количеством разных по масштабу городов эта тенденция совершенно ясно. В ранговой шкале по уровню поддержки федеральной власти выше всего находились сельские районы, далее шли малые города, после них — средние и крупнее города. В Ростовской области в 1999 г. в сельских районах поддержка «Единства» была в 1,5 раза выше, чем в городских (соответственно 39,3% и 25,4%). Урбанистический фактор является наиболее явным в объяснении территориальных различий поддержки партии власти на внутрирегиональном уровне.

Фактор казачества. На примере Ростовской, Волгоградской областей и Краснодарского края можно подтвердить, что сельские районы с преобладанием традиционного казачества, отличаются необычайно высоким уровнем поддержки федеральной партии власти. В Ростовской области это Обливский и Советский сельский районы, в Волгоградской области — Алексеевский район (?).

Фактор региональных отделений партии власти. Субъективный фактор, значение которого проявляется в Волгоградской области: в этом регионе губернатор не является представителем федеральной партии власти и в электоральных циклах с 2003 по 2007 гг. среди всех регионов Южного федерального округа партия власти здесь имела самую низкую поддержку.

3.5. Поддержка либералов на Юге России

Среди всех основных сил российской политики только либералы имеют в Южном федеральном округе поддержку, гораздо меньшую по сравнению со среднероссийскими показателями. Это проявляется практически во всех регионах Юга. Исключение составил только период середины 1990-х гг. в Ростовской области.

Среди всех субъектов федерации Юга только Ростовская область может похвастаться значительными электоральными успехами либеральных политиков. Правда, это касается только организации «Яблоко» и только в середине 1990-х гг.

На парламентских выборах 1995 г. объединение «Яблоко» получило в Ростовской области 14,1% голосов. Только в трех регионах России оно имело более высокую поддержку (в Москве, Санкт Петербурге, на Камчатке). По России в среднем организация Явлинского получила 6,9%. В городе Ростов-на-Дону «Яблоко» получило 22,1%, что стало для объединения Явлинского лучшим показателем среди всех региональных центров России. В г. Таганроге «Яблоко» поучило 23,3% голосов — что было для этой организации лучшим результатом среди всех городов России.

В целом либеральный электорат на Юге даже в лучшие времена не обладал преимуществом. Его масштабы даже в середине 1990-х гг. не только уступали другим секторам политического пространства, но даже некоторым суб-секторам. Например, электоральная поддержка левых радикалов была большей.

Доля избирателей Юга России в либеральном электорате России

Если доля активных избирателей юга России составляет в интервале 14–16% от всего избирательного корпуса России, то количество либеральных избирателей по отношению к общей численности либерального электората России составляет меньшую величину.

В 1995 г. пять основных избирательных объединения либеральной направленности («Демократический выбор России — Объединенные демократы», «Яблоко», «Общее дело», Партия самоуправления трудящихся, «Памфилова-Гуров-Лысенко») в сумме получили по России 17 % голосов, по Югу России — 14,5% голосов. На Юге России оказалось 12% от общей численности электората либеральных избирательных объединений в России.

В 1999 г. два основных либеральных избирательных объединения (СПС и «Яблоко») по Югу России получили в сумме 9,7% голосов при

14,4% в среднем по стране. Доля южнороссийских избирателей либералов в общероссийском либеральном электорате упала до 9%.

В 2003 г. СПС и «Яблоко» в совокупности по южному федеральному округу получили 5,6% голосов при 8,3% в среднем по России. По отношению к совокупному либеральному электорату Российской Федерации число либеральных избирателей Юга изменилось незначительно по сравнению с предыдущим избирательным циклом, составив 9,8%.

В 2007 г. четыре либеральные партии в сумме по ЮФО собрали 1,9% голосов при 3,7% в целом по России. На этот раз южнороссийские сторонники либеральных партий установили очередной антирекорд — в общей численности российского либерального электората их доля опустилась до 7,9%.

Таким образом, среди всех федеральных округов либеральный электорат ЮФО является в численном отношении самым незначительным и составляющим самую скромную долю в общероссийском электората либералов.

Темпы сокращения либерального электората

В абсолютном исчислении количество избирателей либеральных избирательных объединений на Юге России сокращалось с 1412 тыс. чел. в 1995 г. до 899 тыс. чел. в 1999 г. (сокращение за четырехлетний цикл на 37% — в то время, как по России в среднем численность либерального электората сократилась тогда на 18%). К 2003 г. либеральный электорат сократился до 489 тыс. чел. на Юге России (на 46% за четыре года, в то же время в среднем по России — на 48%). К 2007 г. электорат четырех либеральных партий на Юге России составлял уже 203 тыс. чел. (сокращение на 58% за четыре года, в то же время в целом по России — на 48%).

Таким образом, за 12-летний период численность либеральных избирателей на Юге России сократилась в 7 раз, в то время как в среднем по России — в 4,6 раз.

Самые масштабные темпы сокращения либерального электората были зафиксированы в северокавказских республиках — в Дагестане в 94 раза, в Кабардино-Балкарии — в 37 раз. Самые низкие темпы сокращения численности либерального электората в Северной Осетии (в 2,4 раза), Калмыкии (в 3 раза).

В восьми национальных республиках Юга России численность электората либеральных партий сократилась за 12 лет в 14 раз.

В пяти «русских» регионах Юга в совокупности численность либерального электората на парламентских выборах сократилась в 6,3 раза за 12 лет. При этом самыми масштабными темпы сокращения из этих пяти субъектов федерации были в Ростовской области (в 8,5 раз).

Региональная дифференциация либерального электората

Огромное неравенство существует в распределении либерального электората между национальными республиками Северного Кавказа и «русскими» регионами.

В 1995 г. на пять «русских» регионов приходилось 84% либерального электората Юга (1181 тыс. чел.), в то время как на восемь национальных республик — оставшиеся 16% (232 тыс. чел.).

В 1999 и 2007 гг. на пять «русских» регионов приходилось 91% либеральных избирателей Юга.

Только в кампании 2003 г. доля кавказских республик в либеральном электорате ЮФО возросла до 28%, а доля «русских» регионов упала до 72%. Но этот эпизод был связан с неожиданно высоким результатом СПС в ряде кавказских республик, прежде всего — в Дагестане.

Существенны и межрегиональные различия по величине либерального электората по отдельным субъектам федерации.

Устойчива доля Волгоградской области — на этот регион всегда приходилось от 14,5% до 16% общей численности либерального электората ЮФО. Астраханской области — от 4% до 5% от южнорооссийского либерального электората.

Поддержка либералов по отдельным территориям Юга отличается наибольшей статистически фиксируемой неравномерностью.

В 1995 г. амплитуда вариации по поддержке либералов по регионам юга составляла 19% (21,6% в Ростовской области минус 2,5% в Чечне). Отношение между максимальным и минимальным результатом по регионам Юга составило 8,6 раз.

В 2007 г. амплитуда вариации на межрегиональном уровне составляла 2,6% (2,7% в Краснодарском крае минус 0,1% в Дагестане). Отношение между максимальным и минимальным результатом по регионам ЮФО составило 26 раз.

Статистический коэффициент вариации (V) по поддержке либералов по субъектам федерации Юга на всех федеральных выборах был выше порогового значения «неравномерности», традиционно определяемого в 33%.

В 1995 г. статистический коэффициент вариации (V) по поддержке либералов по субъектам федерации Юга составил 47%, В 2007 г. статистический коэффициент вариации (V) составил максимальное значение за все состоявшиеся кампании — 72%.

Минимальное значение статистического коэффициента вариации по поддержке либералов было на выборах в 2003 г. в связи с хорошим результатом СПС в национальных республиках — 41%.

Главный раскол, определяющий большое значение статистического коэффициента вариации (V), связан с различием «русских» и национальных

субъектов федерации Юга. В рамках «русских» регионов Юга значение статистического коэффициента вариации на выборах 1995 г. было 27%, в 2007 г. — 13%. Таким образом, различие поддержки либералов по «русским» регионам Юга находится в пределах статистической однородности.

По национальным республикам Северного Кавказа статистический коэффициент вариации в 1995 г. составлял 50%, в 2003 г. — 51%, в 2007 г. — около 100%.

Устойчивость региональных различий поддержки либералов

Устойчивость территориальных различий либерального сектора политического поля, столь бесспорная на уровне районов, совершенно теряется на уровне субъектов федерации ЮФО. Причина этого — в непоследовательном отношении к либералам со сторон населения северокавказских республик. События вокруг чеченского конфликта и позиция, занятая по этому поводу либералами, принесли им высокий уровень поддержки на Северном Кавказе.

В 1990-е гг. отношение к либералам на уровне регионов отличалось некоторой степенью устойчивости.

Корреляция результатов голосования за «Яблоко» по регионам Юга России в 1995 и 1999 г. составила 0,793, по выборам 1999 и 2003 гг. — 0,776, по выборам 2003 и 2007 гг. — 0,736. Корреляция результатов голосования за «Яблоко» по регионам Юга России по выборам 1995 и 2007 гг.составила 0,681.

Корреляция голосования за «Союз правых сил» по регионам Юга по результатам голосований в 2003 и 2007 гг. составила минус 0,1.

По результатам голосования за либеральные партии по регионам Юга России корреляция рангов на выборах 1995 и 1999 гг. составила 0,41; но без учета Дагестана она составляла 0,754.

Корреляция между результатами голосования за либеральные партии по регионам ЮФО на выборах 2003 и 2007 гг. составила 0,002.

Тем не менее, на региональном уровне прослеживается некоторая устойчивость рангов субъектов федерации по степени поддержки либералов.

Корреляция рангов 12 регионов Юга по степени поддержки либералов между результатами выборов 1995 и 1999 гг. составила 0,406 (без учета Дагестана 0,754). Самой высокой корреляция рангов была в рамках первого избирательного цикла — между результатами парламентских выборов 1995 г. и президентских выборов 1996 г., составила 0,538 (без учета Дагестана 0,887).

Между результатами выборов 2003 и 2007 гг. корреляция рангов регионов ЮФО по поддержке либералов самая низкая, составила 0,196; между результатами парламентских выборов 1995 и 2007 гг. корреляция рангов 0,224.

Таблица 12. *Ранги регионов Юга России по поддержке либералов на федеральных выборах.*

	Выборы 1995 г.	Выборы 1996 г. (1 тур)	Выборы 1999 г.	Выборы 2000 г.	Выборы 2003 г.	Выборы 2004 г.	Выборы 2007 г.
Ростовская обл.	1	2	1	1	4	4	4
Волгоградская обл.	3	3	2	3	2	2	2
Ставропольский край	8	7	5	6	9	6	3
Краснодарский край	4	4	3	4	8	5	1
Астраханская обл.	7	5	4	7	5	3	7
Дагестан	2	12	12	12	6	10	12
Адыгея	6	6	6	5	11	7	8
Ингушетия	5	1	9	2	10	12	9
Кабардино-Балкария	9	8	11	10	12	11	11
Калмыкия	10	10	8	8	7	1	5
Сев. Осетия	11	11	10	11	3	9	6
Карачаево-Черкесия	12	9	7	9	1	8	10

Примечание: в 1995 г. — совокупный результат «Яблока», ДВР, ПСТ, «Общее дело», блока «Памфилова-Гуров-Лысенко», в 1996 и 2000 гг. — результат Г.А. Явлинского, в 1999, 2003 и 2007 гг. — совокупный результат «Яблока» и СПС, в 2004 г. — результат И.М. Хакамады.

На самом деле, в приведенной ранговой таблице мы видим, что практически каждый из субъектов федерации совершал большие перемещения в ранговой шкале. Исключение составляет Волгоградская область (перемещения в рамках двух позиций — только 2-е или 3-е место). Самые масштабные перемещения в ранговой шкале у Карачаево-Черкесии (диапазон — все 12 позиций), Дагестана (11 позиций), Калмыкии и Ингушетии (10 позиций).

Внутрирегиональная дифференциация либерального электората

Ни одно другое политическое направление не обладает столь ярко выраженной и глубокой дифференциацией электоральной поддержки на микро-уровне.

В Астраханской области амплитуда вариации (разница между лучшим и худшим показателями) в 1995 г. составляла около 15 % (19,3% в Кировском районе минус 4,4% в Володарском). В 1999 г. амплитуда вариации немного сократилась до 12%, в 2003 г. составила 6,6%. Амплитуда вариации сама по себе мала, однако она должна впечатлить, ведь рейтинг либералов сам по себе очень невелик. Отношение лучшего результата либералов к худшему результату (по районам) в 1995 г. составляло 4,4 раза, в 1999 г. — 3,8 раза, в 2003 г. — 4,5 раза, в 2007 г. — 4,6 раза. Таким образом, хотя амплитуда вариации сократилась, кратное отношение максимальной и минимальной точек вариации не изменилось.

Примечательно, что статистический коэффициент вариации рейтинга либералов по районам Астраханской области практически одинаков на выборах в 1995, 1999 и 2003 гг. и составляет 51%. В 2007 г. этот показатель составил 46%.

В Ростовской области амплитуда вариации поддержки 5 либеральных избирательных объединений на выборах 1995 г. по районам области составила 30,4% (37,2% в Кировском районе Ростова-на-Дону минус 6,8% в Ремонтненском районе). Отношение лучшего результата либералов к худшему результату (по районам) в 1995 г. составляло 5,5 раза, в 1999 г. — 20 раз, в 2003 г. — 15 раз, в 2007 г. — 16 раз.

По Ростовской области статистический коэффициент вариации рейтинга либералов по 72 ТИК на выборах 1995 г. составил 52%, в 1999 г. — 99%, в 2003 г. — 98%, в 2007 г. — около 100%.

В Волгоградской области амплитуда вариации в 1995 г. была 22,9% (27,9% в Центральном районе Волгограда минус 5% в Еланском районе). Отношение лучшего результата либералов к худшему результату (по районам) в 1995 г. составляло 5,6 раза, в 1999 г. — 8 раз, в 2003 г. — 8 раз, в 2007 г. — 16 раз.

По Волгоградской области статистический коэффициент вариации рейтинга либералов по 46 ТИК на выборах 1995 г. составил 57%, в 1999 г. — 60%, в 2003 г. — 56%, в 2007 г. — 86%.

Устойчивость внутрирегиональных различий поддержки либералов

Социальный электорат либералов отличается самой большой степенью устойчивости по сравнению с представителями всех остальных секторов политического пространства.

По 46 территориальным избирательным комиссиям Волгоградской области корреляция между результатами голосования за либеральные партии на парламентских выборах 1999 и 2007 гг. составляет 0,922. Между результатами голосования на выборах 2003 и 2007 гг. корреляция составляет 0,957.

По 62 территориальным избирательным комиссиям Ростовской области корреляция между результатами голосования за либеральные партии на парламентских выборах 2003 и 2007 гг. составляет 0,948.

Таблица 13. *Ранги районов Астраханской области по поддержке либералов на федеральных парламентских выборах*

	1995	1999	2003	2007
Кировский	2	1	1	1
Ленинский	3	3	3	3
Советский	1	2	2	2
Трусовский	4	5	5	7
Ахтубинский	6	6	6	6
Володарский	15	7	12	16
Енотаевский	14	16	16	15
Знаменск	5	4	4	4
Икрянинский	8	13	9	12
Камызякский	13	11	11	14
Красноярский	16	14	10	10
Лиманский	11	15	14	11
Наримановский	7	9	7	8
Приволжский	10	8	8	9
Харабалинский	9	12	13	13
Черноярский	12	10	15	5

Примечание: в 1995 г. — совокупный результат «Яблока», ДВР, ПСТ, «Общее дело», блока «Памфилова-Гуров-Лысенко», в 1999, 2003 и 2007 гг. — совокупный результат «Яблока» и СПС.

По 16 районам Астраханской области корреляция между результатами голосования за либеральные партии на парламентских выборах 2003 и

2007 гг. составляет 0,914. Корреляция рангов районов Астраханской области по порядку поддержки либералов по результатам выборов 2003 и 2007 гг. была не столь высокой, но показательной — 0,774. По результатам выборов 1999 и 2003 гг. по районам Астраханской области корреляция рангов была более высокой — 0,871, по результатам выборов 1995 и 2003 гг. — 0,859.

Таким образом, не смотря даже на невероятные темпы сокращения, практически — разгрома — либерального электората, его социальная база осталась неизменной.

Районные различия в отношении к либералам невероятно устойчивы. Практически на всех федеральных выборах с 1995 г. по 2007 г. сохраняется определенная последовательность районов по степени поддержке либералов. Самую большую поддержку они получают в Кировском районе, далее следуют Советский, Ленинский, Знаменск, Трусовский, Ахтубинский районы. Интересно, что первые пять районов и именно в такой же последовательности являются самыми неудобными для коммунистов (Кировский — самый неудобный и т.д.).

По результатам выборов 2003 г. в г. Астрахани приходилось 69% областного электората либеральных партий. По результатам парламентских выборов 2007 г. на областной центр приходилось 68% областного электората либеральных партий. При этом доля активного электората в городе Астрахань составляет 49% по отношению к областному.

В Волгоградской области на выборах 2007 г. активный электорат Волгоградского округа составлял 30% от всего электората области. Но при этом в этом округе оказался 51% от всего либерального электората области.

По 16 районам Астраханской области корреляции рангов по результатам голосования за либералов на выборах 2003 и 2007 гг. составляла 0,774. Между результатами выборов 1995 и 1999 гг. корреляция рангов составила 0,791, между результатами 1999 и 2003 гг. 0,871, между результатами 1995 и 2003 гг. 0,859.

При этом в Астраханской области несколько территорий демонстрируют чрезвычайную устойчивость рангов. В течение пяти федеральных избирательных кампаний 1995–2007 гг. два района вообще не меняли свой ранг: Ахтубинский район занимает 6-е место, Ленинский 3-е место. Еще четыре района меняли свое положение в шкале рангов не более чем на одну позицию. На всех этих выборах шестерка районов, где либералы пользуются наибольшей поддержкой, включает неизменный перечень территорий — четыре района областного центра, Знаменск и Ахтубинский район. А самая большая подвижность рангов наблюдается (как и на уровне субъектов федерации) в тех территориях, где либералы не пользуются успехом.

В Волгоградской области корреляция рангов районов (ТИК) по уровню поддержки либералов высокая. По 46 ТИК корреляция рангов рай-

онов по результатам голосований 1995 и 1999 гг. составила 0,823, по результатам голосований 1999 и 2003 гг. 0,848, по результатам голосований 2003 и 2007 гг. 0,791.

Даже 12-летний период не отразился на этой устойчивости рангов. Корреляция рангов районов Волгоградской области в сравнении результатов выборов 1995 и 2007 гг. составила 0,791.

В Волгоградской области всего два района не меняли свой ранг по уровню поддержки либералов в течение четырех парламентских кампаний с 1995 г. Это Центральный район (всегда №1) и Ворошиловский район Волгограда (№2).

В Ростовской области по 62 ТИК так же обнаружена высокая корреляция рангов по степени поддержки либералов. Между результатами выборов 1995 и 1999 гг. по районам корреляция рангов по степени поддержки либералов составляет 0,851, между результатами выборов 1999 и 2003 гг. 0,887, между результатами выборов 2003 и 2007 гг. 0,867. При сравнении рангов за 12-летний период, по результатам голосования 1995 и 2007 гг. корреляция рангов составляет 0,683.

В отличие от Волгоградской и, особенно, Астраханской областей, в Ростовской области нет ни одного района, который бы на протяжении всех рассмотренных выборов удерживал определенный ранг постоянно. Более того — наблюдаются существенные перемещения. Но в общей массе по совокупности всех ТИК статистически обнаружена высокая устойчивость. Самые маломасштабные перемещения (по результатам всех четырех голосований за 12 лет) — в пределах трех рангов. Это Советский район г. Ростова-на-Дону (всегда занимал с 1 по 3 место) и Ворошиловский район Ростова-на-Дону (с 4 по 6 место). Интересно, что устойчивостью рангов обладают не только районы наиболее благоприятные для либералов (что типично), но и неблагоприятные районы. В частности, Советский район (сельский) за 12 лет перемещался в ранговой шкале всего в пределах 4 позиций — с 59 по 62 место.

Устойчивость различий по отношению поддержки СПС и «Яблоко»

По регионам Юга России корреляция между результатами голосования за СПС и «Яблоко» хорошо прослеживается. В кампании 1999 г. коэффициент корреляции здесь составил 0,697, в 2003 г. минус 0,245, в кампании 2007 г. оказался самым высоким и составил 0,722.

Не удивительно, что из этих трех случаев выбивается кампания 2003 г. — напомним, что именно тогда СПС получил неожиданно хорошие показатели в ряде северокавказских республик, в то время как у «Яблока» результаты оказались на гораздо более низком уровне.

На внутрирегиональном уровне ТИК взаимосвязь между социальной базой СПС и «Яблока» представляется чрезвычайно высокой, что подтверждает корреляционный анализ.

По районам Ростовской области корреляция между результатами голосовании яза СПС и «Яблоко» на выборах 1999 г. составила 0,981, на выборах 2003 г. 0,971, на выборах 2007 г. 0,951.

По районам Волгоградской области корреляция между результатами голосовании яза СПС и «Яблоко» на выборах 1999 г. составила 0,993, выборах 2003 г. 0,902, на выборах 2007 г. 0,946.

По районам Астраханской области корреляция между результатами голосования за СПС и «Яблоко» на федеральных выборах 1999 г. составила 0,949, на выборах 2003 г. 0,909, на выборах 2007 г. опустилась до 0,585.

Парламентская кампания 2007 г. была ознаменована появлением относительно новой либеральной партии «Гражданская сила», которая по полученному результату сравнялась со старыми либералами.

По субъектам федерации ЮФО коэффициент корреляции между результатами голосования за СПС и партию «Гражданская сила» в 2007 г. составил 0,797, между результатами голосования за «Гражданскую силу» и «Яблоко» 0,942.

По районам Астраханской области корреляция между результатами голосования за СПС и партию «Гражданская сила» в 2007 г. составила 0,669, между результатами голосования за «Яблоко» и «Гражданскую силу» 0,906.

Детерминанты территориальных различий поддержки либералов

Важнейшим фактором, определяющим отношение электоральных групп к либералам, является урбанистический фактор. Это обстоятельство и предопределяет столь высокую устойчивость отличий в отношении к либералам со стороны различных групп.

При анализе результатов голосований по ТИК в Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях городские районы всегда опережают сельские по степени поддержки либералов. Очень редко и в единичных случаях сельская ТИК может «пробиться» в группу городских ТИК по поддержке либералов (так, в Астраханской области в 4 парламентских кампаниях лишь однажды один сельский район — Черноярский район в 2007 г. — потеснил один из городских районов).

При этом различие в уровне поддержки между городским и сельским электоратом очень значительное.

На выборах 1995 г. в Волгоградской области средняя арифметическая по поддержке либералов в сельских ТИК составила 7,7%, в городских ТИК — 19% (разница в 2,5 раза). В 2007 г. средняя арифметическая по

поддержке либералов в сельских ТИК составила 0,6%, в городских ТИК — 2,3% (разница почти в 4 раза).

В Астраханской области на выборах в 1995 г. средняя арифметическая по поддержке либералов в сельских ТИК составила 7%, в городских ТИК — 17% (разница в 2,4 раза). На выборах в 2007 г. средняя арифметическая по поддержке либералов в сельских ТИК составила 1,1%, в городских ТИК — 2,4% (разница в 2,2 раза).

В Ростовской области на выборах в 1995 г. средняя арифметическая по поддержке либералов в сельских ТИК составила 13%, в городских ТИК — 25,8% (разница почти в 2 раза). В 2007 г. в сельских ТИК в среднем поддержка либералов составила 0,5%, а в городских ТИК (с учетом малых городов) среднеарифметическая доля поддержки либералов 2,5% (разница в 5 раз).

Таким образом, различие отношения городского и сельского населения к либералам за рассматриваемый период не только не смягчилось, но и стало более сильным.

При этом уровень поддержки либералов связан с масштабом города. Соответственно, чем выше численность населения города, тем более высокая поддержка либералов. Как отметил А.В. Баранов, исследуя политическую сферу Краснодарского края, «имеется поддержка либералов только в городах с населением свыше 200 тыс. чел.»[215].

Другой аспект влияния урбанистического фактора — специфика поддержки либералов в сельских районах, примыкающих к крупным города. Соответственно, в этом случае поддержка либералов более высокая. Так, в Астраханской области Наримановский район, примыкающий к областному центру, формально относится к сельской местности, тем не менее, поддержка либералов здесь на более высоком уровне, чем в большинстве других сельских районов области. В Ростовской области так же в сельских районах, примыкающих к Ростову-на-Дону, можно увидеть сравнительно высокую поддержку либералов (в том числе Аксайский район). В Волгоградской области в качестве примера можно выделить Среднеахтубинский, Городищенский, Светлоярский районы — они непосредственно примыкают к областному центру и всегда входят в первую половину районов области по уровню поддержки либералов.

Фактор «центр-периферия»

Тесно связан с урбанистическим фактором фактор «центр-периферии», обоснованный в теории диффузии инноваций.

Уровень поддержки либералов коррелирует с масштабом города. Взаимосвязь достаточно тесная.

В Астраханской области уровень поддержки либералов в трех основных городах — Астрахани, Знаменске и Ахтубинске — сокращается в этой же последовательности, как и количество населения.

В Волгоградской области так же последовательность городов по уровню поддержки либералов соответствует их масштабу — Волгоград, Волжский и малые города области.

В Ростовской области максимальный уровень поддержки либералов в областном центре, на втором месте располагается Таганрог, к третьему уровню относится группа средних городов — Азов, Волгодонск, Батайск, Новочеркасск. На примере Ростовской области эта тенденция имеет исключение — г. Шахты является третьим по численности населения, однако уступает по уровню поддержки либералов средним городам области.

Городские районы различаются по уровню поддержки либералов не только в зависимости от численности населения. Если ТИК расположены в рамках одного города, то практически всегда мы можем наблюдать более высокую поддержку либералов в тех районах, которые называют центральными. Это районы расположения административных, культурных, финансовых учреждений регионального значения, с развитой инфраструктурой.

В г. Астрахани последовательность районов по степени поддержки либералов — Кировский, Советский, Ленинский и Трусовский — абсолютно соответствует расположению этих районов по шкале «центр-периферия». В Волгограде район, в котором либералы на всех выборах получают наибольшую поддержку, и называется Центральным.

Этнический фактор

Природа поддержки нерусским населением либеральных политиков имеет, по нашей оценке, два основных источника.

Во-первых, это влияние «чеченского конфликта» с середины 1990-х гг., прививщееся в национальных республиках, наиболее близко расположенных к центру событий (Чечня, Ингушетия, Дагестан). Изначально ведущие либеральные партии выступили против жесткой политики федерального центра в отношении чеченских сепаратистов, против ведения боевых действий. Данная идеология нашла значительное сочувствие среди широких масс северокавказского населения. Таким образом, эта поддержка была ситуативной, и не была связана с поддержкой более глубоких собственно либеральных ценностей со стороны избирателей.

Во-вторых, заинтересованность национальных меньшинств в базовых либеральных ценностях, обеспечивающих их равноправие в регионах с преимущественным проживанием русского населения. Не только в северокавказских национальных республиках либералы могут получать высокую поддержку (так называемый фактор «чеченской войны»), но и в отдельно взятых районах со значительной долей нерусского населения можно наблюдать повышение уровня поддержи либералов.

В Ростовской области один из сельских районов — Мясниковский — на всех федеральных выборах входил в первую треть районов области по уровню поддержки либералов. Мясниковский район является центром компактного проживания армян в Ростовской области. Либералы получают здесь более высокую поддержку, чем во всех остальных сельских районах области; больше они имеют только в городских ТИК. Именно поэтому Мясниковский район стабильно располагается на 14–15 местах среди 62 ТИК области по степени поддержки либералов, уступая городским и опережая все сельские.

Казачество в отношении к либералам

А.В. Баранов отметил применительно к Югу России, что «поддержка либералов имеется…, как правило, за пределами исторического проживания казачества»[216]. На самом деле, можно наблюдать характерно отстраненное отношение избирателей казацких обществ к либеральным политикам. Вероятно, это можно связать с культурными особенностями казачества и конфликтом с идеологией западничества и индивидуализма, ассоциируемой с либеральными политиками. Казачество исторически является носителем государственнической идеологии[217]

Фактор региональных политически организаций либералов

В Ростовской области впечатляющие результаты либералов, полученные во второй половине 1990-х гг., во многом объясняются активной деятельностью региональных отделений либеральных организаций. Это прекрасное подтверждение того, что деятельность региональных отделений существенно влияет на поддержку конкретных политических партий на местах.

Ростовское отделение «Яблока» во главе с М.В. Емельяновым стало самой успешной региональной организацией либералов на всем российском Юге. Связано это, главным образом, с правильной политикой руководителей объединения, которые по-особому нашли для себя место в политическом пространстве региона. Как и во многих других регионах, местное отделение «Яблока» заняло отнюдь не оппозиционную линию по отношению к региональной элите. М.В. Емельянов и его люди, по большому счету, стали своими людьми в большой команде губернатора Чуба. Но что еще важнее — ростовские яблочники смогли сориентировать региональную элиту на приоритетное сотрудничество именно с «Яблоком». Руководители «Яблока» федерального уровня наладили сотрудничество с руководством региона и нередко оказывали им помощь.

Поэтому вплоть до появления В.В. Путина «Яблоко» действовало на ростовской земле едва ли не как партия власти. Это привело к высокому уровню поддержки либералов на парламентских выборах 1995 г.

Как только региональная организация «Яблока» ослабла, электорат этой партии в Ростовской области сократился до обычных для России размеров.

В середине-второй половине 1990-х гг. организация «Яблока» играла ведущую роль в политической коалиции, сплоченной вокруг губернатора области В. Чуба. Но лишение претензий местного отделения «Яблока» на статус партии власти (с конце 1999-х гг.) привело, соответственно, к более масштабным темпам сокращения либерального электората в области. В связи с этим можно предположить, что уровень поддержки «Яблока» в середине 1990-х гг. в Ростовской области был не вполне адекватен и произошел вследствие совмещения либерального сектора электората с центристским сектором.

В Астраханской области никогда не было заметных либеральных организаций.

3.6. Активно-протестное голосование («против всех») на Юге России

Под активно-протестным электоратом принято считать граждан, голосующих на выборах «против всех».

В 1993–2006 гг. наличие графы «против всех» было специфическим элементом российской избирательной системы. При этом фактически этот элемент существовал и на выборах 1989–1992 гг.: строка «против всех» в избирательном бюллетене отсутствовала, но такой вид волеизъявления был возможен: гражданину, отвергавшему всех кандидатов, следовало вычеркнуть в бюллетене все фамилии[218].

Наличие графы «против всех», не смотря на слаборазвитую практику использования этого элемента в высокоразвитых демократиях, было значительным демократическим достижением отечественной избирательной системы. Данная графа в некоторой степени расширяла возможности выбора для избирателя и ослабляла навязывание избирателю ограниченного выбора. Посредством этой возможности избиратель мог выйти за рамки заданного набора политиков, если имеющееся «политическое предложение» не соответствовало его «политическому спросу». Таким образом, наличие графы «против всех» выполняло и информационную функцию, сообщая о степени неудовлетворенности населения имеющейся политической конъюнктурой.

Типы активно-протестного голосования

О. Маслов и А. Прудник с 1998 г. стали различать, в рамках голосования «против всех», ситуационно-протестное и системно-протестное голосование[219].

Системно-протестное голосование отличается от ситуационно-протестного тем, что данный тип голосования характерен для лиц с ярко выраженной гражданской позицией, с высшим или незаконченным высшим образованием. В ситуационно-протестном голосовании в мотивации к голосованию против всех присутствует: 1) Отсутствие кандидата, за которого можно было бы проголосовать; 2) Отсутствие горячей воды в день выборов; 3) Или любая иная сиюминутная, конфликтная ситуация, связанная с избирателем.

Для гражданина, которого можно отнести к системно — протестному электорату, характерна другая мотивация: 1) Неспособность любого из кандидатов решать насущные проблемы граждан; 2) Отсутствие предложений об институциональных или каких-либо иных изменениях в обществе, способных улучшить в перспективе жизнь граждан; 3) Отсутствие кандидатов, способных представить избирателю хоть какое — то подобие программ по улучшению жизни граждан, с конкретными механизмами реализации этих программ.

Известно, что протестное голосование имеет элитарный характер — большая часть голосующего таким образом электората — лица с высшим образованием. Так же оно имеет молодежный характер.

Исследование территориальных особенностей голосования «против всех» провели А.С. Ахременко, А.Е. Любарев.

Согласно исследованию А.С. Ахременко, о каких бы выборах ни шла речь, в качестве лидеров и аутсайдеров голосования «против всех» выступают, как правило, одни и те же регионы. Наивысший коэффициент корреляции в рамках его исследования (0,8) — между выборами в Госдуму в 1995 г. по общефедеральному округу и первым туром выборов Президента РФ в 1996 г.

На основании анализа избирательных кампаний 1995–2000 гг. А.С. Ахременко выделил для каждого региона средний процент голосования «против всех». Самым высоким (более 6%) этот показатель оказался в большинстве регионов Севера и Дальнего Востока (максимальное значение — 7,3% — в Красноярском крае), а самым низким (менее 3%) — в республиках Северного Кавказа, Калмыкии (минимальное значение — 1,6% — в Дагестане и Ингушетии).

Уровень активно-протестного голосования в ЮФО в сравнении с российским уровнем

На Юге России уровень голосования «против всех» был ниже, чем в среднем по стране.

А.С. Ахременко отметил, что на Юге России уровень голосования «против всех» низок не только в национальных республиках Северного Кавказа, но и в «русских» регионах: «Ставропольский, Краснодарский край и Ростовская область хоть и демонстрируют лучшие показатели голосования «против всех» по сравнению с республиками данного ареала (они входят в группу «средненизкого голосования»), однако эти результаты остаются существенно ниже, чем в целом по России»[220].

На парламентских выборах 1995 г. на Юге только в Краснодарском крае уровень голосов «против всех» (3,4%) был выше, чем в среднем по России (2,8%).

На президентских выборах в 1996 г. и парламентских в 1999 г. во всех регионах Юга уровень голосов «против всех» был ниже, чем в среднем по России.

На президентских выборах 2000 г. только в Чечне уровень голосов «против всех» (3,1%) был выше, чем в среднем по России (1,9%).

Действительно, в 2003 г. среди всех регионов Юга только в Ставропольском крае и Астраханской области уровень голосов «против всех» (соответственно 4,9% и 4,8%) был выше, чем в среднем по России (4,7%).

На президентских выборах 2004 г. так же опять только Ставропольский край и Астраханская область дали долю голосов «против всех» (соответственно 3,5% и 3,6%) не ниже, чем в среднем по России (3,5%).

Таким образом, следует подтвердить тезис, что в целом уровень голосования «против всех» на Юге был ниже, чем в среднем по стране, в том числе в так называемых «русских» регионах. Исключения были редки и неустойчивы.

Фактор типа избирательной системы

Фактором, существенно влияющим на масштабы протестного голосования, по мнению, А.Е. Любарева, является тип выборов. При голосовании за кандидатов по мажоритарной системе доля голосов «против всех» намного выше, чем при голосовании за избирательные списки по пропорциональной системе, даже если выбор проходят одновременно (как это было на федеральном уровне при смешанной системе).

Эта закономерность подтверждалась на Юге России во всех одномандатных округах на всех федеральных парламентских выборах.

В Астраханской области на парламентских выборах в 1995 г. при голосовании по партийным спискам уровень голосов «против всех» был в

2,6 раза меньше, чем при голосовании за кандидатов по одномандатному округу, в 1999 г. — в 2,8 раза меньше, в 2003 г. — в 1,6 раза меньше.

В других субъектах федерации Юга это различие выражено даже ярче. В Ростовской области на парламентских выборах 1999 г. в Волгодонском одномандатном округе уровень голосов «против всех» при голосовании за кандидатов по одномандатному округу был в 6 раз выше, чем при голосовании за партийные списки, в Каменском округе — в 5 раз, в Пролетарском округе — в 5 раз, в Ростовском округе — в 4 раза, в Таганрогском округе — в 5,7 раз, в Шахтинском округе — в 4,4 раза.

В Волгоградской области на парламентских выборах 1999 г. уровень голосов «против всех» при голосовании за кандидатов по одномандатному округу был выше, чем при голосовании за партийные списки, в Волжском округе в 4,4 раза, в Красноармейском округе в 4,7 раза, в Михайловском округе в 4,8 раза, в Центральном округе 2,7 раза.

В Ставропольском крае на парламентских выборах 1999 г. уровень голосов «против всех» при голосовании за кандидатов по одномандатному округу был выше, чем при голосовании за партийные списки, в Георгиевском округе в 2,9 раза, в Кавминодском округе в 2,9 раза, в Петровском округе в 2,1 раза, в Ставропольском округе в 2 раза.

Таким образом, эта закономерность выражена исключительно явно и практически не имеет исключений по эмпирическим данным на Юге России. Сама по себе эта закономерность чрезвычайно интересна для понимания электорального поведения.

По нашему мнению, она заставляет поставить под сомнение известную теорию о том, что при электоральном поведении решающее значение имеет личностный фактор кандидата. Партии (избирательные объединения) обладают большей мобилизующей способностью по отношению к избирателям, и при выборе партий избиратели гораздо реже прибегают к голосованию «против всех», чем при выборе из личностей-кандидатов. Это вполне можно объяснить предположением, что при голосовании за избирательные объединения граждане более охотно отдают поддержку определенной политической идеологии или тенденции, которые этими избирательными объединениями представляются. В современной России при выборах по мажоритарной системе решающее значение имеет именно личностный фактор кандидатов, и в данном случае избиратели чаще обнаруживали свое неудовлетворение «политическим предложением», прибегая к голосованию против всех.

Фактор уровня выборов

На выборах Президента РФ уровень голосов «против всех» существенно ниже, чем на парламентских выборах. Активно-протестное голосование обычно повышается при голосовании на выборах низкого уровня.

Данную закономерность лучше всего проследить на выборах разного уровня в течение по возможности минимального временного интервала, например, в рамках одного избирательного цикла.

Например, в Астраханской области на примере Кировского района областного центра в избирательном цикле 1999–2000 гг. уровень голосов против всех на президентских выборах был 2%, на парламентских выборах по федеральном округу 3,3%, на губернаторских выборах 8,6%. Если представить это в виде пропорции, то она будет выглядеть как 1- 1,7- 4,3. В избирательном цикле 2003–2004 гг. эта пропорция выглядит как 1- 1,1- 2,1 (5,5%- 6%- 11,5%).

Именно на муниципальных выборах достаточно часто уровень активно-протестного голосования достигал огромных масштабов и превосходил позитивное голосование за кандидатов.

В Краснодарском крае на муниципальных выборах в 2004 г. повсеместно в регионе «против всех» проголосовали свыше 20% избирателей, а в Курганинском районе — 69,6%.

Фактор уровня выборов сопряжен со степенью значимости избираемых органов власти. Отсюда можно объяснить наличие прямой связи между уровнем активно-протестного голосования и явкой избирателей.

Распространено предположение, что на выборах более значимых органов власти (а здесь на первом месте стоят выборы Президента страны) избиратели ведут себя более «ответственно» и «взвешенно», отсюда на таких выборах более высокая явка и низкий уровень голосов «против всех».

Этнический фактор

А.С. Ахременко именно национальный фактор выделяет в качестве главного, влияющего на уровень голосования «против всех»: «даже при беглом взгляде на перечни регионов в крайних группах обращает на себя внимание обилие в них субъектов федерации, в названии которых содержится наименование коренной национальности… Для группы с низким уровнем голосования коренные национальности по численности либо приближаются к 50%, либо составляют абсолютное большинство населения (до 78% в Дагестане). Определенное исключение составляет лишь Адыгея (22,1%), однако и там удельный вес титульной нации существенно больше». А.С. Ахременко сформулировал гипотезу о существовании обратной зависимости между численностью жителей коренной национальности и уровнем голосования «против всех» в регионе и, наоборот, прямой зависимости между численностью славянского населения и таким голосованием. Коэффициент корреляции между процентной долей русского населения и процентом голосования «против всех» по 88 регионам России в исследовании А.С. Ахременко составил 0,58 — стати-

стически значимую величину. Таким образом, «раскол» (cleavage) по национальному критерию «работает» в объяснении дифференциации субъектов федерации по степени выраженности рассматриваемой формы электорального поведения.

По субъектам федерации ЮФО коэффициент корреляции между долей русских в составе населения и средним уровнем голосования «против всех» на федеральных выборах очень высокий — 0,87. Самый низкий уровень голосов «против всех» в республиках Ингушетия и Дагестан, где самая малая доля русских в составе населения. И наоборот — Адыгея как республика с наибольшей долей русского населения имеет достаточно большую долю голосов «против всех» среди северокавказских республик. Эта доля здесь была выше, чем в других республиках Северного Кавказа, на президентских выборах 1996 года (после Чечни), вторая доля была и на парламентских выборах 2003 года (после Калмыкии — 3,9%). На президентских выборах 2004 года — самая большая доля протестного голосования среди всех кавказских республик — 2,5%.

Этот фактор, бесспорно, проявляется и на более низком уровне районов. В Астраханской области самый низкий уровень активно-протестного голосовании был в Володарском районе, где доля русского населения самая низкая.

В Волгоградской области существует аналогичный пример. Старополтавский район с преимущественным проживанием казахского населения отличался низким уровнем голосов «против всех» по сравнению с большинством других сельских районов.

Интересный пример дает Ростовская область, где существует пример район компактного проживания не тюркского этноса (как в случае с Астраханской областью) и не северокавказских народов, а армян. Мясниковский район отличался высоким уровнем голосования «против всех» и опережал все остальные сельские районы, где большей была доля русского населения.

Калмыкия на всех парламентских федеральных выборах отличалась более высокой долей голосов «протии всех», чем в любой из северокавказских республик. Единственное исключение было в 1995 г. — тогда из 7 северокавказских республик Ингушетия опередила Калмыкию по уровню голосов «против всех». В 1999 г. уровень голосов «против всех» в Калмыкии был в 2,5 раза выше, чем в среднем в северокавказских республиках, в 2003 г. в 2,6 раз выше, в 2004 г. в 2,5 раза выше.

Таким образом, этнический фактор применительно к активно-протестному голосования необходимо сформулировать иначе, чем в предшествующих исследованиях.

Значение имело не соотношение русского и нерусского населения, а доля определенных этнических групп, к которым относятся на Юге России тюркские, северокавказские этносы — именно для этих групп была характерна низкая доля активно-протестного голосования.

Такие этнические группы, как калмыки и армяне на примере Юга России по уровню активно-протестного голосования гораздо ближе к русскому населению.

Фактор казачества

Алексеевский район Волгоградской области был самый низкий уровень голосов «против всех» на выборах 2004 г. В целом в других районах — исторических центрах проживания казачества в Волгоградской, Ростовской областях уровень голосования «против всех» был ниже среднего.

Урбанистический фактор

А.С. Ахременко был использован корреляционный анализ для выявления влияния раскола «город — село» на уровень голосования «против всех». Как показывает проведенный анализ, высокий процент голосов, поданных против всех кандидатов (партий), в значительно большей степени характерен для городского типа политической культуры, нежели для сельского. Раскол «столица региона — остальной регион» в наиболее чистом виде был выявлен в данном исследовании на Северном Кавказе. Корреляционный анализ процентных долей городского населения и данных голосования «против всех» по субъектам РФ дал весьма значимый результат: 0,57.

В Астраханской области на выборах в 1995 г. в городских районах среднее арифметическое голосование «против всех» было в 1,5 раза выше, чем в сельских районах (2,8% и 1,9%), в 1999 г. в 1,7 раза (3,2% и 1,9%), в 2003 г. в 1,6 раза (5,8% и 3,7%).

В первом туре 1996 г. разница среднего арифметического голосования «против всех» в городских и сельских районах составила 1,4 раза (1,7% и 1,3%), во втором туре — 1,7 раза (5,7% и 3,3%). На президентских выборах 2000 г. разница выросла до 2,4 раза (1,5% и 0,6%). Так же на высоком уровне эта разница была в парламентской кампании 2004 г. — в 2, 1 раза (4,8% и 2,3%).

В Ростовской области разница среднего арифметического голосования «против всех» в городских и сельских районах составила в 1995 г. 1,3 раза (2,1% и 1,6%), в 1999 г. 1,8 раза (3,1% и 1,7%),.в 2003 г. 1,6 раз (5,3% и 3,3%).

В первом туре президентских выборов 1996 г. в Ростовской области эта разница 1,3 раза (1,1% и 0,9%). На президентских выборах 2000 г. возросла до 3,1 раза (2% и 0,6%), в 2004 г. до 2,3 раза (3,9% и 1,7%).

В Волгоградской области в 1995 г. разница среднего арифметического голосования «против всех» в городских и сельских районах составила 1,4

раза (1,9% и 1,4%), в 1999 г 1,5 раза (2,8% и 1,8%), в 2003 г. 1,5 раза (4,8% и 3,3%). В первом туре 1996 г. разница составила 1,4 раза (1,5% и 1,1%). На президентских выборах 2000 г. разница составила 2,1 раза (1,5% и 0,7%), в 2004 г. 1,9 раз (4% и 2,1%).

Таким образом, существенное различие уровня активно-протестного голосования наблюдается на всех федеральных выборах. При этом эта разница возрастает при сокращении конкуренции в политическом пространстве (второй тур президентской кампании 1996 г., президентские выборы эпохи В.В. Путина). Данное возрастание разницы связано с тем, что при сокращении конкурентности на выборах именно городское население более активно голосует «против всех». Другое следствие из данных эмпирических наблюдений — городское население в меньшей степени, чем сельское, подчинено закономерности «влияния уровня выборов на уровень активно-протестного голосования». Особенно хорошо это видно благодаря российской практике последовательного проведения парламентских и президентских выборов. На президентских выборах, которые проходили вслед за парламентскими, в сельских районах сильнее падал уровень активно-протестного голосования.

Нельзя не обратить внимание на то, что во всех трех субъектах федерации на парламентских выборах 1995–2003 гг. разница уровня активно-протестного голосования между городскими и сельскими районами практически не менялась. Зафиксированная устойчивость этой разницы сама по себе говорит о детерминированном характере различия активно-протестного голосования между городским и сельским населением.

Увеличение раскола между городскими и сельскими районами по этому опросу проявилось только на уровне президентских выборов.

Урбанистический фактор является универсальным в объяснении территориальных различий активно-протестного электората. Чрезвычайно редки случаи, когда в сельской ТИК уровень активно-протестного голосования был бы выше, чем в городской ТИК.

Фактор «центр-периферия», вероятно, имеет меньшее значение в объяснении различий активно-протестного голосования (в отличие, например, от вопроса с электоральной поддержкой либералов).

Достаточно часты примеры, когда областной центр не лидирует по уровню активно-протестного голосования в своем регионе. Так, в Астраханской области этот уровень практически на всех федеральных и региональных выборах самый большой не в Астрахани, а в г. Знаменске. В Волгоградской области в 1999 г. на первое место выходил г. Волжский (а на других выборах опережал многие районы областного центра). В Ростовской области по этому уровню в 1996 г. лидировал Новочеркасск, в 1999 г. Волгодонск, в 2003 г. Батайск, а г. Таганрог на нескольких выборах опережал большинство районов областного центра.

В целом фактор «центр-периферия» просматривается. Районы областного центра в совокупности занимают более высокие позиции по уровню голосования «против всех», чем средние и малые города в совокупности. Но отдельные исключения часты.

Устойчивость территориальных различий по уровню активно-протестного голосования

А.С. Ахременко в 2001 г. провел исследование устойчивости уровня голосования «против всех» по всем регионам России. В каждом из рассмотренных им случаев обнаружена значимая корреляционная связь.

Но если А.С. Ахременко на основании изучения результатов выборов 1995–2000 гг. пришел к выводу, что на уровне субъектов Российской Федерации устойчивость большая, чем на более локальных уровнях, то в рамках нашего исследования на уровне ТИК выявлена большая устойчивость доли голосов «против всех».

По регионам ЮФО количественные показатели устойчивости уровня голосов «против всех» более явные, чем в общефедеральном исследовании А.С. Ахременко. Среди субъектов федерации ЮФО самый высокий коэффициент корреляции по доле голосов против всех (0,913) между результатами парламентских выборов 1999 и 2003 гг. Между результатами парламентских выборов 2003 г. и президентских выборов 2004 г. коэффициент корреляции 0,88.

На более низком уровне районов (ТИК) устойчивость территориальных различий по уровню голосования «против всех» более высокая.

В Астраханской области корреляции между результатами активно-протестного голосования по районам в 2003 и 2004 гг. — 0,88; между результатами голосований 1999 и 2003 г. — 0,962; между результатами голосований 1995 и 1999 — 0,66.

В Ростовской области корреляции между результатами активно-протестного голосования по районам в 1995 и 1999 — 0,631, между 1999 и 2003 гг. — 0,762, между 2003 и 2004 гг. — 0,791.

В Волгоградской области корреляции между результатами активно-протестного голосования по районам в 1995 и 1999 гг. составила 0,77, между 1999 и 2003 гг. — 0,83, между 2003 и 2004 гг. — 0,87.

Среди мотивов высокого уровня голосов «против всех» выделяют, в частности, отказ в регистрации или отмену регистрации популярного кандидата. Отказ в регистрации Л. Иванченко на выборах губернатора Ростовской области в сентябре 2001 г. привел к 12,7% голосов «против всех», а в отдельных районах и городах области — до 25,5%.

На федеральных парламентских выборах в Астраханской области в 1993 г. уровень голосов «против всех» был 4%

Увеличение доли голосов «против всех»

На парламентских выборах с 1995 по 2003 г. доля голосов против всех последовательно увеличивалась почти во всех субъектах федерации Юга. Только в двух регионах Юга из 12 (Чечня не учитывается) эта последовательная тенденция не зафиксирована — в Дагестане и Ингушетии.

В целом по России эти показатели активно-протестного голосования в 1995, 1999 и 2003 гг. составили, соответственно, 2,8%, 3,3% и 4,7%.

В целом по России темп прироста доли активно-протестного электората с 1995 по 1999 гг. составил 18%, а в среднем по регионам Юга — 16%.

Таблица 14. *Динамика изменения доли активно-протестного электората по регионам Юга России на парламентских выборах с 1995 по 2003 гг.*

	Доля голосов в 1995 г.	Доля голосов в 1999 г.	Доля голосов в 2003 г.	Темп прироста доли 1995–1999 гг.	Темп прироста доли 1999–2003 гг.	Темп прироста доли 1995–2003 гг.
Ростовская обл.	1,9%	2,6%	4,5%	37%	73%	137%
Волгоградская обл.	1,8%	2,6%	4,5%	44%	73%	150%
Ставропольский край	1,8%	3,2%	4,9%	78%	53%	172%
Краснодарский край	3,4%	2,4%	4,4%	-29%	83%	29%
Астраханская обл.	2,3%	2,6%	4,8%	13%	85%	109%
Дагестан	0,5%	0,4%	0,5%	-20%	25%	0%
Адыгея	1,3%	1,7%	3,9%	31%	129%	200%
Ингушетия	2,7%	0,3%	1,5%	-89%	400%	-44%
Кабардино-Балкария	1%	0,9%	1,3%	-10%	44%	30%
Калмыкия	1,9%	2,5%	4,6%	32%	84%	142%
Сев. Осетия	1,6%	1,8%	2%	13%	11%	25%
Карачаево-Черкесия	1%	1,9%	2,2%	90%	16%	120%
Всего по России	2,8%	3,3%	4,7%	18%	42%	68%

Таблица 15. *Динамика изменения доли активно-протестного электората по регионам Юга России на президентских выборах с 1996 по 2004 гг.*

	Доля голосов в 1996 г. (1 тур)	Доля голосов в 2000 г.	Доля голосов в 2004 г.	Темп прироста доли 1996–2000 гг.	Темп прироста доли 2000–2004 гг.	Темп прироста доли 1996–2004 гг.
Ростовская обл.	1,1%	1,5%	3%	36,4%	100%	172,7%
Волгоградская обл.	1,4%	1,3%	3,3%	-7,1%	153,8%	135,7%
Ставропольский край	1,2%	1,3%	3,5%	8,3%	169,2%	191,7%
Краснодарский край	1,2%	1,2%	3,1%	0%	158,3%	158,3%
Астраханская обл.	1,4%	1,1%	3,6%	-21,4%	227,3%	157,1%
Дагестан	0,5%	0,2%	0,4%	-60,0%	100%	-20%
Адыгея	1,1%	1,2%	2,5%	9,1%	108,3%	127,3%
Ингушетия	1,9%	0,6%	0,1%	-68,4%	-83,3%	-94,7%
Кабардино-Балкария	0,8%	0,6%	0,3%	-25,0%	-50%	-62,5%
Калмыкия	0,9%	1%	1,2%	11,1%	20%	33,3%
Сев. Осетия	1,1%	0,8%	0,4%	-27,3%	-50%	-63,6%
Карачаево-Черкесия	0,8%	1%	1,4%	25,0%	40%	75%
Чечня	2,2%	3,1%	0,8%	40,9%	-74,2%	-63,6%
ВСЕГО ПО РОССИИ	1,5%	1,88%	3,5%	25,3%	86,2%	133,3%

Динамику роста активно-протестного электората целесообразно рассматривать отдельно по каждому типу выборов.

На федеральных парламентских выборах в Астраханской области в 1995 г. уровень голосов «против всех» был 2,3%, в 1999 г. 2,6%, в 2003 г. 4,8%. На президентских выборах уровень активно-протестного голосо-

вания изменялся с 1,4% в первом туре выборов 1996 г. до 1,1% в 2000 г. и до 3,6% в 2004 г.

Темпы прироста доли активно-протестного голосования в рассматриваемый период были очень высоки и свидетельствовали о нарастающем кризисе легитимности политической системы.

При этом интересно, что на федеральных парламентских выборах минимальный уровень активно-протестного голосования был на выборах 1995 г., после чего он последовательно возрастал. В эту тенденцию не вписывается первая парламентская кампания в 1993 г. — на ней гораздо выше был уровень голосов «против всех» и меньше явка, чем в 1995 г. Учитывая обстоятельства, при которых проходили выборы 1993 г., можно утверждать, что высокий уровень голосов «против всех» в 1993 г. и его последовательный рост после 1995 г. — проявление тенденции сокращения легитимности политической системы.

Взаимосвязь между активно-протестным голосованием и поддержкой отдельных политических сил

Взаимосвязь между уровнем голосов «против всех» и явкой. Как правило, территории, на которых отмечается повышенная явка, отличаются меньшей долей активно-протестного голосования. На примере субъектов федерации юга России эта закономерность полностью подтверждается.

На парламентских выборах по регионам Юга России корреляция между результатом голосования «против всех» и уровнем явки в 1995 г. составила минус 0,656, в 1999 г. минус 0,69, в 2003 г. минус 0,77.

А.Е. Любарев попытался выявить взаимосвязь между голосованием «против всех» и голосами, поданными за разные избирательные объединения и блоки, но пришел к выводу, что в разных избирательных округах ситуация складывалась неодинаково.

По нашему мнению, удается проследить устойчивую положительную корреляцию между долей голосов «против всех» и долей голосов за либералов. Эту же закономерность в 2001 г. отметил и А.С. Ахременко.

На уровне субъектов федерации ЮФО на парламентских выборах 1999 г. корреляция между этими двумя рядами данных составила 0,825,

Так, по районам Ростовской области на выборах 1999 г. эта корреляция составляла 0,898, а на выборах 2003 г. — 0,7. На президентских выборах 2000 г. корреляция составляла 0,954!

В Астраханской области положительная корреляция между уровнем поддержки либералов и долей голосов «против всех» в 1999 г. составила 0,788, в 2003 г. — 0,832, на президентских выборах 2000 г. — 0,848, в 2004 г. — 0,841.

В Волгоградской области положительная корреляция между уровнем поддержки либералов и долей голосов «против всех» на выборах в 1999 г. составила 0,762, в 2003 г. 0,715, в 2000 г. — 0,924, в 2004 г. — 0,863.

Отрицательную корреляцию между уровнем голосов «против всех» и уровнем поддержки левых выявил так же А.С. Ахременко.

Интерес представляют результаты голосования на федеральных выборах 2007 г. При сопоставлении этих показателей с данными прошлых голосований против всех по отдельным территориям прослеживаются интересные закономерности.

Корреляция между уровнем голосов «против всех» в 2003 г. по районам Астраханской области и уровнем голосов за «Единую Россию» в 2007 г. составляет минус 0,61. В сопоставлении же с результатами голосования за оппозиционные партии корреляция положительная. По районам Астраханской области корреляция между уровнем голосов «против всех» в 2003 г. и уровнем голосов за либеральные партии в 2007 г. — 0,705, за «Справедливую Россию» в 2007 г. — 0,653, за левые партии 2007 г. — 0,546.

Проведение корреляционного анализа на более высоком уровне субъектов федерации подтверждает эти тенденции еще ярче. Корреляция между уровнем голосов «против всех» в 2003 г. по регионам ЮФО и уровнем голосов за «Единую Россию» в 2007 г. составляет минус 0,878. Корреляция между уровнем голосов «против всех» в 2003 г. по регионам ЮФО и уровнем голосов за «Справедливую Россию» в 2007 г. составляет минус 0,774, за либералов в 2007 г. — 0,893, за ЛДПР в 2007 г. — 0,891, за левые партии в 2007 г. — 0,862.

3.7. Геоэлекторальная модель Юга России

Рассмотрев выше предложенную Р.Ф. Туровским типологию геоэлекторальных моделей «центр-периферия», в нашем исследовании мы можем предложить свое видение геоэлекторальной модели, которая характеризует электоральное расслоение в современной России. По нашему мнению, данная модель, подтверждаемая изучением особенностей дифференциации электорального поведения на Юге России, характерна не только для Южного федерального округа, но и для всей России в целом.

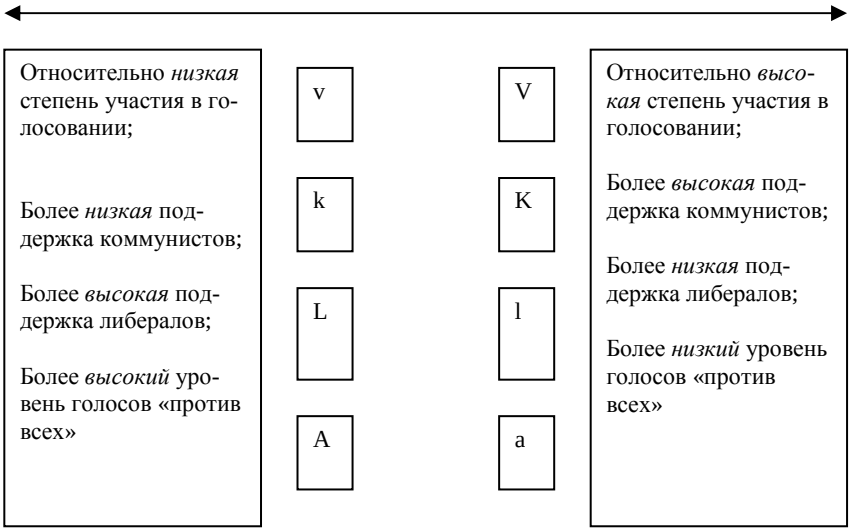
Дифференциации территориальных общностей по отношению к определенным политическим силам оказываются взаимосвязанными. Так, в 1990-е гг. многими исследователями был определен, что базовый электо-

ральный раскол территорий России включает в себя следующие показатели: 1) степень поддержки либералов (или реформаторских, демократических сил), 2) степень поддержки коммунистов, 3) степень активно-протестного голосования («против всех»), 4) уровень явки.

Объединение воедино этих четырех показателей позволяло построить условную шкалу дифференциации территориальных общностей по электоральным предпочтениям. На одном полюсе этой шкалы располагались территории, в которых 1 и 3 из этих показателей были выражены сильнее, а показатели 2 и 4 — слабее. На противоположном полюсе располагались территории, на которых показатели 2 и 4 были выражены сильнее, а показатели 1 и 3 — слабее.

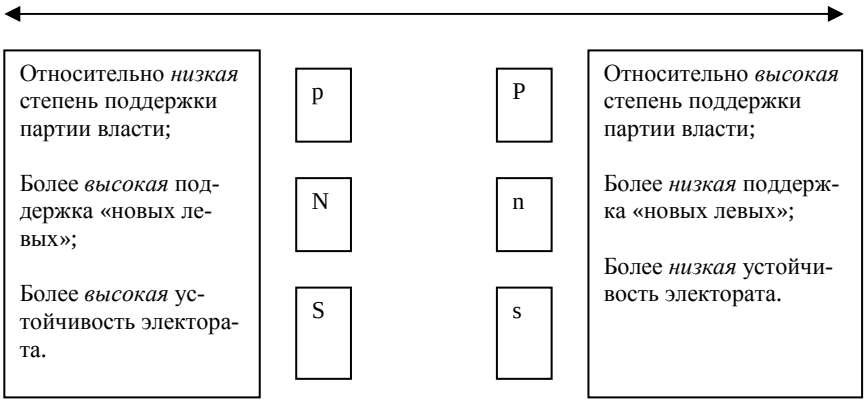
Таким образом, уже результаты голосований в 1990-е гг. дали эмпирический материал, обнаруживший, что более высокий рейтинг либеральных партий на определенной территории как правило сопровождается высоким уровнем голосов «протии всех» и сравнительно низким уровнем голосов за коммунистов и низкой явкой.

Можно изобразить данную шкалу дифференциации территориальных общностей в виде символов, используя, например, способ записи булевой алгебры.



Таким образом, территориальные общности в начальной точке шкалы могут записываться совокупностью символов *vkLA* (Относительно низкая степень участия в голосовании; низкая поддержка коммунистов; высокая поддержка либералов; высокий уровень голосов «против всех»). Территориальные общности в противоположном краю шкалы характеризуются признаками *VKla* (Относительно высокая степень участия в голосовании; высокая поддержка коммунистов; низкая поддержка либералов; низкий уровень голосов «против всех»).

В 2000-е гг. данные показатели дополнись целой группой новых, которые органично вписались в схему. Это были особенности электорального поведения, связанные с различным отношением территориальных общностей к процессу установления «электоральной гегемонии» партии власти, поддержке «новых левых» (блок «Родина», партия «Справедливая Россия»). Так же в схему добавился динамический показатель — степень устойчивости электоральных ориентаций в условиях радикальной трансформации электорального пространства в 2000- е гг.



Таким образом, в записи символами булевой алгебры первый полюс шкалы может быть обозначен как (vkLapNS), второй полюс шкалы — как (VKlAPnS).

По отношению к данной «типической шкале» районирования случаем «электоральной аномалии» можно назвать территориальные общности, эти закономерности нарушающие. Например, если один район будет отличаться от других сравнительно высоким уровнем поддержки либералов и высокой явкой (что, например, иногда случается в северокавказских республиках).

Данная шкала может быть построена на ранговых значениях сравниваемых территорий. Совпадение рангов территорий по всем 7 параметрам не может быть полным, но при наличии незначительных отклонений имеет место.

В Астраханской области по шкале к первому полюсу (vkLapNS) Кировский район — Советский — Ленинский — … — Красноярский — Володарский (VKlAPnS). Обратим внимание, что наиболее устойчиво положение в этой шкале территорий, расположенных по краям. Районы, расположенные в середине шкалы, перемещаются в ней в небольших границах.

В Краснодарском крае в эту шкалу полностью (по всем семи составляющим) вписывается электоральный раскол между черноморским побережьем и Кубанью.

На межрегиональном уроне раскол между «русскими» регионами ЮФО и национальными республиками так же вписывается в эту шкалу.

Следует подчеркнуть, что объяснить расслоение территориальных общностей по этой шкале не поможет ни один из факторов, детерминирующих электоральные предпочтения. Таким фактором не является даже урбанистический фактор, хотя, конечно, его влияние наиболее явно просматривается в последовательности расположении территорий по шкале.

В связи с этим можно объяснить «вечную» популярность «фактора центр-периферия» в объяснении территориальной дифференциации электоральных ориентаций. Потому что и в данном случае именно раскол «центр-периферия» представляется наиболее точным отражающим различие положение территорий по шкале. Раскол «центр-периферия» сам по себе не является фактором, по остается комплексным сравнительным показателем социально-политического развития территорий.

Таким образом, территориальную специфику электорального поведения составляют семь связанных показателей электорального поведения.

Заключение

Рассмотрение электоральных ориентаций населения Юга России позволяет утверждать, что проявляющиеся закономерности представляют ценность для изучения системы политических отношений как данного макрорегиона, так и входящих в его состав локальных общностей, а так же Российской Федерации в целом.

Изучение электоральных ориентаций остается тем направлением научных исследований, которое находится на стакер да научных дисциплин и призвано использовать метод смежных дисциплин и междисциплинарную методологию. Только квалифицированные диссертационные работы, посвященные проблематике электорального поведения и электоральных ориентаций, были защищены по таким наукам, как политология, психологи, экономика, история, география, социология. К сожалению, для некоторых из этих работ характерна «дисциплинарная» ограниченность, в них не используется опыт изучения данной проблематике в смежных научных дисциплинах. По нашему мнению, только междисциплинарный подход может стать перспективной базой для объективного и всестороннего изучения феномена. В нашем случае особую ценность представляют методы электоральной географии, что не должно вызывать сомнений относительного политологического характера настоящего исследования.

В настоящем исследовании наличие объективного устойчивого характера электоральных ориентаций населения подтверждается, главным образом, количественными методами, и представляется несомненным.

Дифференциация электоральных предпочтений по Югу России согласуется с основными объективными показателями территорий. Объективный характер территориальной дифференциации электоральных предпочтений населения подтверждается, как можно судить на основании нашего исследования, рядом аргументов.

Во-первых, устойчивый характер имеют территориальные различия электорального поведения населения разных территорий. Корреляционный анализ в достаточной степени подтверждает, что о такой устойчивости можно говорить уверенно.

Во-вторых, объективный характер территориальных различий электоральных ориентаций населения подтверждает и наличие взаимосвязи между территориальными различиями электорального поведения территорий и объективными социальными характеристиками территорий.

Относительно возможности использования концептуальных подходов к рассмотрению электоральных ориентаций можно отметить, что в российских условиях приоритет принадлежит «социологическому подходу».

Это связано с тем, что самые явнее электоральные расколы в России коррелируются с социально-экономическими условиями. О возможности эффективного применения социально-психологической теории следует говорить только в перспективе.

Теория расколов Роккана-Липсета подтверждает свое эвристическое значение на российском эмпирическом материале. Так же чрезвычайно актуальной для изучения территориальной дифференциации электоральных ориентаций россиян остается теоретическая модель «центр-периферия».

В постсоветской России сложилась специфическая геоэлекторальная модель «центр-периферия», характеристика которой представлена в настоящей работе. В предложенной нами геоэлекторальной модели дифференциация электорального поведения по оси «центр-периферия» прослеживается сразу по семи показателем электоральных ориентаций и электорального поведения. Такого большого количества согласованных измерений дифференциации по оси «центр-периферия» нет в геоэлекторальных моделях, существующих в других странах.

Четырехсекторная схема деления российского электорального пространства (левые, державно-патриотические силы, либералы, «партия власти») в наибольшей степени подтверждается методом корреляционного анализа.

Вопрос о том, в какой степени объективные характеристики территориальных общностей детерминируют особенности электорального поведения населения, не может иметь однозначного ответа. В результате проведенного нами исследования, можно отметить, что существует определенная иерархия детерминант. В большинстве случаев подтверждается распространенная точка зрения, что основными детерминантами являются этнический и урбанистический факторы. Признавая, что «фундаментальная» роль принадлежит урбанистическому фактору, можно отметить, что в условиях преобладания на территории нерусского населения первенствующее значение может принадлежать этническому фактору. В условиях Юга России прослеживается влияние всех факторов, рассматриваемых в качестве детерминант электорального выбора.

В настоящем исследовании подтверждается, что значение каждого из детерминирующих факторов электорального поведения проявляется поразному в отношении к конкретным политическим силам. Таким образом, иерархия детерминант электорального поведения зависит, во-первых, от конкретной электоральной общности, а во-вторых, от конкретных политических сил.

На территориях, не относящимся к национальным территориальным образованиям, безусловно, важнейшей детерминантой электоральных ориентаций является урбанистический фактор. Раскол «город-село» очень ярко сказывается здесь почти по всем формам проявления электорального поведения и электоральных ориентаций. Вторичное значение

принадлежит этническому фактору — доля представителей определенных этносов корректирует особенности электоральных ориентаций в определенном направлении.

Большинство политических сил России оказывалось в наибольшей зависимости от урбанистического фактора электоральных ориентаций. Партия власти всегда сильно зависела от этого раскола — но если в 1990-е гг. опиралась на «город», то в 2000-е гг. такой же сильный перекос по уровню электоральной поддержки имеет на «селе». У либералов очень прочно электоральная поддержка привязана именно к «городу», и никаких изменений в этом плане не происходит. От урбанистического электорального раскола всегда серьезно зависели коммунисты (КПРФ), но если в 1990-е гг. они имели главную электоральную базу на «селе», то в 2000-е гг. гораздо перспективнее для них электоральная поддержка в «городе». В том, что касается новых левых партий, то их зависимость от городского избирателя выражена очень явно.

Следовательно, говорить о наличии общей для всех партий и для всех территорий иерархии факторов электорального поведения нельзя. Такая иерархия факторов релятивная, во-первых, конкретной территории (или типу территории) и конкретной политической силе.

Для поддержки державно-патриотических сил (ЛДПР, в частности) наиболее значение имеет не урбанистический фактор, а этнический. Так же этнический фактор в 2000-е гг. оказывается важнейшим для объяснения территориальных различий электоральной поддержки партии власти.

Влияние урбанистического фактора наиболее велико по отношению к уровню поддержки либералов, а так же партии власти, новых левых партий, таким формам электорального поведения, как активно-протестное голосование и явка на выборы. На уровне поддержки державно-патриотических сил значение урбанистического фактора существенно не отражается.

Особенностью динамического развития системы электоральных предпочтений населения можно назвать усиление «электоральных расколов» в современной России. Данный феномен существует парадоксальным образом. С одной стороны, в 2000-е гг. партия власти обеспечила себе повсеместную поддержку, ликвидирован «красный» оппозиционный пояс. Тем не менее, при этом количественные показатели территориальных различий электорального поведения населения только возросли. Существующая точка зрения, что основные электоральные расколы в России сместились с межрегионального ровня на внутрирегиональный в значительной степени подтверждается в связи с тем, что урбанистический фактор в еще большей степени определяет дифференцированность электорального поведения населения. Но так же на примере Юга России мы видим и увеличение межрегиональных электоральных расколов; в данном случае дифференциация обуславливается этническим фактором.

Высокие показатели территориальной дифференциации электоральных ориентаций населения свидетельствуют о существенных противоречиях в политической культуре России. Соответственно, возрастание этой дифференциации свидетельствуют о том, что существующие противоречия далеки от гармоничного разрешения.

Значение электоральных «расколов» в российской политике проявляется исключительно ярко. Но не удается построить иерархию этих факторов по их роли. В разных регионах и при голосовании за разные партии ведущие факторы могут меняться. Тем не менее, в Южном федеральном округе приоритет принадлежит социо-культурным факторам. Провести взаимосвязь между электоральными предпочтениями и уровнем экономического развития территорий в данном случае гораздо сложнее. Очевидно, что ни одна из существующих сегодня гипотез не может объяснить феномен устойчивости территориальных различий политических предпочтений.

В связи с этим можно высказаться в поддержку гипотезы о том, что специфические электоральные ориентации являются устойчивой социальной характеристикой электоральной общности. Формируясь не имманентно данной общности, а под влиянием объективных факторов, электоральные ориентации обнаруживают столь высокую степень устойчивости, что объяснить данными объективными факторами гораздо сложнее. Система электоральных предпочтений каждой общности имеет собственную логику развития, подчиняется определенным закономерностям, наличие которых позволяет говорить об этой системе как о самостоятельном объекте. И хотя система электоральных ориентаций не является такой устойчивой и глубинной характеристикой общности, как, например, ее культурная идентичность, неправомерно полностью сводить ее к простым воздействиям внешней среды, редуцировать электоральные ориентации.

Приложение

[1] *Davis O., Hinich M.* A Mathematical Model of Policy Formation in a Democratic Society // Mathematical Application in Political Science. Dallas, 1966; *Quinn K., Martin A.* An integrated Computational Model of Multiparty Electoral Competition // Statistical Science. — 2002. — Vol. 17. — № 4; *Merrill, S.* Voting Behavior under the Directional Spatial Model of Electoral Competition // Public Choice. — 1993. — Vol. 77. — № 5.

[2] *Гельман В.Я.* Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа// Политическая наука. — 2000. -№ 3. Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. — с. 16–50.

[3] Выборы и референдумы в Ростовской области: 1989–2004: сб. науч. ст. и электоральной статистики / Под общ. ред. С.В. Юсова. Ростов н/Д, 2004; *Харченко В.* О выборах губернатора Ростовской области // Региональные выборы и проблемы гражданского общества на Юге России / Моск. Центр Карнеги: Рабочие материалы. М., 2002. — с.6–13; *Коновалов В., Абросимов Д.* Выборы губернатора Ростовской области как показатель развития гражданского общества // Там же. — с.13–22; Социально-политические ориентации населения г. Таганрога в избирательных кампаниях 2000–2004 гг.: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.А. Анищенко. Таганрог, 2004; *Нагайчук Е.* Общественно-политическое развитие Ростовской области и губернаторские выборы 2001 г. // Региональные выборы и проблемы гражданского общества на Юге России. М., 2002. — с.23–29; *Агапонов А.К., Кутырев Н.П.* Управление электоральными процессами в регионе // Политическая регионалистика (на материалах Южного федерального округа). Ростов н/Д, 2003. С.264–280; *Кислицын С.А.* Формирование гражданского общества в условиях российской демократической реформации. Ростов н/Д, 2005. — с.62–83

[4] *Баранов А.В.* Электоральная география Краснодарского края// Человек. Сообщество. Управление. — 2000. — №3–4. — с. 35–45

[5] *Дулина Н.В., Токарев В.В.* Власть и жители: социологическая оценка взаимодействия // Российские регионы в условиях трансформации современного общества. Волгоград, 2006. — с.125–131; *Дулина Н., Токарев В.* Электоральные предпочтения населения и «краткая история» голосования в Волгоградской области // Там же. — с.113–121; *Рогожин А.* Выборы главы администрации Волгоградской области и динамика послевыборной политической композиции // Там же. — с.102–112*; Гельман В.Я.* Волгоградская область: структурный плюрализм и неустойчивый бицентризм // Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000. — с.181–218.

[6] *Аствацатурова М.А., Мышьяков В.В.* Партогенез и политическое участие в Ставропольском крае на современном этапе // Там же. Вып. 2. С.78–86; *Аствацатурова М.* Ставропольский край: выборы власти и власть выборов // Там же. — С.30–38.

[7] *Гришин Н.В.* Федеральные избирательные кампании 2003–2004 гг. на территории Астраханской области. Астрахань, 2006.

[8] *Голосов Г. В.* Поведение избирателей в России: Теоретические перспективы и результаты региональных выборов 1996 г. // Полис. — 1997. — № 4; *Доленко Д.В.* Политика и территория: Основы политического регионоведения. Саранск, 2000; *Колосов В. А.* Политическая география: проблемы и методы. М., 1988; *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001; *Туровский Р. Ф.* Политическая география. Смоленск, 1999.

[9] *Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб., 1999; *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М., 2002.

[10] *Гельман В.Я.* Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа// Политическая наука. — 2000. -№ 3. Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. — с. 16–50; *Голосов Г. В.* Пределы электоральной инженерии: «Смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // По-

лис. — 1997. — № 3; *Мелешкина Е. Ю.* «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // Полис. — 2002. — № 5.

[11] *Шабров О.Ф., Анохин М.Г., Дзлиев М.И* Компьютерное моделирование социально-политических процессов. М., 1994; *Шабров О.Ф.* Системный подход и компьютерное моделирование в политическом исследовании // ОНС. — 1996. — № 2

[12] Межрегиональный электоральный мониторинг-2003 / Группа «7/89», «Циркон». (электронный ресурс) http://www.zircon.ru/russian/publication/5_1.htm

[13] *Володенков С.В.* Моделирование современных политических процессов: возможности и границы применения. Дисс….канд. полит. наук. М., 2000.

[14] *Баскакова Ю.М.* Моделирование политической реальности: количественные аспекты. Автореф. дисс. канд.пол.н. Саратов, 2006.

[15] *Анохина Н.В.* Влияние средств массовой информации на электоральное поведение: основные подходы // Социология. — 2000. — № 1;. *Афанасьев М.* Поведение избирателей и электоральная политика в России // Полис. — 1995. — № 3; *Баранов А.В.* Электоральная география Краснодарского края// Человек. Сообщество. Управление. — 2000. — №3–4; *Ваньков В.А.* Поселенческая структура в электоральном поведении: по материалам парламентских выборов в России // Полис. — 2003. — № 6; *Завершинский К. Ф.* Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. — 2002. — № 3*; Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар, 1998; *Пушкарева Г.В.* Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полис. — 2003. — № 3; *Соловьев А. И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. — 2002. — № 3; *Страхов А. П.* Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Полис. — 2000. — № 3; *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы // Выборы в посткоммунистических обществах. М., 2000.

[16] *Зарубин В.Г.* Российский избиратель: опыт социологического анализа электорального действия. СПб., 1997.

[17] *Зырянов С.Г.* Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов. Автореф. дисс. докт. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

[18] *Байханов И.Б.* Современные электоральные пространства в ракурсе мировой политики. Автореф. дисс. канд. полит. наук. М., 2007.

[19] *Близняк Р.З.* Региональный электоральный процесс (на примере Краснодарского края). Автореф. дисс. канд. полит. наук. Краснодар, 2003.

[20] *Богданова М.И.* Российская электоральная политика: институциональные ресурсы и технологии реализации. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

[21] *Дроздецкая О. А.* Региональная пресса как инструмент электорального процесса (На примере выборов в г. Краснодаре 1998–2004 гг.). Автореф. дисс. канд. полит. наук. Краснодар, 2004.

[22] *Измайлов В.З.* Электоральное поведение (мотивационно-технологический аспект). Автореф. дисс. канд. полит. наук. Краснодар, 2002.

[23] *Коняхин Е.Б.* Динамика электорального поведения в постсоветской России. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

[24] *Королькова Ю.М.* Электоральное поведение граждан в современной России. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Тула, 2007.

[25] *Матханов В.Э.* Выборы как политико-правовой институт избирательного поведения населения. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Улан-Удэ, 2007.

[26] *Парфенова О.В.* Электоральное поведение в условиях трансформации российского общества. Автореф. дисс. канд. полит. наук. М., 2006.

[27] *Пискун К.В.* Особенности электорального поведения в условиях изменяющейся политической системы Автореф. дисс. канд. полит. наук. Ярославль, 2004.

[28] *Савинков Ю.Н.* Социальные факторы управления электоральным поведением в регионе. Дисс. канд. соц. наук. Орел, 2004.

[29] *Сысоева Н.А.* Управление электоральным поведением: возможности и ограничения. Автореф. дисс. канд. соц. наук. Новосибирск. 2002.

[30] *Васильев Д.И.* Статистическое исследование электоральных установок. Автореф. дисс. канд. экон. наук. Воронеж, 2005.

[31] *Кочеткова О.В.* Экономические факторы электорального поведения. Автореф. дисс. канд. экон. наук. М., 2004.

[32] *Белов А.* Факторы территориальной дифференциации электорального поведения населения России. Автореф. дисс. канд. геогр. наук. М., 2005.

[33] *Титков А.С.* Социально-политическая структура пространства Европейской России начала XX века. Автореф. дисс. канд. геогр. наук. М., 2008.

[34] *Кучанов И.С.* Региональные выборы в России. На материалах Псковской области. 1996 — 2004 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2005.

[35] *Гришин Е.В.* Социально-психологические детерминанты предвыборных кампаний в России. Автореф. дисс. канд. психол. наук. Ярославль, 2004.

[36] *Маренков А.В.* Социально-психологические факторы электорального поведения. Дисс. канд. психол. н. Ярославль, 2004.

[37] *Маренков А.В.* Социально-психологические факторы электорального поведения. Дисс. канд. психол. н. Ярославль, 2004.

[38] *Lipset S. M., Rokkan S.* Cleavage structures, party systems and voter flignments // Party systems and voter alignments/Lipset S. M., Rokkan S. (eds.). N.Y., 1967.

[39] *Hägerstrand T.* The Propagation of Innovation Waves // Readings in Cultural Geography. Chicago and London, 1962.

[40] *Agnew J.* The Power of Place: Bringing Together Geographical and Sociological Imaginations. Unwin Hyman, 1989.

[41] *Баранов А.В.* Политические партии и объединения Кубани: география электоральной деятельности// Региональные выборы и проблемы гражданского общества в России. Ростов-на-Дону, 3—4 марта 2002 г. — 2002. — № 8.

[42] *Галкин А.А.* Динамика электорального поведения: российские реалии // Альманах ФОРУМ 2001. «Проблемы выбора». М. 2001.

[43] *Морозова Е.Г.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М., 1999.

[44] *Римский В.Л.* Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан// Решение есть всегда. Сборник трудов Фонда ИНДЕМ, посвященный десятилетней годовщине его деятельности. М., 2001.

[45] *Афанасьев М.Н.* Поведение избирателей и электоральная политика в России// Полис. — 1995. — № 3. — С.105–116.

[46] *Арбатская М.Н.* Электоральное пространство и управление избирательными правами граждан: методологические и методические основы анализа //Журнал ПОЛИТЭКС. — 2006. — N 1.

[47] *Туровский Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований// ОНС. — 2006. — №5.

[48] *Малютин М.В.* Электоральные предпочтения россиян: «парадокс стабильности»// ОНС — 1998. — №1.

[49] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001

[50] *Белановский С.* Контуры нового электорального ландшафта и возможности целенаправленного его формирования (2002) — (электронный ресурс) //www.volgainform.ru/allnews/56141/

[51] *Гельман В.Я.* Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа// Политическая наука. — 2000. -№ 3. Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. — с. 16–50.

[52] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. — 2003. — №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник — с. 111–136.

[53] *Зоркая Н. А.* Президентские выборы: электоральные установки россиян в апреле 1996 г. // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1996. — № 3. — С.24–38.

[54] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. — 2003. — №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. — с. 111–136.

[55] Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001. с. 117.

[56] *Сысоева С.И.* Пределы применимости западной методологии изучения электорального поведения в современных российских условиях// Вестник Удмуртского университета. Социология и философия. — 2003 . — с.105–121.

[57] *Lipset S. M., Rokkan S.* Cleavage structures, party systems and voter flignments // Party systems and voter alignments/Lipset S. M., Rokkan S. (eds.). N.Y., 1967. P.50

[58] *Danleavy P., Husbands C.* British Democracy at the Crossroads. L.,1985.

[59] *Franklin M. N.* The Decline of cleavage politics // Electoral change: Responses to evolving social and attitudinal structures in western countries/ Ed.by Franklin M., Mackie T.T., Valen H. N. Y., 1992. — P.154–176.

[60] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. — 2003. — №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник — с. 111–136.

[61] *Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D.* The American Voter. N.Y., 1960

[62] Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter… ; *Jennings M. Niemi R.* The Political Character of Adolescence. Princeton, 1974.

[63] Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001. С. 121.

[64] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. 2003. №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. С. 117.

[65] *Истон Д.* Будущее постбихевиоральной фазы в политической науке// Политическая наука на рубеже веков: проблемно-тематический сборник/ РАН ИНИОН; Отв. ред. вып. Л.Н. Верченов. М., 2000. с. 103.

[66] *Сысоева С.И.* Пределы применимости западной методологии изучения электорального поведения в современных российских условиях// Вестник Удмуртского университета. Социология и философия. — 2003 . с. 109.

[67] *Шумпетер И.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

[68] *Райкер У.* Брожение 50-х годов и развитие теории рационального выбора// Политическая наука на рубеже веков: проблемно-тематический сборник/ РАН ИНИОН; Отв. ред. вып. Л.Н. Верченов. М., 2000. С.115.

[69] *Fiorina M.* Retrospective Voting in American National Elections. New Haven, 1981; *Himmelweit H.T., Humphreys P., Jaeger M.* How Voter Decide. Milton Keynes, 1985.

[70] Шевченко Ю. Д. Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. — 2003. — №3 (Выборы в посткоммунистических обществах). — с. 111–136.

[71] *Батаев А.Х., Бекоев М.В.* Выборы в Государственную Думу 4-го созыва в Республике Северная Осетия-Алания (электоральное поведение населения и некоторые другие аспекты) // Бюллетень Владикавказского института управлении. — 2004. — № 11.

[72] *Шевченко Ю. Д.* Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России // Полис. — 1998. — № 1. — с.130–136.

[73] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. — 2003. — №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник — с. 111–136.

[74] *Сысоева С.И.* Пределы применимости западной методологии изучения электорального поведения в современных российских условиях// Вестник Удмуртского университета. Социология и философия. — 2003 . — с.105–121.

[75] Эволюция электорального ландшафта. Под ред. А. Сидоренко М., 2005. с.8.

[76] *Туровский Р. Ф.* Политическая география, Смоленск, 1999

[77] *Сересова У.* Социальные факторы электорального процесса в регионах России или За кого голосуют бедные// Логос — 2005 -. № 1(46). — с.258.

[78] *Rivera S. W.* Historical cleavages or transition mode? // Party politics. L.,1996. — Vol. 2, №2. — P. 177–208.

[79] *Kitschelt H.* The formation of party system in East Central Europe // Politics and society. — Los Altos, 1992. — Vol. 20, №1. — P.447–471.

[80] *Хамраев В.* Административный ресурс распоясал регионы // Коммерсантъ . 2007. № 219.
[81] *Туровский Р. Ф.* Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа // Полития. — 2004. — №1. — с. 198–232; Полития. — 2004. — №2. — с. 200–217.
[82] *Роккан С., Урвин Д.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму. — Логос. — 2003. — №6 (40). — с. 120.
[83] *Туровский Р. Ф.* Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа // Полития. — 2004. — №1. — с. 198–232; Полития. — 2004. — №2. — с. 200–217.
[84] *Туровский Р. Ф.* Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа // Полития. — 2004. — №1. — с. 198–232; Полития. — 2004. — №2. — с. 200–217.
[85] Эволюция электорального ландшафта. Под ред. А. Сидоренко М., 2005. с. 28.
[86] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.
[87] *Гельман В. Я.* Городская власть и российская трансформация // Pro et contra. — Том 6. — 2001.
[88] *Манаков А.Г., Капкина И.В.* Электоральная география России и Псковской области. Псков, 1998. с. 5.
[89] *Визгалов Д. В.* Политическая география Великобритании. Оценка территориально-политической устойчивости как элемент политико-географического районирования. Автореф. дисс. канд. геогр. наук.М., 1999.
[90] *Малютин М.В.* Электоральные предпочтения россиян: «парадокс стабильности»// ОНС. — 1998_№1. — с. 41–50.
[91] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.
[92] *Мягков М.. Ситников А.* Электоральный ландшафт России. Аналитический доклад, 2004. (электронный ресурс) — http://www.glazev.ru/glazev_position/1282/
[93] *Смирнягин Л.В.* Пять лет и восемь голосований: созрела ли территориальная структура российского общества? М., 1999.
[94] *Манаков А.Г.* Прикладные аспекты электорально-географических исследований (электронный ресурс) — http://www.electoral.newmail.ru/articles.
[95] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.
[96] *Мягков М., Ситников А., Шакин Д.* Российский электорат: от стабильности к непредсказуемости (1995–2004 гг.) (электронный ресурс) — http://openecon.shulgin.ru/dep.asp@ob_no=251.
[97] *Манаков А.Г.* Прикладные аспекты электорально-географических исследований (электронный ресурс) — http://www.electoral.newmail.ru/articles.
[98] *Манаков А.Г.* Губернаторские выборы в Псковской области: преемственность электората и география голосования // Выборы и проблемы гражданского общества на Северо-Западе России. Вып. 5. М., 2001. С. 52–59.
[99] *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000.
[100] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. — 2003. — №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник — с. 111–136.
[101] *Campbell A.* Surge and decline: A study of electoral change // Public opinion quart. Princeton, I960. — Vol. 24. — P.397–418.
[102] *Tufte E.* Determinants of the outcomes of midterm congressional elections // Amer. political science rev. Baltimore, 1975. — Vol. 69. — P.812–826.
[103] *Kramer G.* Short-term fluctuations in U.S. Voting behavior, 1896–1964 // Amer. political science rev. Baltimore, 1971 — Vol. 65. — P.131–143.
[104] *Dalton R., Wattenberg M.P.* The not so simple act of voting // The state of the discipline 11/FinifterA. (ed.). Wash., 1996. — P.193–218.
[105] *Erikson R. S.* Economic conditions and the congressional vote: A review of the macrolevel evidence // Amer. journal of political science. Austin, 1990. — Vol. 34, №2. — P.567–573.

[106] *Dinkel R.* The Relationship between federal and state elections in West Germany // Elections and parties/ Ed. by Kaase M., von Beyme K. L., 1978. — P.53–65.

[107] *Reif K., Schmitt H.* Nine second-order national elections: A conceptual framework for the analysis of European election results // European journal of political research. Amsterdam, 1980. — Vol. 8. — P.3–44.

[108] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. 2003. №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. с. 111–136.

[109] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. 2003. №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. с. 111–136.

[110] *Шевченко Ю. Д.* Конфликт между ветвями власти и электоральное поведение в России // Мировая экономика и международные отношения. — М., 1999. — №1. — С.82–89.

[111] *Reif K., Schmitt H.* Nine second-order national elections: A conceptual framework for the analysis of European election results // European journal of political research. Amsterdam, 1980. — Vol. 8.- P.3–44.

[112] *Нагайчук Е.* Общественно-политическое развитие Ростовской области и губернаторские выборы 2001 г.// Региональные выборы и проблемы гражданского общества в России. Ростов-на-Дону, 3—4 марта 2002 г. № 8, 2002. М., 2002. с.25.

[113] *Голосов Г.В.* Политические партии и электоральная политика в 1993–1995 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М., 2000. с. 106–129.

[114] *Гельман В.Я.* Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа// Политическая наука. — 2000. -№ 3. Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. — с. 16–50.

[115] *Голосов Г.* Пределы электоральной инженерии: «Смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // Полис. — 1997. — № 3. — с.102–113.

[116] *Манаков А.Г.* Прикладные аспекты электорально-географических исследований (электронный ресурс) — http://www.electoral.newmail.ru/articles.

[117] *Баранов А.В.* Политические партии и объединения Кубани: география электоральной деятельности// Региональные выборы и проблемы гражданского общества в России. Ростов-на-Дону, 3—4 марта 2002 г. — 2002. — № 8.

[118] *Мягков М.. Ситников А.* Электоральный ландшафт России. Аналитический доклад, 2004. (электронный ресурс) — http://www.glazev.ru/glazev_position/1282/

[119] *Шевченко Ю. Д.* Поведение избирателей в России: основные подходы// Политическая наука. 2003. №3 Выборы в посткоммунистических обществах. Проблемно-тематический сборник. с. 111–136.

[120] *Петров Н.* Анализ результатов выборов 1995 г. в Государственную думу России по округам и регионам // Парламентские выборы 1995 г. в России/ Под ред. Петрова Н. И. Макфола М. М., 1996. — с.7–57; *Клямкин И.* Электорат демократических сил // Анализ электората политических сил России/ Под ред. Иоффе А. И. М., 1995. — с. 17–23.

[121] *Страхов А.П.* Тенденции изменения электоральных предпочтений основных социокультурных групп российского общества// Выборы в Российской Федерации. Под ред. М.Б. Горного. СПб., 2002.

[122] *Малютин М.В.* Электоральные предпочтения россиян: «парадокс стабильности»// ОНС — 1998. — №1.

[123] *Журкина И.А.* Сравнительный анализ электоральных предпочтений Российских избирателей в регионах России разного типа — (электронный ресурс)- http://geopub.narod.ru/student/jurkina/1/main.htm

[124] *Туровский Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований// ОНС. — 2006. — №5.

[125] *Ситников А.* С чужого голоса// КоммерсантЪ-Власть. — 2005 — № 8 (611).

[126] *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М., 2002.

[127] *Жидкин А.* Географический анализ устойчивости типов электорального поведения населения России (рукопись). М., 1996.

[128] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.

[129] *Баранов А.В.* Политико-географические факторы электорального поведения на Юге России (электронный ресурс) — http://www.ia-centr.ru/comments.php.

[130] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.

[131] *Лузина Е.В.* Особенности электоральных предпочтений российских избирателей в городах разного типа (электронный ресурс) — http://geopub.narod.ru/student/luzina/1/main.htm

[132] *Баранов А.В.* Политические партии и объединения Кубани: география электоральной деятельности// Региональные выборы и проблемы гражданского общества в России. Ростов-на-Дону, 3—4 марта 2002 г. — 2002. — № 8. — с. 50.

[133] *Туровский Р. Ф.* Политическая география. Смоленск, 1999. с. 357–359.

[134] *Мягков М., Ситников А., Шакин Д.* Российский электорат: от стабильности к непредсказуемости (1995–2004 гг.) (электронный ресурс) — http://openecon.shulgin.ru/dep.asp@ob_no=251.

[135] *Журкина И.А.* Сравнительный анализ электоральных предпочтений Российских избирателей в регионах России разного типа — (электронный ресурс)- http://geopub.narod.ru/student/jurkina/1/main.htm.

[136] *Журкина И.А.* Сравнительный анализ электоральных предпочтений Российских избирателей в регионах России разного типа — (электронный ресурс)- http://geopub.narod.ru/student/jurkina/1/main.htm.

[137] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.

[138] *Туровский Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований// ОНС. — 2006. — №5.

[139] *Туровский Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований// ОНС. — 2006. — №5.

[140] *Туровский Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований// ОНС. — 2006. — №5.

[141] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.

[142] *Колосов В. А.* Политическая география: проблемы и методы. М., 1988.

[143] *Титков А.С.* Модели развития региональных элит// Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. Ред. Мельвиль А.Ю. М., 1999.

[144] *Левчик Д.А., Левчик Э.Г.* «Человек у власти»: представления оппозиционного электората// Социс. — 1999. — №6.

[145] *Туровский Р.Ф.* Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования) // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России / Под ред. Беляевой Л. М., 1996. — с.37–52.

[146] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.

[147] *Петров Н.* Анализ результатов выборов 1995 г. в Государственную думу России по округам и регионам // Парламентские выборы 1995 г. в России/ Под ред. Петрова Н. И. Макфола М. М., 1996. — с.7–57.

[148] Политическая география Ростовской области (электронный ресурс) — http://socarchive.narod.ru/bibl/polros/Rostov/politgeogr.htm.

[149] *Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар, 1998; *Морозова Е.В.* Современная политическая культура Юга России // Полис. — 1998. — № 6. — с. 113–131.

[150] *Баранов А.В.* Политические ориентации избирателей Краснодарского края в контексте политической культуры (по материалам парламентских выборов)// Политэкс. — 2006. — № 2. — с. 25–35.

[151] *Сересова У.* Социальные факторы электорального процесса в регионах России или За кого голосуют бедные// Логос — 2005 -. № 1(46). — с. 261.

[152] Эволюция электорального ландшафта. Под ред. А. Сидоренко М., 2005. с.16.

[153] *Колосов В. А.* Политическая география: проблемы и методы. М., 1988.

[154] *Туровский Р. Ф.* Политическая география. Смоленск, 1999.

[155] *Баранов А.В.* Политико-географические факторы электорального поведения на Юге России (электронный ресурс) — http://www.ia-centr.ru/comments.php.

[156] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.

[157] *Галкин А.А.* Динамика электорального поведения: российские реалии // Альманах «Форум». М. 2001.

[158] *Мелешкина Е. Ю.* Российский избиратель: установки и выбор // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.

[159] *Баскакова Ю.М.* Моделирование политической реальности: количественные аспекты. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Саратов, 2006.

[160] *Голосов Г.В.* Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, динамика. М., 1999.

[161] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.

[162] *Лавров А.М.* Российские регионы сквозь призму выборов — (электронный ресурс) www.iet.ru/usaid/electfacts/3.htm.

[163] *Баранов А.В.* Политико-географические факторы электорального поведения на Юге России (электронный ресурс) — http://www.ia-centr.ru/comments.php.

[164] *Петров Н.* Анализ результатов выборов 1995 г. в Государственную думу России по округам и регионам // Парламентские выборы 1995 г. в России/ Под ред. Петрова Н.И. Макфола М. М., 1996. — с.7–57.

[165] *Петров Н. В., Титков А. С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001.

[166] *Титков А.С.* Модели развития региональных элит// Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. Ред. Мельвиль А.Ю. М., 1999.

[167] *Лузина Е.В.* Особенности электоральных предпочтений российских избирателей в городах разного типа (электронный ресурс) — http://geopub.narod.ru/student/luzina/1/main.htm.

[168] *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981. с. 114.

[169] *Диамбеков А.С.* Некоторые гипотезы о влиянии фактора территориально-этнической ментальности на методы политического PR в Северной Осетии — (электронный ресурс) — http://www.inci.ru/vestnikiii/vest07.html.

[170] *Туровский Р. Ф.* Политическая география. Смоленск, 1999. с. 42.

[171] *Афанасьев М.* Поведение избирателей и электоральная политика в России // Полис. 1995. № 3.

[172] *Манаков А.Г.* Прикладные аспекты электорально-географических исследований (электронный ресурс) — http://www.electoral.newmail.ru/articles.

[173] Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001. с. 34.

[174] *Анохина Н., Мелешкина Ю.* Итоги голосования и электоральное поведение // Второй электоральный цикл в России (1999—2000) / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М., 2002. — с.159.

[175] *Лавров А.М.* Российские регионы сквозь призму выборов — (электронный ресурс) www.iet.ru/usaid/electfacts/3.htm.

[176] Эволюция электорального ландшафта. Под ред. А. Сидоренко М., 2005. с.21.

[177] *Тикунов В.С., Орешкина Д.Д.* Управляемая демократия: российский вариант (электронный ресурс) — http://old.soob.ru/soob/00/00–12–12/12ogl.htm.

[178] *Заварзин А.В., Орешкина Д.Д., Тикунов В.С.* Электоральная культура России: классификации и картографирование в геоинформационной среде (электронный ресурс) — http://www.gisa.ru/16183.html.

[179] *Дугин А.* Выборы и конфессии // Евразийское обозрение. — 2003. — № 8 -http:// evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1038

[180] *Дугин А.* Выборы и конфессии // Евразийское обозрение. -2003. — № 8 - http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1038

[181] *Кочеткова О.В.* Экономические факторы электорального поведения. Автореф. дисс. канд. экон. наук. М., 2004.

[182] *Шевченко Ю.Д.* Подводя итоги: результаты российских выборов 1993—1996 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М., 2000. — с. 217.

[183] *Овчинников Б.* Российские регионы: социальные характеристики и электоральное поведение // Взрывной пояс-96: российские регионы и электоральное поведение. Sapporo, 1999. с. 36.

[184] *Титков А.С.* Модели развития региональных элит// Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. Ред. Мельвиль А.Ю. М., 1999.

[185] *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. — 1996 — № 4. — с. 33–47.

[186] *Смирнягин Л.В.* Пять лет и восемь голосований: созрела ли территориальная структура российского общества? М., 1999.

[187] *Кочеткова О.В.* Экономические факторы электорального поведения. Автореф. дисс. канд. экон. наук. М., 2004.

[188] *Сересова У.* Социальные факторы электорального процесса в регионах России или За кого голосуют бедные// Логос. — 2005. — № 1(46). — с. 274.

[189] *Туровский Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований// ОНС. — 2006. — №5.

[190] *Agnew J.* A. Place and Politics. The Geographical Mediation of State & Society. Boston, 1987.

[191] *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2006. — с.17.

[192] *Римский В.Л.* Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан // Решение есть всегда. Редакторы-составители: Г. Сатаров, Д. Шмерлинг, Т. Кузнецова. М., 2001. — с. 251–259.

[193] *Вартумян А.А.* Региональный политический процесс: динамика, особенности, проблемы. М., 2004.

[194] *Баранов А.В.* Политико-географические факторы электорального поведения на Юге России (электронный ресурс) — http://www.ia-centr.ru/comments.php.

[195] *Туровский Р.Ф.* Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования) // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России / Под ред. Беляевой Л. М., 1996. — с.37–52.

[196] *Страхов А.П.* Социокультурные детерминанты и общественные настроения в России // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — №1. — с. 69–77.

[197] *Страхов А. П.* Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Полис. — 2000. — № 3. — с. 90–103.

[198] *Баранов А.В.* Политико-географические факторы электорального поведения на Юге России (электронный ресурс) — http://www.ia-centr.ru/comments.php.

[199] *Сысоева С.И.* Пределы применимости западной методологии изучения электорального поведения в современных российских условиях// Вестник Удмуртского университета. Социология и философия. — 2003 . — с.115.

[200] *Laserfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The people's Choice. N.Y., 1948.

[201] *Klapper J.* The Effects of Mass Communication. N.Y., 1961.

[202] *McCombs* M, *Shaw D.* The Agenda-Setting Function of Mass-Media // Public Opinion Quarterly. 1972. V. 36. № 3.

[203] *Анохина Н.В.* Влияние средств массовой информации на электоральное поведение: основные подходы // Социология. — 2000. — № 1.

[204] *Трефилова Н.И.* Воздействие СМИ на общественное сознание электората в период стабилизации политической системы РФ (региональный уровень). Автореф. дисс... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2004.

[205] *Дроздецкая О. А.* Региональная пресса как инструмент электорального процесса (На примере выборов в г. Краснодаре 1998–2004 гг.). Дисс. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2004.

[206] *Батаев А.Х., Бекоев М.В.* Выборы в Государственную Думу 4-го созыва в Республике Северная Осетия-Алания (электоральное поведение населения и некоторые другие аспекты) // Бюллетень Владикавказского института управлении. — 2004. — № 11.

[207] *Батаев А.Х., Бекоев М.В.* Выборы в Государственную Думу 4-го созыва в Республике Северная Осетия-Алания (электоральное поведение населения и некоторые другие аспекты) // Бюллетень Владикавказского института управлении. — 2004. — № 11.

[208] *Овчинников Б.* Электоральная эволюция: пространство регионов и пространство партий // Полис. — 2000. -№ 2. — с.68.

[209] *Римский В.Л.* Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан// Решение есть всегда. Сборник трудов Фонда ИНДЕМ, посвященный десятилетней годовщине его деятельности. М., 2001..

[210] *Хамраев В.* Административный ресурс распоясал регионы// Коммерсантъ . 2007. №219.

[211] *Воронцова А.Б., Звоновский Б.В.* Административный ресурс, как феномен российского избирательного процесса // Полис. — 2003. — №6. — с. 115.

[212] *Благовещенский Ю. Н., Винюков И. А.* Анализ выборов в Думу-2003 и стратификация избирателей// Интернет-мониторинг выборов 2003–2004 годов в России. М., 2004.

[213] *Галкин А.А.* Динамика электорального поведения: российские реалии // Альманах ФОРУМ 2001. «Проблемы выбора». М. 2001.

[214] *Туровский Р.Ф.* Новая и хорошо забытая старая электоральная география (электронный ресурс) — http://www.politcom.ru/2004/obsh_vibor11.php

[215] *Баранов А.В.* Политико-географические факторы электорального поведения на Юге России (электронный ресурс) — http://www.ia-centr.ru/comments.php.

[216] *Баранов А.В.* Политико-географические факторы электорального поведения на Юге России (электронный ресурс) — http://www.ia-centr.ru/comments.php.

[217] *Киблицкий А.А.* Политическая самоидентификация донского казачества: технологический аспект. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

[218] *Любарев А.Е.* Голосование «против всех»: мотивы и тенденции // Полис. 2003. № 6. С. 109.

[219] *Маслов О., Прудник А.* Активно-протестный электорат — новая политическая сила — (электронный ресурс) http://www.polit.nnov.ru/2004/07/27/electorat/

[220] *Ахременко А.С.* Голосование против всех на российском региональном фоне // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. — 2001. — № 5.